

Мелина Боярова

ЕДИНСТВЕННАЯ
ДЛЯ КНЯЗЯ
КАК ДОЛГО Я ТЕБЯ ИСКАЛ

Annotation

Однажды я проснулась и осознала, что ничего не помню о себе и собственном прошлом. Говорят, я важный свидетель в громком преступлении, и мои показания помогут разоблачить убийцу. Я готова сотрудничать со следствием и хочу вспомнить, кто же такая гимназистка Молчанова. Проблема в том, что я совсем не тихоня и отличница, за которую меня все принимают. И самое ужасное, что великий и безупречный канцлер, лично заинтересованный в расследовании, начинает меня в чем-то подозревать. *** — альтернативный мир Российской империи, описанный в цикле "Талисман для князя" — события развиваются, спустя 12 лет после победы над орденом Тьмы и восхождения на престол императора Ивана Бельского

- [Единственная для князя. Как долго я тебя искал](#)
 - [Мелина Боярова. Единственная для князя. Как долго я тебя искал](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Эпилог](#)
-

**Единственная для князя. Как долго я
тебя искал**

**Мелина Боярова. Единственная для
князя. Как долго я тебя искал**

Глава 1

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь лекарств и обеззараживающего средства намертво въедается в оштукатуренные стены, оседает на дощатом полу, подоконниках и полированных спинках кроватей. Я еще витала в приятной дреме, цепляясь за обрывки сна, а в носу уже свербело от хлорной извести.

До слуха донеслось ворчание уборщицы и скользящий звук швабры с характерным постукиванием. Ежедневная уборка помещений и неизбежный ранний подъем пациентов – классическое начало дня в любом лечебном заведении нашей необъятной страны. Наконец, хлопнула дверь, обдавая меня легким сквозняком, и наступила тишина. Однако я уже проснулась. Едкий запах стал резче, проникнув внутрь вместе с порывом воздуха, чему я искренне возмутилась и оповестила об этом громким чиханием. Туман в голове сразу прочистился, я распахнула глаза и уставилась в беленый потолок.

И что это я здесь делаю? – возник резонный вопрос и следом не менее важный. – А я – кто?

Странное ощущение – не знать, кто ты такая, и в то же время понимать, что это ненормально. Ведь, если ты чего-то не помнишь, то и не задумываешься над этим. Я потрясла головой, затем прикоснулась пальцами к вискам и с силой на них надавила. Кроме вспышки боли, действие ничего не принесло. Что-то мешало вспомнить.

В одноместной палате помимо кровати, стула и тумбочки, на стене у входа висел рукомойник. Под ним располагалась металлическая чаша, упрятанная в деревянную тумбу, на которой заметила мыльные принадлежности и зеркальце на длинной ручке. К нему-то я и устремилась за ответами.

Из тусклого прямоугольника на меня грустными глазами цвета медового хмеля смотрела милостивая блондинка с пухлыми губками. Я сжала их в тонкую полоску и нахмурилась, придирчиво оценивая себя со стороны. Рост выше среднего – откуда-то я это знала, фигура спортивная, сформировавшаяся, привычная к физическим нагрузкам.

Волосы густые, но слишком тонкие и воздушные. Прически на таких долго не держатся. Родимые пятна и прочие отметины на видимых местах отсутствуют. И лет мне на вид от семнадцати до двадцати, хотя по ощущениям намного старше. Что же, неплохо для начала. Осталось выяснить, кто я и как сюда попала.

Накинув поверх ночной рубашки больничный халат, я сунула ноги в матерчатые тапки и прошлепала к двери, высунув нос наружу. Хм, длинный коридор с палатами по обе стороны. Примерно посередине находится стол дежурной медсестры. Слева на кушетке, откинувшись к стене, дремлет немолодой мужчина в униформе. Несмазанные петли скрипнули, и незнакомец тут же встрепенулся, машинально положил правую руку на кобуру с торчащей наружу коричневой рукоятью табельного оружия.

– Барышня? – увидев меня, мужчина нахмурился. – Не положено! Вернитесь в палату!

– Кем не положено? Что не положено? – Я оторопела, а дежурная подняла заспанное личико, несколько секунд смотрела непонимающим взглядом, а после подскочила с места и бегом бросилась ко мне.

– Барышня, что же вы встали? Нельзя вам! Доктор не разрешал подниматься. Вернитесь в палату, пожалуйста! – приблизившись, машинально подхватила под локоток, но тут же отдернула руку, будто я прокаженная.

– Извините! – Я растерялась, совершенно ничего не понимая. – Мне нужно посетить туалетную комнату.

– Не извольте беспокоиться! Сейчас Марью Кузьминичну пришлю, и все на месте сделаете. А вставать нельзя. Вдруг головокружение начнется? Или обморок случится? Вчера Эдуард Францевич весь резерв на вас потратил. Что же вы, столько трудов и насмарку? Никак нельзя, Настасья Трофимовна. Идемте в палату.

Анастасия Трофимовна? Ну, хоть имя узнала. Кстати, на двери с наружной стороны висела табличка, где значилась пациентка Молчанова. Выходит, это я и есть?

Задумавшись, я вернулась в палату. Медсестра чуть ли не на пятки наступала и семенила следом, будто опасалась, что я нарочно бухнусь тут в обморок. Нет, это не мой вариант – слишком отличаюсь от изнеженных девиц. Хм, откуда такая уверенность?

– Молчанова Анастасия Трофимовна – это я? – уточнила на всякий случай.

– А вы не помните? – Девушка посмотрела с жалостью. – Эдуард Францевич предупреждал, что возможна кратковременная потеря памяти. После ментального удара и не такое случается. Из группы только вы и выжили... – осеклась, прикрыла рот ладошкой и покосилась на дверь, за которой сидел караульный. – Ой! Не велено же ничего рассказывать. Не выдавайте, пожалуйста!

– Не выдам! – кивнула решительно. – Только и вы помогите. Расскажите, что обо мне известно? Как я сюда попала?

– Да не знаю я ничего толком, – медсестра испуганно понизила голос. – В ночную смену вчера заступила, а вас еще днем привезли. Главный, говорят, ни на шаг из палаты не отходил, а в коридоре столько народу толпилось – ужас. Околоточный, жандармы, важные господа в штатском, маги – посмотреть в их сторону лишний раз страшно. Слухи по больнице расползлись, будто гимназистов с Большой Дворянской насмерть поубивало. Жалко-то как! – достала платочек из передника и смахнула слезинки со щек.

Я присела на кровать, огорошенная новостями. Получается, погибли люди, с которыми я была знакома? Внутри шевельнулась жалость, но тут же и заглохла. Конечно, я сочувствовала горю, что пришло в чужие семьи, но ощущения потери не испытывала. Может, из-за того, что ничего не помнила об этих ребятах?

Медсестра, воспользовавшись моей задумчивостью, тихонько выскользнула за дверь, а на смену ей минут через десять пришла Марья Кузьминична – санитарка, ухаживающая за тяжелыми больными. С собой она принесла теплой воды для умывания и судно.

– Так, я же хорошо себя чувствую, сама дойду до туалетной комнаты, – возразила, опасливо разглядывая нехитрое приспособление.

– Вот и ладно! Эдуард Францевич будет рад. А вставать и выходить из палаты не велено. Вы уж не подведите, не нарушайте установленный режим. Вдруг вам хуже сделается, с кого за это спросят?

Сопротивляться установленным правилам я посчитала бессмысленным. Только отчего все так опасаются ко мне прикоснуться? Заметила, что санитарка тоже держится на расстоянии.

Пока она перестилала постель, я умылась, почистила зубы, расчесала волосы и заплела тугую косу. Уже потом обратила внимание, насколько привычны для меня эти действия.

Перед уходом Марья Кузьминична смахнула пыль с подоконника и мебели, протерла дверные ручки и предупредила, что завтрак принесет после обхода. Вдруг доктор процедуры назначит, при которых кушать нежелательно? Я равнодушно пожалала плечами. В данном вопросе ничего не понимала, хотя не отказалась бы перекусить. Забравшись в кровать, как настойчиво просила женщина, вытянула руки вдоль тела и покивала, заверяя, что вставать до прихода доктора не буду. Но, стоило санитарке выйти за дверь, как я тут же вскочила и босиком прошлепала к окошку с двойным рядом стекол. Из моей палаты просматривался внутренний больничный двор с палисадником и скамеечками для отдыха. У крылечка, свернувшись клубком под навесом, лежал дворовый пес. И воробьи, нахохлившись, сидели на голых ветках единственного деревца. Ненастная погода и морозящий дождик не располагали к прогулкам.

Заслышав шаги и шум разговоров снаружи, вернулась в кровать. Только успела вытянуться, как дверь распахнулась, запуская толпу народа. Хотя обозвать их толпой я погорячилась. Вошли двое: широкоплечий мужчина в белом халате и средних лет дама в сером платье с белым передником.

– Ну-с, доброго здоровья, Анастасия Трофимовна, – поздоровался доктор и притормозил у раковины, споласкивая руки. – Как самочувствие? Есть ли жалобы?

– Здравствуйте, э... Эдуард Францевич? Самочувствие нормальное, жалоб нет, – ответила неуверенно.

– Вот как? – Мужчина изумленно вскинул бровь. – А мне тут передали, что с памятью проблемы возникли. Будто бы имени собственного не вспомнили. Это так?

– Так! – Я нервно улыбнулась. – Но у меня ничего не болит, руки-ноги на месте – все в порядке.

– Не скажите, барышня. – Доктор подошел к кровати и присел с краю. – Давайте посмотрим на ваше «в порядке». Полежите смирно.

У меня глаза округлились, когда мужчина занес ладони над моей головой. Пространство вокруг его рук будто бы посветлело, а меня коснулось что-то ласковое, доброе и теплой волной прошлось по телу.

Сразу сил прибавилось, появилось непреодолимое желание подскочить с места, заняться каким-нибудь делом. Только просьба «полежать смирно» удерживала на месте.

– Действительно, физические показатели в норме, – подтвердил Эдуард Францевич. – Сейчас только кровь посмотрим, очистилась ли, а то дымом так надышалась, думал, не откачаем. – Мужчина коснулся жилки на моем запястье и замер, с минуту слушая пульс. – Чисто! Вот и славно! – посмотрел на меня хитрым прищуром глаз.

Он не побрезговал взять меня за руку, и это приятно удивило. А вот то, что последовало за этим, напугало немного. Я вдруг отчетливо увидела, чем доктор занимался перед обходом. У него состоялась беседа с человеком в военной униформе, который прибыл в сопровождении еще двух сотрудников. Невольно ощутила неприязнь, которую вызвал столь ранний визит у Эдуарда Францевича. Причем, неприязнь профессиональную, означающую, что эти посетители готовы на крайние меры, лишь бы добиться результата.

– К вам тут из Следственного комитета пожаловали, – предупредил Эдуард Францевич. – Я рекомендовал дать вам пару дней полного покоя и постельного режима, но дело уж больно важное.

– Доктор! – Я вцепилась в рукав его больничного халата. – Но я ничего не помню! Абсолютно! Чистый лист. Что я им скажу?

– Правду, Анастасия Трофимовна, – Эдуард Францевич участливо похлопал по моей похолодевшей ладошке и вежливо отстранился. – Исключительно правду! Зиночка, – обратился к молчаливой помощнице, – пожалуйста, сообщите, как Их превосходительство закончит беседу.

– А лечение? Особые распоряжения будут? – уточнила женщина красивым грудным голосом.

– Позже назначим. Посмотрим, что маг скажет. – С этими словами мужчина поднялся и вышел из палаты.

Дверь не успела закрыться, как на пороге показались те самые личности из странного видения. Первый – седовласый мужчина в наглухо застегнутом черном мундире с двойным рядом пуговиц, воротник-стойку и обшлага которого украшало золотое шитье. Внешность у гостя запоминающаяся: пышные усы, шрам над левой бровью и внимательный взгляд глубоко посаженных глаз. Добродушная улыбка ничуть не обманула в том, что настроен он

решительно. Его спутники деловито рассредоточились по комнате. Один устроился в изголовье за спинкой кровати. Второй – занял место у двери и зашторил смотровое окошко.

– Доброго утра, барышня! – Первым заговорил важный гость, усаживаясь на единственный стул, придвинутый вплотную к кровати. – Начальник Следственного комитета имперского сыска действительный статский советник Лутецкий Степан Аверьянович. Это, – указал на моложавого мужчину у входа, – старший следователь Запрудов Николай Васильевич и штатный маг разума четвертой категории Остромыслов Глеб Валерьянович, – кивком обозначил третьего гостя.

– З-здравствуйте! – Не знаю, что больше впечатлило, высокий чин посетителя или присутствие мага разума? – Чем могу помочь, Ваше превосходительство?

– Можете, Анастасия Трофимовна. Поможете тем, что расскажете подробно о вчерашних событиях.

– Но я... я не помню. Только имя свое недавно узнала, и ничего больше.

– Глеб Валерьянович? – мужчина бросил взгляд на мага.

– Не врет, – подтвердил он. – С вашего позволения, я хотел бы убедиться.

Начальник степенно кивнул, давая такое разрешение, отчего у меня внутри заглодело. Видно, моего согласия даже не требовалось. Я расслышала шорох снимаемых перчаток, затем сверху нависла тень, а на виски легли чужие прохладные пальцы. Я сжалась в ожидании неприятных ощущений, и не ошиблась. Голову будто жгутом передавило и прострелило резкой мигреновой болью. Из глаз брызнули слезы, и я закусилась до крови нижнюю губу, чтобы не закричать. Помочь я хотела и вспомнить – тоже. Ради этого стоило потерпеть. Не представляла только, что это так больно.

– Ааа! – Все же не выдержала и закричала в голос.

Как бы я хотела в этот момент побыть слабой барышней, падающей в обморок от малейшего испуга. Но даже зубодробительная боль не заставила потерять сознания. Как в тумане расслышала приказ Лутецкого прекратить, а после в дверь, удерживаемую третьим сотрудником, забарабанили.

– По какому праву? – расслышала возмущенный голос. – Гимназистка Молчанова – пострадавшая, а вы обращаетесь с ней, как с преступницей!

– Зачем же я пациентку с того света вытаскивал, чтобы ее тут же угробили! – узнала во втором заступнике Эдуарда Францевича.

Судя по звукам, защитники прорвались в палату. Разглядеть их мешало противное мельтешение в глазах.

– Девушка – важный свидетель! – скупно огрызнулся действительный статский советник. – Ее показания помогут отыскать убийцу!

– Но я ведь предупреждал об амнезии! – укорил доктор. – Грубым вмешательством вы только навредите. Желаете, чтобы молодая и полная сил девушка превратилась в овощ?

Эй! Какой такой овощ? Мы так не договаривались.

К троице в черном возникла резкая антипатия. Я и так не испытывала к ним теплых чувств, а после экзекуции, которой меня подвергли походя, совершенно утратила доверие.

– Это дело государственной важности! Молчанова – будущий сотрудник полиции и дала согласие на процедуру.

– Она ничего не помнит, и сама не поняла, на что согласилась, – продолжал рьяно защищать меня незнакомый голос.

– Довольно споров! – устало произнес Лутецкий. – Эдуард Францевич, какие прогнозы на восстановление памяти?

– С этого и надо было начинать! Я думал, ваш мозголом справится, поможет как-то, подстегнет умственные процессы, отвечающие за воспоминания. А теперь что? Мне нужно ее осмотреть, чтобы дать прогнозы.

– Ну, так осматривайте! Кто мешает? – Я расслышала звук отодвигаемого стула, шорох и удаляющиеся шаги.

Ага, а другой так и навис, следит за каждым движением. Мага я теперь здраво опасалась и не желала иметь с ним дел. Поэтому лежала, не шевелясь, чтобы он снова не принялся за свое. Ирод! Хоть бы предупредил, что это опасно. Но вот я снова почувствовала тепло и прилив сил, отчего на губы невольно напозла блаженная улыбка.

– Спасибо! – Чуть приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на спасителя.

– Как самочувствие, Анастасия Трофимовна? – участливо поинтересовался Эдуард Францевич.

– Значительно лучше. Голова только гудит и тошно в груди, – прислушалась к себе. – Не думала, что это будет так...

Краем глаза заметила, как маг покинул место в изголовье кровати, подошел к Лутецкому и что-то шепнул тому на ухо. Начальник бросил на меня подозрительный взгляд, будто намеревался подловить на чем-то, но я не отвела глаз и выдержала эту короткую схватку.

– За вами будет присматривать мой человек, – предупредил на прощание действительный статский советник. – Если что-то вспомните, немедленно сообщайте. Берегите себя.

Когда тройца в черном покинула палату, я выдохнула с облегчением. Одно присутствие представителей Следственного комитета наводило страх, который теперь еще подкрепился угрозой физической расправы.

Доктор рекомендовал мне покой и сон, даже прописал успокоительные капли, которые надлежало принять сразу после завтрака. Но перед этим состоялось еще одно знакомство. Тот самый голос, что остановил пытку, принадлежал крепкого телосложения мужчине с пышными бакенбардами. Лицом он раскраснелся, глаза из-под кустистых бровей метали молнии. И слава Богу, что не я тому причиной! Но в целом весь облик Демиды Ивановича Савушкина, как он мне представился, в серо-синем длиннополном кафтане, скрадывающим округлый живот, армейских штанах с лампасами и начищенных до блеска сапогах вызывал положительные эмоции. Как-то сразу верилось, что этот человек только кажется суровым, а на деле – добряк, радеющий за дело и переживающий за воспитанников, как за собственных детей. Статский советник Савушкин возглавлял Первую губернскую гимназию на Большой Дворянской улице, где я проходила обучение. Отсюда его заступничество и спор с представителями Следственного комитета.

Демид Иванович пожелал скорейшего выздоровления и возвращения в родные пенаты. А я посетовала, как же буду учиться, если ничего не помню.

– Наверстаете, голубушка, – заверил директор, ничуть в этом не сомневаясь. – С вашим цепким умом и талантами быстро восстановите навыки. Дадим вам отсрочку и возможность пересдать экзамены.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Попечительский совет пойдет навстречу. А я еще компенсацию с Управы стребую, что сунули стажеров волку в пасть. Если потребуется, до императора дойду! Сполна ответят за гибель гимназистов, будьте уверены!

– Спасибо! – А что тут еще скажешь? Пока все происходящее вокруг – темный лес.

После ухода Демида Ивановича я, наконец, позавтракала, послушно выпила лекарства и провалилась в забытье. Сны меня посетили странные, будто бы я видела мир чужими глазами. Вроде бы он походил на привычный, и в то же время был другой. И лет мне за сорок, семья имеется, детки. Работала я в здании этажей на сто, до дома добиралась на подземной конке, разгоняющейся до такой скорости, что от шума свистящего снаружи ветра закладывало уши. Наверное, из этих странных сновидений и взялось ощущение, что я старше, чем выгляжу. Но сны были такие живые, настоящие, что я невольно засомневалась в собственном существовании. Быть может, все как раз наоборот, и это Настя Молчанова появилась из ночных грез?

Проснулась рывком, с навязчивым ощущением нереальности. Так умом недолго тронуться, ничего не зная о себе и наблюдая за жизнью другого человека собственными глазами. Но отчего-то я четко знала, что настоящая я тут, в этом теле. Тогда, как незнакомка из снов – совершенно посторонняя дама. Может, я потому и не помню ничего о себе, что это как бы один сон внутри другого? Мало ли, чего только не бывает на свете? Для наглядности ущипнула себя за руку – кожа тут же покраснела. Значит, не сплю. Да и какой же это сон, если желудок урчит от голода? Нет, пока лучше не думать о снах, иначе точно свихнусь, а мне этого ой как не хочется.

На этот раз мое пробуждение не осталось незамеченным. Не прошло и пяти минут, как в палату зашла медсестра с градусником, а следом и Марья Кузьминична притащила поднос с больничной едой. Жиденький супчик на курином бульоне пришелся кстати. Управилась я быстро, только успевала ложку ко рту подносить. Затем санитарка принесла тазик для омовений и простынь вместо полотенца. С удовольствием привела себя в порядок, после чего приняла лекарства и вновь провалилась в сон со странными сновидениями, которые развеялись при пробуждении.

Утром после обхода и плотного завтрака меня выписали, потому что физических недомоганий доктор Гельберг не обнаружил. В дальнейшем Эдуард Францевич велел заглянуть к нему через недельку на осмотр, или же сразу обращаться, если возникнут жалобы. С возвращением памяти посоветовал не спешить. Рекомендовал окунуться в привычную атмосферу, побыть с семьей, друзьями. Только вот родным домом, как оказалось, последние три года была гимназия. Встретить меня приехал Демид Иванович. Он же и рассказал, что прибыла я из глухой деревушки Демьяново, расположенной в семидесяти верстах от Воронежа. Единственная дочь помещика Молчанова, который скончался незадолго до того, как я появилась на пороге гимназии. Собственно, мое состояние – та самая деревушка в семь дворов, да тридцать пять крестьянских душ, о которых надлежало заботиться.

Информацию я восприняла отстраненно и даже равнодушно. Глухая деревня, крестьяне, что с ними делать? Справлялись же без меня три года? Значит, и дальше проживут. Тут бы с собственными проблемами разобраться. Начиная с того, что, оказывается, я опасный для общества человек. Не зря медсестры шарахались, страшась лишний раз прикоснуться. Вчера под воздействием сонных капель не успела поразмыслить, как так вышло, что я увидела, с кем доктор беседовал перед обходом. Причина выяснилась утром, когда директор гимназии доставил новую форму взамен испорченной.

– Доброго утра, Анастасия Трофимовна! – поздоровавшись и испросив разрешения войти, Савушкин протиснулся боком, чтобы занести поклажу. – Одежду вашу пришлось в утиль списать. Обгорела в нескольких местах и истлела под воздействием темного заклинания. Так что я дал распоряжение интенданту выдать новый комплект униформы и прихватил его с собой, раз уж Эдуард Францевич информировал о выписке.

Тяжелую ношу мужчина сгрузил на стул, после чего развязал шпагат на свертке и снял оберточную бумагу.

– Спасибо за заботу. – Я поднялась с кровати и подошла, чтобы разобрать стопку одежды.

Сразу отложила в сторонку пальто из серого сукна, фуражку с козырьком и жестяным знаком на околышке, полусапожки на каблучке. Их надену в последнюю очередь.

– Это малое, что я мог сделать, – директор вздохнул и полез за пазуху, выуживая из недр полукафтана потрепанные длинные перчатки светлой кожи. – К сожалению, ваши безвозвратно пострадали. Я уже составил акт об утрате и списании для комитетчиков. Эти перчатки я временно позаимствовал из хранилища. В дальнейшем придется заказать новые у артефактора и поставить отметку о получении в отделении Надзора.

– В каком смысле? Зачем? – Я озадаченно уставилась на обычный с виду аксессуар, не понимая, что в нем особенного.

– Ах, да! – Мужчина чуть не хлопнул себя по лбу. – Вы и этого не помните. Дело в том, что наша гимназия готовит особых специалистов для полиции и комитетчиков. Вы, Анастасия Трофимовна, как и остальные сто восемнадцать учеников, наделены редкими возможностями, позволяющими раздвинуть границы реальности и увидеть то, что недоступно остальным людям.

– Как это? – Я опешила, прежде не связывая поведение обслуживающего персонала с непонятными способностями. – Выходит, я – маг?

– Нет! – Демид Иванович виновато поджал губы. – Среди одаренных вы считаетесь слабосилком. Если грубо, то недомагом. Так бывает, когда предрасположенность к развитию дара есть, но внутренний источник не раскрылся. Подобные вам обладают некоторой чувствительностью к проявлениям магии. Однако даже в таком урезанном варианте вы способны принести обществу неоценимую помощь.

– Какую? – Я удивленно захлопала глазами, еще не понимая, как к этому относиться.

– Видите ли, Настенька! – произнес Савушкин участливым голосом. – Наша гимназия – одна из немногих в империи, кто готовит будущих видоков. Они – первейшие помощники следствию в поимке преступников. Боль жертвы, ее страдания или смерть оставляют отпечаток на ткани мироздания. А у вас отсутствие полноценного дара компенсируется усиленным чутьем и способностью взаимодействовать с тонким миром. Вы видите события, произошедшие на месте преступления, и оказываете посильную помощь в поимке злодеев.

– Полагаю, самих злодеев такое положение дел не устраивает? – сделала очевидный вывод.

– Разумеется, – мужчина кивнул, – поэтому в программе обучения гимназии основной упор идет на физическую подготовку и владение огнестрельным оружием. За наших выпускников разворачивается настоящая борьба между уездами. Заполучив такого специалиста, власти его шибко берегут и всячески поощряют.

– А еще боятся и презирают, – хмыкнула, ничуть не обманувшись радужными перспективами. – Ну а что же маги? Разве они не способны чувствовать тонкие материи?

– Если желаете, продолжим этот разговор позже, – ушел от ответа Демид Иванович. – Я должен подписать у заведующего бумаги на выписку, а вам следует переодеться. Поэтому, Анастасия Трофимовна, вынужден оставить вас ненадолго.

Проводив директора тяжелым взглядом, я плотнее притворила за ним дверь. На лавке мимоходом заметила уже знакомого стражника и усмехнулась. Оказывается, вон какая я важная персона, что мне даже персональная охрана положена.

Униформа гимназистки состояла из длинного в пол строгого шерстяного платья, застегивающегося под горло. К нему прилагался новенький комплект нижнего белья в фабричной упаковке, куда входила сорочка на бретелях, панталончики и хлопчатобумажные чулки, которые крепились к поясу с подтяжками. Отдельно лежали носки и теплые гамаши. С верхней одеждой я повременила, ограничившись только перчатками. Прежде чем надеть, рассмотрела внимательно, что же в них такого, чтобы заказывать у артефакторов. Мягкие на ощупь и без единого шва, они легко садились, обтягивая руки будто вторая кожа. Тыльные стороны перчаток украшала руническая вязь. Что-то подсказывало, именно рисунок и особый крой сообщали окружающим, кто перед ними находится.

– Вы готовы? – постучавшись, в палату заглянул Савушкин.

– Да! – Долгих сборов не требовалось, поэтому я накинула поверх платья пальто, уложила на голове фуражку, которая норвила съехать набок из-за мешавшего пучка волос, и поспешила на выход.

Покидала я больницу с некоторым опасением перед ожидающей за порогом неизвестностью. Немного удивилась, не обнаружив стражника под дверью. Неужели сняли охранение? Нет, мужчина встретил у выхода, молчаливо раскрыв надо мной зонт. Под присмотром директора и озирающегося по сторонам телохранителя,

меня довели до монструозного автомобиля, сверкающего бронзовым лаком и медными деталями отделки. Я скользнула внутрь салона и робко пристроилась на краю диванчика из светло-коричневой кожи. Оба моих спутника, хлопнув дверцами, уселись по бокам. Молодой водитель задорно подмигнул в зеркало заднего вида, завел мотор и резко сорвался с места, отчего меня с силой вдавило в спинку роскошного сиденья. В этот момент внутри невольно екнуло от понимания, что и в моей жизни случился рывок, который резко отбросил назад. Но ничего, я справлюсь, дайте только разобраться, что вокруг происходит.

Глава 2

Во время поездки поговорить с директором гимназии не получилось. Виной тому наличие лишних ушей из Следственного комитета. Да и сама обстановка не располагала к душевным беседам. Я опасливо рассматривала угрюмого мужчину, в обязанности которого входило круглосуточное наблюдение за мной. Нахлебов Тарас Григорьевич – старший унтер-офицер, городской полицейской Управы, оказался на редкость молчаливым. Директор представил нас друг другу, на что охранник буркнул «Здравия желаю!» и устался в окно. Зато водитель – полная противоположность, болтал без умолку. Он радостно сообщил, что ему также поручено сопровождать и напутствовать барышню Молчанову вне стен гимназии. Так что, если надумаю выйти в город, то непременно под его присмотром. Достаточно телефонировать или отправить магический вестник, и он тут же прибудет, если только на срочный вызов не пошлют. В таком случае, следовало непременно дожждаться его возвращения.

– Не переживайте, Константин Алексеевич, – осадил говоруна Савушкин. – Меня уже уведомили, что за Анастасией Трофимовной необходим особый присмотр. Смею напомнить, что я равно отвечаю перед империей за каждого ученика. Без моего разрешения никто не вправе покидать территорию гимназии. Поэтому, если в Следственном комитете намечаются мероприятия с участием моих подопечных, то прошу составлять запрос на их убытие заранее и по установленной форме.

– Непременно учту, Ваше высочордие, – отозвался парень и, поймав в отражении зеркала мой взгляд, снова подмигнул. – Нам с Анастасией Трофимовной предстоит долгое сотрудничество.

Охранник только хмыкнул на это заявление, но никак не прокомментировал. А вот со мной, чувствуется по напряжению со стороны директора, еще состоится предметный разговор на эту тему.

Автомобиль тем временем лихо помчался по Большой Дворянской и, приторможив у трехэтажного здания из красного кирпича, свернул

на подъездную дорожку. Широкое крыльцо со ступенями из белого камня, арочные окна в белом обрамлении, поднятый на высоту второго этажа балкон, подпираемый полуколоннами, придавали строению легкий налет средневековья и романтизма. С некоторым волнением я приняла помощь директора при выходе из машины и на миг замерла, осматриваясь. Осенний ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья и кружил их, замечая чистую дорожку. Дождь прекратился, но морось еще оседала на лице прохладной влагой, пахло грибной сыростью.

– Не вспомнили? – участливо поинтересовался Демид Иванович, на что я с огорчением мотнула головой. – Тогда расскажу в двух словах, что и где находится. Позже сами освоитесь, да и ребята подскажут.

Подхватив меня под локоток, мужчина увлек к крылечку.

– До свидания, Анастасия Трофимовна! – донеслось со спины.

Обернувшись, я улыбнулась парню и помахала рукой, прощаясь. В ответ он еще больше расцвел, излучая оптимизм и веселье. Но мне не оставили времени на расшаркивания и настойчиво подтолкнули ко входу. Я расслышала, как хлопнула дверца водительского сиденья, взревел мотор, и после раздался резкий визг шин. Это комитетчик лихо развернулся и рванул с места, направляясь по дальнейшим делам.

– Эх, молодость! Все куда-то спешит, торопится. Вы поосторожнее с этим молодым человеком, Анастасия Трофимовна, – нравоучительно произнес директор.

– А что с ним не так? – Я наивно распахнула глаза.

– Да, пожалуй, все так, – не стал возводить напраслину мужчина. – И даже больше: у титулярного советника и штатного видока Следственного комитета Зорина блестящие перспективы в Ведомстве.

– О! Значит, он тоже недомаг? – Я слишком переволновалась, чтобы заметить на нем перчатки особого кроя.

– Кхм, я хоть и привык называть вещи своими именами, но в обществе лучше не употреблять этого понятия. Оскорбительно-с. Но – да, Константин Алексеевич недомаг и дворянин. Партию себе будет подыскивать среди дворянок с выраженным стихийным даром. Это я к тому предупреждаю, чтобы вы не строили иллюзий относительно господина Зорина, потому что и подсказать больше некому. Насколько мне известно, родителей или других родственников у вас не осталось,

а значит, я несу за вас ответственность и принимаю участие в дальнейшей судьбе. Ну-с, идемте внутрь, а то некоторые уже носы расплющили, выглядывая нас.

Я бросила мимолетный взгляд на ближайšie окна и заметила стайки подростков, облепивших подоконники. Любопытные взгляды так и буравили со всех сторон, просвечивая насквозь. Поежившись, я плотнее запахнула пальто и устремилась к массивным дверям, распахнувшимся при нашем появлении.

– Здравия желаю! – вытянувшись, козырнул дежурный в серо-синей униформе. Директор ответил, как полагается, а я буркнула растерянное «привет», поймав на себе жалостливый взгляд парнишки.

В просторном холле царил печальный полумрак и ощущался еле уловимый аромат хризантем и свечного нагара. Источник запаха обнаружился тут же. Прямо по центру располагался стол, на котором стояли два портрета с траурными ленточками, а возле них лежали живые цветы и тлела лампадка. Василевский Глеб Викторович и Пахотин Антон Аркадьевич – обоим едва исполнилось по семнадцать лет. Горло сдавил предательский ком. При взгляде на лица мальчишек, испытала неуловимое узнавание. Подробностей я не помнила, к сожалению, но чувствовала какую-то связь с этими ребятами.

– Мы... дружили? – посмотрела на директора глазами, полными невесть откуда взявшихся слез.

Савушкин только поджал губы и кивнул, сочувственно похлопав меня по плечу. Может, надеялся, что вспомню?

– Гардероб внизу, давайте, покажу вам, – Демид Иванович кивнул на дверной проем справа, за которым начиналась лестница.

Первый этаж гимназии являлся полуподвальным, поэтому там размещались хозяйственные помещения, необходимые для комфортного проживания. Помимо гардеробной здесь располагалась прачечная и сушильня, вещевой склад и продуктовая кладовая, кухня с подсобкой и отдельным входом. На втором – центральном этаже обустроили учебные классы и кабинеты администрации, столовую, актовый зал для торжественных мероприятий. Третий этаж занимали жилые комнаты, поделенные на женское и мужское крыло, в каждом – по одной общей умывальне и душевой. Большое помещение было отдано под библиотеку, совмещенную с читальным залом и классами для выполнения домашних заданий.

Меня сопроводили в левое крыло, перепоручив дальнейшие заботы воспитательнице.

– Зоя Матвеевна Панфилова, – представилась женщина, которую явно предупредили о моих проблемах с памятью. – Я отвечаю за порядок в комнатах и дисциплину. Также обращайтесь ко мне по всем хозяйственным и учебным вопросам.

– Благодарю! – кивнула, не зная, что еще ответить. – Вопросы, наверное, возникнут, но так сразу не готова их озвучить.

– Я все понимаю и не тороплю, – женщина увлекла за собой и остановилась у последней комнаты по коридору. Распахнув дверь, на которой я не заметила замков или задвижек, воспитательница жестом предложила войти. – Это твоя комната. Твоя и еще трех других девушек, – пояснила она, ступая следом.

Внутри помещение до боли напомнило больничную палату. Та же чистота и строгость – ничего лишнего. Четыре спальных места, два письменных стола у просторных окон. Постели тщательно заправлены, на тумбочках в изголовьях лежат одинаковые стопки книг и тетрадей. Спинки кроватей завешены аккуратно сложенными полотенцами, в изножье – по сундуку для личных вещей. У входа предусмотрена вешалка, а над ней полочка для головных уборов. Внизу выстроились в ряд казенные тапочки с меховой оторочкой. Я переобулась и замерла в нерешительности.

Какая же из четырех кроватей моя? – Присмотрелась внимательнее, выискивая детали, указывающие на их хозяек.

Никаких различий в кажущейся на первый взгляд одинаковости я не обнаружила. Тогда оценила расположение самих спальных мест, гадая, какую бы из кроватей предпочла, будь у меня выбор. Взгляд упал на дальний угол, который не сразу бросался в глаза от входа, но в то же время оттуда просматривалось все, что происходило в комнате.

– Эта? – уточнила у Зои Матвеевны, на что она одобрительно кивнула.

– Верно. Настя, ты что-нибудь вспомнила?

– Нет! – мотнула головой. – Я только предположила, какое место мне бы больше понравилось, и не ошиблась.

Под неодобрительным взглядом воспитательницы я плюхнулась на кровать, пробуя пружины матраса на прыгучесть и скрипучесть одновременно. Скрипа не слышалось, что порадовало, да и матрас

оказался довольно жесткий. Но мне это даже понравилось. Затем я исследовала содержимое тумбочки. Расческа с зеркальцем, шпильки для волос, шило-мыльные принадлежности, бытовая мелочевка – ничего особенного. В сундуке обнаружила ночную рубашку и халат, сменное белье и униформу для спортивных занятий. Все стандартно и, не удивлюсь, точно такое же, как у других гимназисток.

Хм, а ценные вещи где хранятся? Ясно, что не на виду. В тумбочку и сундук заберется любой, кто пожелает или обладает такими полномочиями. Интересно, есть ли у меня дневник или личные записи?

– Удостоверения личности и наличные средства хранятся у директора, – пояснила Зоя Матвеевна в ответ на мой вопрос. – Деньги выдаются по письменному заявлению вместе с пропуском на выход в город.

Мда, строго тут! – Я шумно втянула носом воздух. – Полное ограничение свободы. Если даже и сбежишь по какой-то надобности, то без денег и документов далеко не уйдешь.

Охрана опять же на каждом этаже, дежурные – словно надсмотрщики, педагогический состав – сплошь в чинах и армейских званиях щеголяет. Успела заметить парочку служак, когда Савушкин устроил экскурсию по территории. Может, это оправданно, учитывая особый статус гимназии и потребность в специалистах, которых она выпускает. Военский устав и субординация – эти знания в силу специфики будущей профессии должны осесть на подкорке и вбить в растущие умы важность дисциплины и строгого подчинения вышестоящему руководству. Однако...

Бунтарский дух не выбить строгими правилами! – я усмехнулась, когда, оставшись в одиночестве, вычислила парочку тайников.

Один – совершенно очевидный, крепился к днищу выдвижного ящика тумбочки. Бережно завернутые в хлопчатобумажный платочек, там хранились наличные средства в виде десяти рублей серебром и горсти медяков. Второй нашелся под кроватью, в щели между стыками, куда можно засунуть тоненький сверток, упакованный в оберточную бумагу. Внутри я обнаружила дарственную на деревню Демьяновку семи дворов и окрестные земли от Чертова оврага на западе до колодного ручья на юго-востоке. Большие угодья, если судить по приложенной карте местности. С севера граница шла по

речке Быстрице, а с южной соседствовала с деревенькой Мельчановской, принадлежащей помещику Осокову. Другими словами, я владела сотней акров собственных земель, всю площадь которых занимали непроходимые леса. Умный помещик на таком же объеме пять деревень построит, земли распашет и будет жить припеваючи. А мои предки, видно, не тяготели к земледелию, предпочитали жить дарами леса и охотой. Неплохо жили, раз уж я при поступлении оплатила полный курс обучения. Расписка в получении наличных средств за подписью директора Савушкина прилагалась.

Изучив документы, сложила их обратно в пакет и спрятала в тайник. Раз уж я предпочла держать бумаги при себе, а не сдать на хранение руководству гимназии, пусть так и остается. По крайней мере, подтвердились слова директора, что я – сирота, ведь дарственная на земли вступила в силу после смерти Трофима Николаевича Молчанова. Однако не такая уж и бедная, раз выложила двести золотых рублей за четыре года учебы на полном обеспечении. Сумма немалая, которую не каждому по карману собрать, в чем я убедилась позднее. А пока приняла эту информацию к сведению и дала себе зарок при ближайшей okazji навестить родные места.

Оглушительной трелью прозвенел звонок с урока, и буквально через минуту в комнату влетели три запыхавшиеся девицы.

– Аська вернулась! – радостно воскликнула тоненькая, как тростиночка, брюнетка и кинулась обниматься.

– Ася, как ты? Пострадала? Тебя сильно задело? Страшно было? Мы тут извелись в переживаниях, – наперебой засыпали таким количеством вопросов, что в голове зазвенело от звонких голосов.

– Подождите! – Я отстранила девушек.

Ясно же, мы не первый год вместе. Значит, сдружились и, возможно, стали семьей. Но я их совершенно не помнила.

– Дело в том, что нам придется знакомиться заново. Я не знаю даже ваших имен, – виновато поджала губы, наблюдая, как вытягиваются лица у девчонок.

– Совсем ничего? – уточнила круглолицая гимназистка с белой кожей и рыжими конопушками на переносице. – Я – Даша. Григорьева Дарья Игоревна, – назвалась полным именем.

– А я Мила, то есть, Людмила Алексеевна Реутова, – назвалась брюнетка.

– Марфа Ивановна Безродная, – завершила представление третья девушка, крупная и рослая, с темно-русой косой толщиной с запястье и грубоватыми чертами лица.

– Рада познакомиться. – Я нервно улыбнулась, не зная, что делать дальше и как смягчить возникшую паузу. – Буду благодарна, если поможете освоиться тут, а то я даже элементарных вещей не помню.

– Конечно! Не сомневайся! Обязательно поможем и подскажем, – заговорили соседки одновременно. – Ой! Обед же скоро, – опомнилась Дарья. – Необходимо переодеться и вымыть руки.

С переодеванием я быстро справилась. Только надела черный передник поверх платья и почистила обувь. Как меня предупредили, за неподобающий внешний вид Зоя Матвеевна могла три шкуры спустить.

– Это она с виду добренькая, – нажаловалась Мила, – а как хлестнет указкой по пальцам – мало не покажется.

– Разве так можно? Ну, бить гимназистов? – изумилась я. – Мы ведь не маленькие дети!

– Ха! – басовитым голосом поддакнула Марфа. – По мне, так лучше разок хлестнет, чем устроит общественное порицание. Позору потом не оберешься.

– Вот как? А Демид Иванович, как на эти вещи смотрит?

– А ему что? – хмыкнула Дарья и пожала плечами. – Главное, чтобы дисциплину соблюдали. За особые провинности и высечь могут. Розгами. Но я не припомню, чтобы кого-то так наказывали. А Зоя Матвеевна правильно Милке по рукам надавала, чтобы не садилась за стол с грязью под ногтями.

– Но я не успела! Сама же торопила: опаздываем! Давай скорее! – передразнила подругу Реутова.

Наблюдая за словесной перепалкой девчонок, я невольно улыбнулась. Веяло от всего этого чем-то знакомым, родным.

– Скажите, а меня часто наказывали?

– Тебя? – изумленно вытаращилась Дашка и рассмеялась, будто что-то смешное спросила. – Никогда. Ты же отличница, пример для подражания, а нас к тебе на перевоспитание подселили.

– Ну и как? Перевоспитались? – хмыкнула язвительно.

Внутри я не ощущала себя заучкой, да и соседки ко мне тепло относились, это чувствовалось за их неподдельной тревогой и

искренним желанием помочь.

– Конечно! – не поняла иронии Дарья. – Марфа вон по математике подтянулась и с черчением дела на лад пошли. Учитель похвалил даже за старание. А Милка наша в кружок театральный записалась, как ты и советовала. Теперь хоть не боится у доски отвечать.

– А ты?

– Что? Я? – картинно уставилась девица, захлопав глазками. – У меня и так все хорошо! Нечего меня перевоспитывать. Хватит уже болтать. Идемте, а то к раздаче опоздаем, будем потом в последних рядах стоять.

Девушка первой выскочила в коридор, хлопнув дверью. Снаружи как раз слышались такие же хлопки и топот каблучков.

– Врет! – шепотом пояснила Милка. – С ней прежде никто вместе жить не хотел. Из-за кошмаров! – Я удивленно вытаращилась на брюнетку, и та со вздохом пояснила. – Кричала сильно по ночам, металась, спать никому не давала, вот ты и забрала ее из жалости. Но Дашка гордая – ни за что не признается, что это ты помогла от кошмаров избавиться.

– Я? Каким образом? – удивилась.

В учебе подтянуть – одно дело, но справиться с ночными кошмарами – совершенно другое. Тут же специалист нужен, не то, что я.

– Вы идете или нет? – Как оказалось, Григорьева никуда не ушла и стояла под дверью, будто знала, что о ней разговариваем. На Милку зыркнула так, что та невольно съежилась и опустила глаза в пол.

– Да, конечно, – улыбнулась дружелюбно. – Покажешь, где столовая? А то проголодалась так, что живот сводит.

– Разумеется, – девушка кивнула и направилась к лестнице.

Мы пристроились следом, вливаясь в общий поток. Однако окончательно слиться с ним не получилось. Многие оглядывались на нас, перешептывались, а то и откровенно обсуждали мое возвращение. Нашлись и такие, кто смотрел враждебно. Неужели кому-то дорогу перешла? Когда только успела?

– Это кто? – украдкой спросила Милу насчет фигуристой девицы с иссини черными волосами.

– Полина Малевская, – шепотом ответила девушка. – У них с Глебом любовь была. Полька жутко его к тебе ревновала.

– Погоди, Глеб – это, который?..

– Да! – подтвердила худшие опасения Реутова. – Погиб он, а накануне они крепко поссорились. Девочки говорят, Польшка тебя винит в его смерти, а еще плачет ночами.

– Меня? Я тут при чем? Сама чудом выжила, – опешила от неожиданности.

– Тем и виновата, что вернулась, а он – нет. Полина так и сказала: лучше бы Аську сто раз убили, чем моего Глеба. Зоя Матвеевна, как услышала, тут же ее отругала и наказание назначила. Но ты же знаешь Польшку! Ой! То есть, теперь уже нет, – осеклась, вспомнив о моей проблеме. – В общем, держись от Малевской подальше, она не скоро успокоится.

Для меня не стало откровением, что в женской среде есть место конфликтам. Подспудно чего-то такого ожидала. Дух соперничества, столкновение характеров, гормоны и переходный возраст в жестких рамках правил и общественного мнения должны где-то находить выход. Удивляло меня собственное восприятие ситуации, характерное для взрослого человека, а не для молодой девицы.

– Аська! – Дарья двинула локтем в бок. – Глянь, к тебе Гончаров идет.

Я подняла глаза, рассматривая приближающегося молодого человека. Широкий в плечах, но по-юношески стройный, форма сидит идеально, в глазах светится упрямство и желание бросить вызов.

– Кто такой? – шепотом уточнила у девочек. – Что ему вдруг понадобилось?

– Из дворянчиков он, – успела шепнуть Милка. – Везде и во всем любит быть первым. Осторожнее с ним.

– Доброго дня, барышни, – поздоровался молодой человек, при этом глядя на меня и демонстративно не замечая остальных. – Как ваше самочувствие, Анастасия Трофимовна? Говорят, доктор Гельберг вас с того света вытащил? – проявил удивительную осведомленность.

– Доброго! – поздоровалась в ответ. – Приятно, что вы обеспокоены моим здоровьем, э... Олег Анатольевич. – Мила вовремя подсказала имя одноклассника. – Физические показатели в норме, иначе меня бы так быстро не выписали. Если это все, более вас не задерживаю.

По-хорошему, тут бы парню и уйти, но он ведь не за этим подошел. Мое здоровье, очевидно, интересовало его в последнюю очередь. К нашему столу гимназиста привело любопытство, жажду которого разделяли присутствующие в столовой ученики. Тишина вокруг воцарилась гробовая.

– Не все, Анастасия Трофимовна. Нас интересует, как погибли наши товарищи, – озвучил Гончаров истинную причину.

– И не только вам нужны подробности, – я задумчиво пожевала нижнюю губу, решая, стоит ли во всеуслышание заявлять о проблеме с памятью. Пожалуй, не стоит, это личное и никого больше не касается. – Однако я не вправе отвечать на подобные вопросы. Если не согласны, обратитесь в Следственный комитет, занимающийся расследованием преступления, – пресекла возможные возражения на корню.

Нацепив натянутую улыбку, парень молча поклонился и отошел от стола.

– Почему ты не рассказала, что ничего не помнишь? – украдкой поинтересовалась Дарья.

– А он бы поверил? – вопросительно вскинула бровь и обвела взглядом растерявшихся девчонок. – Вот и дальше пусть думает, что хочет. А вы помалкивайте, это же тайна следствия. Вам ли об этом не знать!

Глава 3

Остаток дня прошел в знакомстве с гимназией и учебным распорядком. Девочки охотно поделились конспектами, а я с изумлением поняла, что эта информации уже мной изучена. Стоило освежить знания, как я без труда порешала задачи, предназначенные для самостоятельного выполнения. Еще одна странность? Но какая полезная! Возможно, в прошлом у меня были хорошие учителя? В гимназию я поступила уже после смерти отца, но до этого ни в каких учебных заведениях не числилась. Специально уточнила у соседок по комнате, известно ли им что-нибудь об этом.

– Так, это не удивительно, – ответила Дарья. – В зажиточных семьях начальное образование дети получают на дому. Особенно, если ребеночек одаренный родился, то сызмальства родовые секреты перенимает. Собственный маг в семье – это достаток и обеспеченная старость родителям, вот и стараются дать ему лучшее, да к дому покрепче привязать.

– А, если маг появился в бедной семье, которой неоткуда взять денег на образование?

– Таких отдают в специальные школы для одаренных, содержание которых оплачивается из имперской казны. – Девушка тяжело вздохнула. – Потом они на государственной службе обязаны определенное количество лет отработать, куда распределяют после окончания академии. Маги империи необходимы, вот и создают для них условия, поддерживают. Даже такие недомаги, как мы, тоже стране нужны. Раз уж не можем полноценные заклинания творить, то приспособили для другого дела. Не пропадать же добру!

В интонации Григорьевой просквозили нотки горечи, подоплеку которых я сразу не поняла. Поэтому уточнила:

– Что ты имеешь в виду? В каком смысле, не пропадать?

– А в таком, что век видоков недолог, – девушка болезненно скривилась. – Никто заранее не знает, насколько тебя хватит. Может,

пару месяцев на службе протянешь, или пару лет. Если выдержишь подольше, то либо сопьешься, либо превратишься в неврастеничку.

– Ого! – Я как стояла, так и присела. Чуть не упала, промахнувшись мимо кровати, успела схватиться руками за край и медленно сползла на пол. – Это отчего же такую незавидную судьбу пророчишь?

– Пророчу? – зло рассмеялась Дарья. – Вот уж ни разу такого не делала! Не дано мне в будущее заглядывать. Это не пророчество, а беспощадная статистика, о которой старательно умалчивают.

– Но почему?

– Потому что мы – недомаги, которым нет места среди магического сообщества. И среди обычных людей нормальной жизни нам тоже не видать. Мы видим и чувствуем больше, чем остальные, и это в итоге выделяет нас из толпы. А среди соседей обязательно найдется тот, кто донесет на тебя в полицейскую Управу.

– С тобой так и произошло? – сообразила я, на что девушка только поджала губы и отвернулась, пряча слезы застарелой обиды.

– Я в библиотеку! Заниматься, – резко засобиралась Дарья. – Кто со мной?

Я покачала головой, понимая, что и без библиотеки хватает информации, которую необходимо переварить и разложить по полочкам.

– Не могу, факультатив через десять минут. – Марфа как раз достала из сундука спортивную униформу, чтобы переодеться.

– А я иду на кружок, – Милка наивно захлопала глазками и поделилась радостно. – Сегодня новую постановку репетировать собирались. И у меня будет роль! Даже со словами.

– Какими? – фыркнула Григорьева. – «Господа, кушать подано?» – произнесла, кривляясь, с нарочито угодливым выражением лица. – Тоже мне – роль! Ты бы и так всю жизнь кому-нибудь прислуживала, и без дурацкой роли.

Милка от резкой отповеди съежилась и задрожала, как побитая собачонка.

– Даш! – Я строго посмотрела на соседку. – Не стоит вымещать злость на тех, кто не может ответить. Если тебе плохо или тяжело, поделись этим с теми, кто готов выслушать.

– Мне не нужна ваша жалость! – выпалила девушка и, подхватив учебник с вложенной в него тетрадкой, вылетела вон.

В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая тихими всхлипами Милки.

– Я это... тоже пойду, – Марфа в нерешительности замялась на пороге.

– Иди, конечно! – поддержала соседку. – Опаздывать и нарушать дисциплину ни к чему.

Когда за Марфой захлопнулась дверь, то я подошла к Миле, присела рядышком и обняла за плечи. Девчонка, шмыгнув носом, подалась ко мне в поисках утешения. Погладила бедняжку по голове, жалея, и даже поделилась носовым платком.

– Знаешь, я хоть и не помню прошлого, но считаю, Дарья на самом деле так не думает. Она специально тебя поддела и знала, какими словами побольнее ужалить. Но это не потому, что Дашка такая злая и испорченная, просто ей стократ хуже и больнее. Видно же, что не привыкла делиться проблемами, или ее не научили этому. Стала бы Дарья с такой гордостью рассказывать о твоих успехах сегодня днем? Вряд ли. Ей тяжело принимать чужую помощь, сложно довериться посторонним. Такое чувство, будто она только и ждет, что ее снова используют и выбросят за ненадобностью.

– Знаю, – плаксиво протянула Мила, – ты не раз это говорила.

Вот как? – Я удивилась, но внешне не подала виду. – Радовало, что сделала верные выводы о подругах.

– У Дашки отец душегубом был, разбойничал на дорогах. За это его казнили, когда поймали, – бесхитростно выложила девушка. – Он семью в страхе держал, пил много, жену бил, детям тоже доставалось. Поначалу никто не догадывался, чем глава семейства на хлеб зарабатывает. Но у Дашки дар рано открылся, она самая сильная из нас. Видела, чем родитель занимался, стоило тому ребенка на руки взять. Когда девочка подросла и заговорила, то стала болтать о незнакомых людях, которых жизни порешили. Соседи блаженной посчитали, что немудрено, раз отец дебошир и пьяница. Потом из села кто-то пропал, а Дашка возьми и расскажи, что с ним стало и где тело прикопано. Соседи не поверили сначала, но решили проверить на всякий случай и обнаружили все так, как девчонка рассказала. Отец ее как прознал, что скоро полиция нагрянет, разъярился, чуть не убил

«ведьминское отродье», да только мать на защиту кинулась и попала под удар. Так Дашка осиротела и оказалась изгоем. Других братьев-сестер сельчане по домам разобрали, а ее никто брать не захотел. Вот и угодила сначала в приют, а потом уже в гимназию для одаренных.

– И ты еще удивляешься, почему она так себя ведет! – хмыкнула, выслушав историю Григорьевой. – Жалость ей действительно не нужна, а вот друзья, которые никогда не предадут, очень даже. Беги на свою репетицию и сыграй так, чтобы в следующий раз тебе досталась главная роль.

– А у меня получится? – Доверчиво посмотрела полными слез глазами.

– Конечно! Даже не сомневайся! – заверила со всей убедительностью. – Собирайся скорее, а то на кружок опоздаешь, – подтолкнула девушку к действиям, и она послушно помчалась в умывальню.

После того, как отправила Милку заниматься, задумалась над тем, что рассказали девчонки. У каждой за душой трагическая история имелась, но никто не строил иллюзий относительно будущего и не пытался что-либо изменить. Я не хочу для себя такой участи и не допущу ни одного из перечисленных Дашкой вариантов. Странно другое, почему я поступила в эту гимназию? У соседок, как и у большинства остальных учеников, не спрашивали, желают ли они тут учиться. Ученики здесь – сплошь выходцы из крестьянских семей, либо приютские, а тех, кто оплатил полный пансион, единицы. Однако же я выложила кругленькую сумму, и при этом давно изучила гимназическую программу. О чем это говорит? Что барышня Молчанова не так проста, как кажется на первый взгляд. Возможно ли, что за крепкими стенами гимназии я искала защиту?

Будущие видоки плохо поддаются чужому влиянию, хоть что-то полезное досталось вместо полноценных способностей. Отсюда вытекает постоянная муштра, как в военных казармах, и куча ограничений. Даже совместное проживание разнополых учеников под одной крышей идеально вписывается в картину. Ведь с большей вероятностью, что между парнями и девушками возникнет симпатия, когда они видят друг друга, пересекаются в коридорах, столовой, на общих занятиях. Запреты только подстегивают интерес! В подростковом возрасте самое время влюбляться, а в дальнейшем, если

пара состоится, от союза двух недомагов родится либо полноценный одаренный, либо такой же недомаг.

Подростку с особенностями легче принять себя в среде таких же необычных, как и он. Не каждый выдержит прессинга постоянных унижений от тех, кто считает себя другим и не выбивается за рамки нормальности. Мои соседки тому яркий пример.

Если обобщить выводы, то я сознательно приняла решение о подаче документов в эту гимназию, выставляя напоказ способности, которые за четырнадцать лет наверняка научилась скрывать. А, если дело действительно обстоит так, не является ли моя амнезия способом сохранить тайну? За три с лишним года я заработала репутацию отличницы. Вряд ли бы мне понравилось, чтобы приложенные усилия пошли насмарку. Выходит, помимо трагической гибели гимназистов, во время недавнего происшествия случилось нечто такое, что поставило мой план под угрозу? Знала ли я, что делом заинтересуется Следственный комитет, и меня подвергнут ментальному допросу? Несомненно! Хотела бы я, чтобы господин Лутецкий узнал о моем прошлом, мыслях и желаниях? Вот уж точно – нет! Значит, передо мной стоит непростая задача: выяснить подробности нашумевшего убийства и при этом сохранить свою тайну.

На следующее утро я вместе с соседками отправилась в гимнастический зал. Бег, общеукрепляющие упражнения, растяжка – понятно теперь, откуда у меня физически крепкое тело. После разминки мы посетили душевую, сходили на завтрак и отправились на занятия. Преподавателя слушала краем уха, ведь он рассказывал то, что я уже знала. Чтобы хоть как-то занять себя, занялась изучением одноклассников. Двадцать семь человек учились в выпускном классе гимназии. Из них шестнадцать парней и одиннадцать девчонок. Такой перекос в сторону мужского пола наблюдался и в других классах. Особенно это бросалось в глаза в столовой, где девочек и мальчиков рассаживали отдельно.

В одинаковых форменных платьях с передниками, со строгими прическами и сосредоточенными лицами, одноклассницы походили друг на друга, словно сестры. И все же прослеживались сословные отличия через привитые в семье манеры, умение держаться на публике и вести разговор. Таких девушек немного, но на них в первую очередь обращаешь внимание. Та же Полина Малевская с царственной осанкой

и гордой посадкой головы чего стоила. Схожими повадками обладали Лидия Крылова и Валентина Копаева. Немудрено, что на этой почве девчонки сблизилась и всюду держались вместе. Хотя вряд ли их отношения можно назвать приятельскими, как у нас, скорее союзническими. Оставшиеся пятеро девчонок теснились в одной комнате, но ничуть не роптали и были не в пример дружелюбнее заносчивых мещанок.

Откуда взялось такое неравномерное распределение? Как выяснилось, первый год в гимназии я прожила в одной комнате вместе с Малевской и компанией, но на втором курсе из-за ряда разногласий убедила директора расселить нас. Тогда же взяла шефство над Марфой и забрала к себе Дашку с ее кошмарами и неуживчивостью с другими соседками. Мила сейчас перешла на второй курс и демонстрировала успехи в учебе и освоении дара, а полгода назад ее едва не исключили, признав безнадежной. Из мальчишек только свита Гончарова – княжеского байстрюка задирала нос. Остальные ребята оказались вполне адекватными и общительными.

– Молчанову к директору! – прервал мои наблюдения дежурный по коридору.

– Разрешите выйти? – спросила дозволения у учителя и, получив таковое, собрала вещи и покинула класс.

Что-то подсказывало, к концу урока не успею вернуться. Так и оказалось, когда у директора обнаружился Константин Зорин, видок из Следственного комитета.

– Добрый день! Вызывали, Демид Иванович? – постучавшись, заглянула в кабинет.

– Входи, Настенька! – разрешил Савушкин. – Вот, за тобой молодого человека прислали. Ты иди, соберись пока и спускайся к парадному входу. А я как раз бумаги, пропуск оформлю, и мы с Его благородием подоспеем.

– Анастасия Трофимовна! – молодой человек подскочил при моем появлении и расплылся в улыбке. – Рад встрече! – Подошел поближе и приложился губами к моей ладошке, затянутой в перчатку. – Я же говорил, чаще видеться будем!

– А что случилось? По какому поводу вызывают в Следственный комитет? – Ничуть не повелась на любезности. Слишком еще свежи в памяти воспоминания о методах работы этого отдела.

– Важное начальство из Московии прибыло. Желают лично с вами встретиться, – пояснил видок.

– Вот как? – Я выдернула ладошку из цепких пальцев Зорина. – А что им нужно? Я же ничего не помню! – Насторожилась, подозревая, что кошмар с недавней проверкой мага разума повторится.

– Анастасия Трофимовна, будьте уверены, я не дам вас в обиду, – заверил директор. – Оттого и еду сопровождающим, хотя господину Зорину приказано только вас доставить.

– Все так серьезно?

– Более чем, – вздохнул Демид Иванович. – Дело-то громкое вышло, подозревают вмешательство темников... – осекшись, мужчина бросил опасливый взгляд на гостя.

– Сам Великий князь Леви, канцлер российской империи желает с вами побеседовать, – охотно пояснил Константин Алексеевич. – Говорят, сильнейший маг разума в стране, да и за ее пределами тоже.

– О-о! – Я вмиг похолодела, а в животе образовалась предательская пустота.

В голове не укладывалось, что такому важному человеку понадобилось. А еще глубоко внутри грыз червячок сомнения, что канцлеру удастся то, что не получилось у разумника из Следственного комитета.

Пораженная до глубины души предстоящей встречей, я на ватных ногах поднялась к себе. Меняхватило только, чтобы кинуть сумку с учебниками на входе, доползти до кровати и рухнуть на нее, как подкошенной.

– Молчанова! – Спустия десять минут в комнате появилась Панфилова и всплеснула руками. – Ты почему до сих пор не готова? Живо собираться!

– Я... я не могу, – осознала отчетливо, что испытываю подспудный страх перед незнакомым князем.

– Та-ак! – тяжело выдохнула воспитательница. – С чего это вдруг? А ну, прекращай блажить! И марш в умывальню!

Зоя Матвеевна подняла меня с кровати и отвела в соседнее помещение. Там набрала в тазик студеной воды и заставила поплескаться ею в лицо. Это помогло прийти в себя. Дальше я уже молча следовала командам женщины. Переплела косу, которую Панфилова помогла закрепить шпильками на затылке. Переоделась в парадную униформу,

хранящуюся в сундуке. Натерла до блеска сапожки, перед тем, как надеть. Затем с воспитательницей спустились в гардеробную, где я накинула пальто и закрепила на голове фуражку. Благодаря «правильной» прическе, теперь она не съезжала набок, а сидела, как влитая.

– Ну, вот и собрались, – женщина выдохнула с облегчением и отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться работой. – Бледная ты слишком, – приблизилась и пощипала меня за щеки, чтобы те налились румянцем. – Вот теперь другое дело! Можно ехать.

– Спасибо! – вымученно улыбнулась.

– На здоровье! – Панфилова приобняла меня на прощание, при этом шепнула на ушко. – Не переживай сильно. Рядом с Демидом Ивановичем нечего бояться. Он за воспитанников горой стоять будет, невзирая на чины. Ну, посмотрит на тебя большое начальство, убедится, что ничего не помнишь, и уедет восвояси. Поверь, великий князь – тоже человек, хоть и наделен магической силой, и чрезвычайно занят государственными делами. Между прочим, у Его светлости безупречная репутация в обществе. Такой зазря обижать не станет.

А, если не зазря? Если мои тайны вдруг наружу всплывут? – кольнуло неприятное сомнение, да так и засело в голове острой занозой. – Единственная надежда, что такому важному господину нет никакого дела до маленькой гимназистки из провинции.

На крылечко я вышла на подгибающихся ногах. Слова Панфиловой меня успокоили и умом я понимала, что этот визит лишь формальность или даже прихоть великого князя, пожелавшего лично разобраться в преступлении. Но я ничего не могла поделать с подспудным страхом разоблачения. Быть может, так подсознание давало понять, что в прошлом есть нечто такое, о чем лучше никому не знать?

У паромобилия на подъездной дорожке меня поджидало трое: директор гимназии Савушкин, видок Зорин из Следственного комитета и Тарас Григорьевич Нахлебов – городской полицейской Управы и мой персональный охранник.

Поздоровавшись с угрюмым молчуном, я забралась в салон машины и вновь оказалась зажатой между мужчинами. Нет, места на диванчике хватало с избытком, но я бы предпочла место у окошка. Мне ничего не оставалось, как смотреть вперед и неизменно

сталкиваться в зеркале с лукавым взглядом серо-зеленых глаз водителя.

Машина заехала во внутренний двор Дворянской полицейской Управы, проехав пару кварталов по главной улице. При желании, тут и пешком недалеко прогуляться, но начальству виднее. Я выбралась из паромобиля, воспользовавшись помощью Савушкина и, задрав голову, оценила высоту пожарной каланчи, являющейся частью архитектурного ансамбля. Пожарные команды были приписаны к каждой Управе, и на вызов их всегда сопровождали городовые или даже околоточные. Зорин провел нас внутрь двухэтажного здания через служебный вход и, усадив на скамью в коридоре, побежал докладывать начальству о нашем прибытии.

Я сложила руки на коленях, нервно перебирая пальцами в ожидании вызова. Мои сопровождающие выглядели на редкость невозмутимыми и чинно здоровались со знакомыми, снующими мимо. Прибытие столичного гостя вызвало переполох в Управе, раз уж служащие носились, как наскипидаренные. Странно, что князь пожелал беседовать тут, а не в здании Следственного комитета на Девиченской.

– Гимназистка Молчанова? – передо мной замер молодой человек в чине губернского секретаря.

– Да, это я...

– Пройдемте! Вас ожидают.

Я подскочила с места и вместе со мной поднялся Савушкин.

– Насчет вас распоряжений не было, Ваше высокородие, – тоном, не терпящим возражений, заявил секретарь, и Демид Иванович вынужденно присел обратно.

– Не переживайте, я справлюсь, – приободрила директора, но, наверное, это я больше для себя сказала, ведь внутри вся дрожала от волнения.

Следуя за молодым человеком, я сначала попала в приемную Частного пристава. Там на вешалке оставила пальто и фуражку, а затем, после доклада секретаря, робко вошла в кабинет высокого начальства. Вопреки стереотипному образу почтенного господина, сложившемуся в голове за титулом великого князя и должностью канцлера, на кожаном диванчике я увидела моложавого темноволосого мужчину с приятной улыбкой и умным взглядом светло-карих глаз.

– А вот и барышня Молчанова пожаловала! – навстречу мне подался господин Лутецкий, также присутствующий в кабинете. – Анастасия Трофимовна, имею честь представить вам нашего московского гостя, Его высокопревосходительство великого князя Алима Осиповича Леви-Зельмана, канцлера Российской империи.

Князь учтиво кивнул головой, рассматривая меня пытливым взглядом, а действительный статский советник продолжил знакомство и представил Частного пристава Дворянской полицейской Управы коллежского асессора Коромыслова Виктора Андреевича. Хозяин кабинета как раз соответствовал моему представлению о начальстве. Рослый, широкоплечий, с небольшим животиком, залихватскими усами и окладистой бородкой. Все это я отметила мельком, ответив на приветствие капитана учтивым поклоном и продолжая рассматривать князя. Одетый с иголочки, с безупречной осанкой и манерами, он источал особенную ауру властности, которая притягивала магнитом.

– Присаживайтесь, барышня! Извольте чаю? – Меня пригласили присоединиться к чаепитию, устроенному на низком приставном столике.

– С удовольствием! – Согласилась, чтобы сгладить собственную нервозность, ведь от мужчины не укрылось мое пристальное внимание. И это только добавляло волнения.

На самом деле пить мне не хотелось, но так хоть ненадолго можно было отложить предстоящий разговор. Я опустилась на краешек кресла, любезно пододвинутое господином Лутецким, и сняла перчатки, в которых дамам не принято сидеть за столом.

– Позвольте поухаживать за вами? – Великий князь взял чистую чашку, которую спешно подал секретарь, и налил дымящегося напитка из заварника. – Сахар?

– Лучше мед, пожалуйста, – ответила машинально, заметив на столике баночку с лакомством. – Одной ложки достаточно.

– Как скажете, – нарочито неторопливо, чинно мужчина добавил чайную ложечку тягучего меда в напиток и слегка перемешал, затем пододвинул чашку ко мне. – Осторожнее, горячий. Чайник только вскипел перед вашим приходом.

– Благодарю! – Я потянулась к чашке и вздрогнула, нечаянно коснувшись князя, не успевшего вовремя убрать руку.

Мы схлестнулись взглядами, и меня будто молнией прошило, когда вдруг увидела беседу, предшествующему моему появлению. На самом деле ничего сверхъестественного: господа обсуждали жестокое убийство в доме купца Холзмана, а князь листал серую папку с надписью: «Личное дело Молчановой А.Т.». Я судорожно сглотнула, увидев эту папку на столе пристава, придавленную сверху пресс-папье.

– Простите, я случайно, – опомнившись, поспешила извиниться перед князем.

– Не нужно извинений, Анастасия Трофимовна, – Алим Осипович неотрывно смотрел мне прямо в глаза. – Вы что-то увидели?

– Я только... ничего такого. Господа рассказывали о деталях преступления, а вы листали папку. Вон ту, кажется. – Глазами указала на стол пристава.

– Вот как? – Черные брови канцлера взметнулись кверху в удивлении. – Очень интересно, если взять во внимание, что ваши мысли от меня закрыты. Осталось понять, это врожденная особенность или она как-то связана с недавним происшествием.

– Что вы хотите этим сказать, Ваше высокопревосходительство? – уточнил Лутецкий.

– Лишь то, что сказал. – Мужчина пожал плечами. – Анастасия Трофимовна действительно может быть жертвой обстоятельств и потерять память, как она утверждает. Однако я не исключаю варианта, при котором амнезия – вымысел, а поведение девушки – искусная игра. – В голосе князя прорезалась жесткость, которую никак не ожидаешь встретить за столь мягким правильным обликом.

– Но я на самом деле ничего не помню! – Резкий контраст между приятным в общении человеком и его беспощадным вердиктом выбил из колеи. Да меня же теперь так замучают допросами в Следственном комитете, что сознаюсь в чем угодно. – Как я могу это доказать? Я на все согласна!

– На все? – Великий князь ухмыльнулся и покачал головой. – Ну, что же, вы сами предложили. Степан Аверьянович, – не глядя, обратился к начальнику Следственного комитета, – а подготовьте нам сыворотку правды, пожалуйста.

Глава 4

Дрожащей рукой я отставила чашку с недопитым чаем. Все эти любезности и светские разговоры с людьми, которые походя решили мою судьбу, уже не привлекали.

– Что же вы, Анастасия Трофимовна, совсем ничего не выпили, – пожурил князь.

– Простите, но не хочется.

– Волнуетесь? – легко угадал мое состояние Алим Осипович. – Ну, это вы зря. Разве вам есть, что скрывать? Неужели за пару дней, как вы пришли в себя в больницу, случилось нечто такое, о чем нельзя рассказать? Или же вы все-таки вспомнили что-то из прошлого?

– А ведь вы правы! – С изумлением посмотрела на мужчину. – Мне нечего скрывать.

Разве что робкие выводы о прошлом, да о наличии тайников в комнате. Но разве же это преступление? Нарушение правил – пфф! И что мне сделают? Ну, влепят выговор или назначат отработку на кухне. Это ведь не принудительная блокировка дара, не тюрьма и не казнь. Переживу как-нибудь!

Сыворотку доставили уже через полчаса. В кабинет, постучавшись, без доклада вошел приземистый худощавый мужчина возрастом около пятидесяти лет. Крючковатый нос, впалые щеки, сушенная кожа с пигментными пятнами, редкие волосы зачесаны набок, чтобы прикрыть залысину на макушке. На форменной одежде без лычек и воинских отличий прикреплен жетон мага четвертой категории. Оскаленная черепушка, вписанная в многоугольник, говорила, что перед нами одаренный довольно редкой специальности.

– Аким Фатеевич Безымянный, штатный некромант и патологоанатом городской больницы, – представил гостя господин Лутецкий.

– Доброго дня, господа и... дама, – поздоровался мужчина, вперившись в меня взглядом белесых глаз, цвет которых я затруднилась определить.

Казалось, у господина мага зрачки обозначены темной окантовкой и крохотными точками внутри, тогда как радужка сливается по цвету с белком. Жуть какая! Я невольно поежилась, когда мужчина приблизился и с поклоном поставил стеклянный пузырек с ядовито-желтой жидкостью на стол.

– Полагаю, это предназначено вам? – Без труда вычислил жертву, для которой понадобилась сыворотка правды.

– Верно. – Я нервно улыбнулась. – Что от меня потребуется?

– О! Не так уж и много. – Некромант хищно прищурился. – Всего лишь выпить содержимое этого флакона и ответить на вопросы, что задаст Его Светлость. Позвольте, я добавлю сыворотку в чай? Он как нельзя лучше подходит, чтобы замаскировать неприятный вкус.

Разумеется, это спросили не у меня, а у старшего по званию и положению. Князь благосклонно кивнул и жестом разрешил провести необходимые манипуляции. Длинными пальцами с узловатыми суставами маг ловко поддел крышку флакона и опрокинул содержимое в чашку. Затем добавил еще меда и капнул пару капель лимона, выжав их из засахаренной дольки. Затем с его рук сорвался темный сгусток, от которого жидкость мгновенно нагрелась. Некромант тщательно перемешал содержимое, после чего пододвинул получившийся напиток ко мне.

– Прошу, барышня! До дна.

– Алим Осипович, мне пригласить секретаря, чтобы записал показания? – подал голос хозяин кабинета.

– Не стоит, Виктор Андреевич, лишние уши ни к чему, – отринул предложение великий князь. – Благодарю за помощь, Аким Фатеевич, вы свободны, – заодно избавился от некроманта.

Я заметила, как князь совершил несколько магических манипуляций, призванных защитить комнату от прослушиваний, и слегка успокоилась. Затем под одобрительным взглядом канцлера и выжидательными остальных мужчин пригубила напиток и заставила себя осушить содержимое чашки до конца. Утерев рот тыльной стороной ладони, что вызвало легкую усмешку Алима Осиповича, я уселась в кресле поудобнее и откинулась на спинку, ожидая, пока средство подействует. Как-то не до светских условностей сделалось, когда мою подноготную скоро вывернут наружу.

– Итак, Анастасия Трофимовна, поведайте-ка нам в подробностях, что помните о себе и об убийстве в доме купца Холзмана.

В затуманенную зельем голову проникли слова князя, я и вдруг отчетливо осознала, что желаю раскрыть все секреты. Выложить без утайки самое сокровенное, что бы он ни спросил. И я начала рассказ с того момента, как очнулась в больнице.

– Какие интересные вещи вы поведали. – Князь довольно усмехнулся, выслушав мои откровения. – Насчет снов мы еще побеседуем, а пока... не прокатиться ли нам до места преступления, а, Виктор Андреевич?

– Сейчас организуем-с! – Засуетился пристав. – Не извольте беспокоиться.

Из здания Управы мы вышли через парадный вход, у которого поджидал паромобиль представительского класса. Да и то, название паро- прилипло по-старинке. Крупнейший Уральский завод давно поставлял двигатели на основе сплава магии и технологий. А собирались такие машины на Филевском автомобильном заводе Руссо-Балт в Московском княжестве.

Размерами «Руссо-Балт Империял» значительно превосходил авто, на котором разъезжал Зорин, и внутри отделка натуральными материалами поражала воображение. Предпочтение отдавалось слоновой кости, из которой изготавливались ручки, и телячьей коже, выделанной таким образом, что прикасаться к ней было особенно приятно. Встроенный бар и походный столик были выполнены из карельской березы, а на дверцах и передней панели, где находились приборы, я заметила вставки из малахита и яшмы. Последним штрихом стала подсветка салона магическими светильниками и приятная музыка, льющаяся из радиемагнитофона. Автомобиль двигался практически бесшумно, изредка сигналил, чтобы предупредить зазевавшихся прохожих об опасности.

Конечно же, находясь под воздействием сыворотки правды, я высказала восхищение нашим транспортом.

– Вам действительно нравится? – уточнил Алим Осипович, с легкой снисходительностью отнесшийся к моим наивным восторгам и охотно пояснивший, какие материалы были использованы в отделке.

– Это невероятное чудо! Девчонки в гимназии не поверят, когда расскажу. – Я поглаживала шелковистый на ощупь подлокотник, не в

силах остановиться. – Вы, должно быть, счастливый человек?

– Отчего вы так решили? – Канцлер чуть подался вперед, отрываясь от блокнота, в котором попутно умудрялся что-то записывать.

– Ну, э... – Сыворotka еще действовала, так что я выложила, как на духу. – Вы молоды и привлекательны, занимаете столь высокое положение в обществе, что мне представить сложно. Да, это налагает обязательства, но ведь у вас наверняка есть помощники, на которых можно переложить обязанности. Вы вольны жить так, как заблагорассудится, в собственное удовольствие, наслаждаясь теми благами, что недоступны простым смертным.

– Какое наивное заблуждение! – мужчина грустно улыбнулся. – Есть вещи, которые нельзя переложить на помощников, и на удовольствия у меня попросту нет времени. А те блага, которыми вы так восхищаетесь, всего лишь дань титулу и занимаемой должности. Да, они обеспечивают комфортом и составляют часть моей жизни, но такую незначительную, что я привык их не замечать.

Я хотела возразить князю, ведь желание сказать правду еще довлело над разумом, но этому помешал капитан Коромыслов, следующий за нами на служебном паромobile. Его в княжеское авто не пригласили, в отличие от меня. Быть может, оттого, что я еще находилась под воздействием сыворотки? За разговором я не заметила, что мы уже подъехали к дому купца Холзмана. Удивилась только, почему машина остановилась.

– Великий князь, мы на месте! – Пристав лично распахнул дверцу представительского «Руссо-Балта», подобострастно выслуживаясь перед гостем. – Прошу следовать за мной.

Князь Леви вышел из салона первым и, как галантный кавалер, подал мне руку, помогая выбраться. Я не успела надеть перчатки и робко коснулась пальцами подставленной ладони. На этот раз ничего не увидела, будто маг воздвиг между нами стену. Возможно, в первый раз он был не готов? Или нарочно позволил увидеть прошлое, чтобы проверить в действии мои способности? Я бы порассуждала на эту тему и с удовольствием послушала ответы князя. Однако вопросов мне не задавали, ситуация не располагала, так что я с большим трудом подавила желание откровенничать.

Дом купца Холзмана располагался на Базарной горе в самом начале улице, которая шла под уклон к реке. Деревянный одноэтажный дом с мезонином и резными наличниками на заколоченных окнах смотрелся зловеще. Казалось, смерть в отсутствие живых постояльцев принялась пожирать и само здание. Во всяком случае, атмосфера возле дома показалась мне мрачной. Вероятно, такое впечатление производили почерневшие от копоти стены?

Пожар случился в хозяйственной пристройке, куда мы попали, обогнув строение по узкой, вымощенной битым камнем дорожке. С обратной стороны дом пострадал сильнее. Прогорела несущая стена и обрушилась часть крыши.

Удивительно, как деревянная постройка не вспыхнула факелом? И соседние дома целы, на них огонь не перекинулся.

– Защитные амулеты! – ответил князь Леви, который расслышал мое невнятное бормотание. – При такой плотной застройке – необходимая мера безопасности. – Мужчина обвел взглядом задний двор Холзманов, где линией раздела территории служили глухие стены чужих сараев и складов.

– Ну, да! – Закивала болванчиком, позабыв, что магия способна дом от пожара уберечь и даже хлипкое на вид строение превратить в нерушимую крепость.

Двор был утоптан казенными сапогами полицейских, пожарище разобрано, почерневшие обломки досок сложены штабелем в дальнем углу. Пространство внутри сгоревшего сарая расчищено, выставляя на обозрение закоптившуюся железную крышку люка в полу. Над ней грязно-коричневым куполом мерцал щит, защищающий место преступления от любопытных. Но не это привлекло мое внимание, а темное марево, грязной кляксой нависшее над местом гибели людей.

– Вы что-то заметили? – осторожно поинтересовался канцлер, предоставив мне время, чтобы осмотреться.

– Это случилось там? – указала на люк и то, что он укрывал под собой.

– Отчего вы так решили? Подробностей дела вам нарочно не раскрывали.

Учитывая, что в больнице говорили о пожаре и убрали последствия отравления дымом, не трудно сделать выводы.

– Не знаю, как объяснить, но там чернота какая-то! – с трудом выдавила правду.

Почему-то не хотелось сознаваться, что вижу проявления магии. Сыворотка хоть и выветривалась, но противиться и не болтать лишнего я по-прежнему не могла.

– Та-ак! А вы не упоминали, что владеете магическим зрением, – зато князь Леви быстро сообразил, что к чему.

– А вы не спрашивали! – Я пожала плечами. – Откуда мне знать, что важно, а что нет?

– Но магия повсюду! Вы не могли этого не увидеть за те дни, что провели в больнице и гимназии. Как так вышло, что вы даже не упомянули об этом? – Мужчина исполнился подозрительности.

– Э... возможно, потому что не нашла в этом умении ничего удивительного? Откуда мне знать, что остальные люди видят по-другому? Пока вы не заострили внимания, я и не считала это чем-то особенным.

– Поверьте, видеть магию дано не каждому одаренному. Маги годами тренируются, чтобы достичь успеха, – заверил Алим Осипович. – Как специалисту, вам цены не будет. Кстати, желаете попробовать свои силы?

– Сейчас? – Вот удивил! – Когда тут прошли десятки посторонних и затоптали следы?

– Я же не требую немедленного результата! Просто предлагаю варианты, способные подхлестнуть память.

– Ну, хорошо, я попробую, – пробурчала недовольно. – Только уберите защиту. Возможно, мне потребуется спуститься в... кстати, а что там, внизу?

– Вы мне скажите! – Князь усмехнулся и кивнул Коромыслову, чтобы занялся делом. Не самому же чужие плетения снимать!

Частный пристав тоже не привык руки марать работой. Зачем, если для этого штатный маг имеется?

Выдров Иннокентий Поликарпович вид имел представительный. Носил армейский мундир с лычками штабс-капитана и магическую бляху с огненным символом и цифрой три в категории сил. На видоков и обывателей смотрел свысока, с пренебрежением и снисходительной жалостью к недочеловекам. Однако же придерживался чиновничества и, как большинство, выслуживался перед вышестоящим начальством.

Маг с важным видом подошел к пожарищу и сначала раскинул сеть, определяющую наличие магических плетений. Затем присел на одно колено, стянул белую перчатку – обыкновенную, без защитных рун и опознавательных знаков, занес руку над защитой и замер. Я заметила, как купол задрожал под давлением силы и рассыпался, обдавая мага ошметками вложенной энергии. Львиная доля ушла в никуда, разлетевшись в стороны, а те остатки, что Выдров умудрился впитать, не стоили вложенных затрат. Но кто я такая, чтобы комментировать действия профессионала? Я лишь поблагодарила за труды, когда маг закончил и в довершении откинул крышку люка, открывая темный проход.

Со снятием защиты меня обдало запахом горелой гнили, которым потянуло из подвала. Приблизившись и заглянув в черное нутро, невольно поежилась, не испытывая никакого желания лезть в поганое место. Однако выбора мне не оставили. Маг, сообразивший, что я намерена спуститься, создал световой шарик. А рослый мужик, работающий дворником в Мещанском околотке и срочно вызванный, чтобы обеспечить доступ в арестованные помещения, притащил деревянную лестницу и опустил ее вниз.

Я огляделась, недоумевая, неужели придется идти одной? Никто не горел желанием составить компанию. Мда, веяло от страшного черного провала какой-то жутью. И даже магический светильник не давал столько света, чтобы разглядеть, что же там творится внизу.

Ну и подумаешь! – Я подхватила подол юбки и направилась к люку.

– Не бойтесь барышня, – пробасил дворник, ухватившись за лестницу двумя руками. – Я удержу. Если что, кричите. Живо вытащу.

– Спасибо, э...

– Митрофаном меня кличут, – представился мужик, сообразив, чем вызвана моя заминка.

– Спасибо, Митрофан. Я справлюсь. Чего бояться, когда рядом столько защитников? – хмыкнула и обвела взглядом мужчин во дворе.

– Подождите-ка, Анастасия Трофимовна. – Князь будто опомнился, или же его задело мое пренебрежение во взгляде? – Я первый спущусь.

Ну, кто я такая, чтобы спорить с важным гостем? Посторонилась, пропуская мужчину к открытому провалу. Мельком заметила, как

вспотел Коромыслов. Если уж сам канцлер не побрезговал лично осмотреть место преступления, то уж Частному приставу надлежало впереди бежать и дорогу показывать. Я сцедила смехок в кулак, представив, как пристав с солидным брюшком застрянет в узком люке и будем мы с князем внизу сидеть, пока капитан не похудеет или же его подчиненные не вызволят.

– Виктор Андреевич, не извольте беспокоиться, – остановил великий князь начальника Управы, когда тот принялся разоблачаться, передавая в руки секретаря каракулевого пальто и фуражку. – Мы только посмотрим, и сразу назад. Нет нужды всем спускаться.

Алим Осипович также избавился от верхней одежды, оставшись в дорогом костюме и шарфе, замотанном вокруг шеи. Шофер «Руссо-Балта», служивший князю охранником, слугой и личным помощником, вовремя подскочил и забрал вещи. Мое пальто также перекочевало в руки княжеского помощника. Я проследила, как мужчина скрылся в темном провале, выждала минуту, чтобы не свалиться ему на голову, и полезла следом.

А ничего так, просторно оказалось в подвальном помещении, из которого за это время немного выветрился спертый запах. Купец устроил здесь кладовую. По стенам стояли закоптившиеся до черноты дубовые стеллажи с полками, усыпанными глиняными черепками.

– Масло, – пояснил Алим Осипович, когда я поинтересовалась, что же здесь хранилось. – Оно и загорелось, когда сарай подожгли.

В дальнем углу виднелся еще один проход, скрытый за ростовой бочкой. Сейчас о бочке напоминали только ржавые ободы с белеющими в угольной пыли бирками, используемыми при детальном описании места преступления.

Согнувшись вдвое, я полезла за князем в потайной ход, который покатыми ступенями полукруглой лестницы уводил под землю. Глубоко же купец зарылся! Узкий спуск совершил полный виток вокруг оси, когда проход внезапно расширился, открывая просторное помещение квадратов на двадцать пять. Массивные каменные колонны держали потолочный свод и ту тяжесть, что напирала сверху. Не ошибусь, если предположу, что зал расположен под помещьем. Или помещье нарочито построено над подземельем, из которого имелся еще один ход, закрытый на засов дубовой дверцей.

– А куда?.. – поинтересовалась у князя насчет второго выхода.

– Тянется под уклон по улице и выводит к укромному месту на берегу реки. Судя по характерным следам, ходом часто пользовались контрабандисты, а на реке товар грузили в лодку и вывозили по воде, – подсказал князь Леви.

Сам он приблизился к стене, у которой лежал плоский валун и вокруг пирамидой расставлены толстые свечи. Поверхность валуна плоская и вытянутая в длину. На нем достаточно места, чтобы уложить человека среднего роста. На самом камне видны зазубрины и бурые потеки. Подойдя поближе я поняла, что в основание пирамиды лежат человеческие черепа, которые издали не распознать из-за восковых потеков.

– Что за мерзость? – Как раз над камнем сгустилась концентрированная маслянистая клякса, марево от которой расходилось по потолку. С улицы я заметила лишь слабенький отголосок черной дряни.

– Алтарь для жертвоприношений. Штефан Холзман возомнил себя последователем ордена Тьмы, – с ненавистью бросил канцлер. – Двенадцать лет назад мы уничтожили тварь, отравляющую наш мир, но вот таких выродков, кто до сих пор совершает гнусные обряды, еще вылавливаем в разных уголках империи.

– И правильно делаете! Нельзя, чтобы нелюди и дальше зло творили. – Я присела на корточки возле камня, стянула перчатки и нерешительно коснулась леденящей поверхности.

Видения, одно страшнее другого молнией пронзили сознание. Десятки замученных до смерти людей прошли через алтарь. Как живую увидела почтенного вида седовласого мужчину, который самолично вершил казни и пытал тех, кому не повезло угодить ему в руки. Конкуренты, обидчики, нищие, бурлаки и отходники, приехавшие в город на заработки. В основном одиночки, но попадались и семьи. Мужчин сразу отправляли на алтарь, а женщин и детей вывозили через потайной ход. Дальнейшую их судьбу страшно представить, потому что забирал пленников человек, перед которым сам Штефан Холзман гнул спину и пресмыкался. Единственное, что рассмотрела у второго преступника – ноги, обутое в юфтевые солдатские сапоги. Боль, страдания, безнадежное отчаяние – чужие эмоции захлестнули с такой силой, будто бы я на себе испытала, что

чувствовали несчастные жертвы. Я, как и они, хотела прекратить мучения, но не могла, не видела выхода.

Из жуткого видения, куда затягивало, как в трясины, меня вытащил князь. Ощутила вдруг прикосновение горячих рук к плечам, а после голова закружилась от резкого рывка в сторону и вверх, к свету, к человеческому теплу.

– Анастасия Трофимовна! – Меня похлопали по щекам. – Настя! Очнитесь же! Все уже позади. Ничего этого не было. Ну, кто в здравом уме прикоснется к жертвенному алтарю, налитанному людскими страданиями? Чему вас только в гимназии учат? Так ведь и перегореть недолго!

– Простите, – пролепетала сквозь слезы, которые, оказывается, ручьями лились по щекам. – Я этого не знала. А, если и знала раньше, то забыла.

– Проклятье! Это я не уследил. – В голосе князя я разобрала досаду и сожаление. – Сам же вас сюда притащил. Вы как себя чувствуете? Идти сможете?

– Я? Идти? – Смахнув слезы, я осмотрелась, чтобы понять, на чем таком мягком устроилась. – Простите! – Как только поняла, что князь присел на каменной лавке и расположил меня на коленях, густо покраснела. Неудобно-то как! То есть, лежать удобно, тепло и уютно, но как это смотрится со стороны? – Я... Ох! Ваша светлость, как же это? Если нас увидят, подумают невесть что! – Я рванулась, чтобы встать, но меня мягко удержали на месте.

– Не увидят, потому что ни у кого духу не хватит сюда спуститься. Да и время еще не вышло, чтобы наверху забеспокоились.

– Но вам же, наверное, неприятно нянчиться со мной? Я в порядке уже, правда. – Так удивительно было видеть князя вблизи, что у меня в горле пересохло и слова вырывались шепотом.

Возраст канцлера приближался к сорока годам, но я бы не дала больше тридцати. Только складка на переносице и первые морщинки у глаз выдавали, что он старше, чем выглядит. Еще меня удивило отсутствие щетины, кожа была гладкой и чистой, без покраснений или пигментных пятен. И волосы без единого намека на седину.

– Ничуть! – Алим Осипович опроверг сомнения искренней улыбкой. – Ни один мужчина не скажет, что ему неприятно держать в объятиях красивую молодую девушку.

Кажется, у меня даже кончики ушей запылали от смущения. Он взаправду считает меня красивой? Впрочем, чего это я уши развесила? Кто я, и кто он? Канцер женат, поэтому никаких больше намеков.

– И все равно, это неправильно. – Я с сожалением отстранилась и переместилась с таких удобных и теплых коленей на холодную скамеечку. – Хотя бы потому, что подобное поведение бросит тень на вашу супругу. А я бы не хотела разрушать чужое счастье.

– Вы правы, Анастасия Трофимовна! – При упоминании супруги, князь погрузился, подобрался весь и вновь стал тем отстраненно-холодным чужаком, каким был недавно. – Прошу прощения за вольность, я не имел намерений задеть вашу честь или погубить репутацию. Просто хотел отвлечь от тех видений, что обрушились на вас. Вы ведь увидели что-то?

– Да, – ответила еле слышно, на выдохе. – Столько смертей, страданий – это ужасно. Купец на протяжении долгих лет губил жизни. Как же вышло, что его обнаружили?

– Домработница на него работала приходящая, Лукерья Огурцова. Вот она и нашла тело хозяина, когда пришла в прошлый четверг прибираться. Жена у Штефана семь лет, как умерла, детей нет. Проживал купец один, питался в трактире через дорогу. В первых помощниках у него Фрол Кузьмичев ходил, и десяток местных забулдыг батрачили. В доме Холзман наличных не держал, однако же доходы от продажи масла имел неплохие. Банкам не доверял, прятал деньги в кубышку. Вот ее убийцы и искали сначала в доме, а после в сарае, где хозяин товар держал. Нашли они заначку или нет – пока остается тайной, но очевидно, что подельники не поделили добычу и передрались. На первый взгляд, картина преступления проще некуда: работники заимели зуб на хозяина и напали на него, подкараулив в доме. На теле купца найдены следы пыток, так что, возможно, перед смертью он сказал, где спрятал деньги. А дальше кто-то решил, что одному завладеть добром лучше, чем делить его на пятерых, и порешил остальных. Судя по тому, что первого помощника мы так и не нашли, он и есть главный подозреваемый.

– Но все получилось, куда сложнее, – я тяжело вздохнула и обвела взглядом помещение.

Невольно вздрогнула, зацепившись глазами за черную кляксу над камнем и мутную дымку, что расплзалась по помещению. На миг

привиделось, что в клубящейся черноте проступают силуэты жертв. Но я крепко зажмурилась и потрясла головой, чтобы избавиться от наваждения. Вроде помогло.

– Да, Анастасия Трофимовна, – кивнул князь Леви. – Дело показалось настолько простым, что на него отправили сразу трех стажеров-видоков, чтобы отработали навыки взаимодействия в команде.

– А мы нашли вход в подземелье, – закончила фразу, уже догадываясь, что произошло. – И столкнулись тут с убийцей, который избавился от свидетелей и поджег сарай, чтобы уничтожить улики.

– Да, – канцлер тяжело вздохнул. – Мне только одно непонятно. Если группа спустилась сюда в полном составе, вместе со следователем и околоточным, и погибла, попав под ментальный удар, как вам удалось выбраться?

Глава 5

Я уже приблизилась к квадратному проему, где виднелся кусочек неба, когда остановилась и развернулась к мужчине.

– Что вы хотите этим сказать? – удивилась резкой смене тона и моментально воздвигнутой стене недоверия.

Или никакого доверия и не было на самом деле? Ну, да! Это ведь я откровенничала, а князь только слушал, анализировал и делал выводы. Грустно так стало и обидно отчего-то.

– Только то, что сказал. Обратите внимание, что второй выход из подземелья закрыт изнутри на засов.

– А что тут такого? – Посмотрела на мужчину с недоумением. – Его же осматривали дознаватели, вот и закрыли, чтобы никто посторонний не забрался.

– Верно! Но я попросил, чтобы тут ничего не трогали и оставили в прежнем виде. А это означает, что сотрудники Управы, первыми прибывшие на происшествие, застали ту же самую картину. Как видите, пожар сюда не добрался. И это благодаря тому, что дверь над лестницей тоже была закрыта. В то же время, по показаниям гражданки Огурцовой, обнаружившей убитых батраков, в подвале валялись битые бутылки и пахло алкоголем. Достаточно искры, чтобы запалить все, а дальше пламя перекинулось на бочки с маслом. Между прочим, только усилиями магов удалось сдержать пожар.

– А я... где меня нашли?

– В доме, вы лежали у выхода, потеряли сознание, наглотавшись дыма, – ответил князь, пристально отслеживая мою реакцию. – И вот, что получается: ментальный удар вы получили наравне с остальными членами группы. Это означает, что в момент нападения вы находились поблизости. Вам удалось каким-то образом пережить то, что моментально убило ваших товарищей. Допустим, в силу врожденных способностей. Но в любом случае, это болезненно. Уж поверьте моему опыту, человек может быть ошеломлен и дезориентирован, лишен способности трезво соображать. Однако вы выбрались наружу

до пожара или в момент, когда он только начинался, пересекли двор, зашли в дом и уже там потеряли сознание.

– Что вы на меня так смотрите? – насупилась. – Я не помню. Наверное, все так и было.

– С вероятностью девяносто девять процентов. – Алим Осипович кивнул. – Однако непонятно тут другое. Я не зря обратил внимание, что второй ход заперт изнутри. Это означает, что убийца покинул подzemелье тем же способом, что и вы. Так, почему же он вас пощадил?

– Пощадил? – вытаращилась изумленно.

– Никто в здравом уме не станет оставлять живого свидетеля, способного навести на след.

– Возможно, преступник спешил и не убедился, что я умерла? Ушел, замата следы, а я, очнувшись, отправилась за помощью?

На это князь ничего не ответил, а молча поднялся и пошел к выходу. Мне ничего не оставалось, как отправиться следом. У лестничного пролета мужчина остановился, пропуская меня вперед. Я на мгновение замешкалась и завертела головой в поисках светового шарика. Но он то ли исчез, выработав заложенный резерв, то ли князь нарочно притушил свет, чтобы устроить проверку.

Так и есть, – обернувшись, я поняла, что канцлер не собирается помогать, не намерен идти вперед или же облегчить подъем иным способом. – Ну и ладно! Если уж выбралась отсюда, раненая и оглушенная ментальным ударом, то и сейчас справлюсь.

Подумаешь! – хмыкнув, гордо вскинула голову и углубилась в проем, осторожно нащупывая ногой ступени и придерживаясь стен руками, чтобы не упасть.

За десять минут в крошечной тьме я умудрилась преодолеть весь путь и застыть перед низкой дверцей, ведущей в погреб. Позади я слышала легкую поступь князя, поэтому никакого страха не испытывала. Осталось только понять, как открыть дурацкую дверь, и я на свободе. Однако никаких ручек, замочных скважин или чего-то подобного не нащупала, как ни старалась.

– Не понимаю, как открыть? – сдавшись, обратилась за помощью к мужчине.

– А что тут непонятного? – раздался самодовольный смешок за спиной. – Здесь потайной механизм предусмотрен, без знания о

котором ни за что не выбраться наружу.

Надо мной вдруг вспыхнул световой шарик, зажженный канцлером, и я невольно отшатнулась.

– Простите, не хотел напугать. Зато вы убедились, что не выбрались бы, если вам не позволили бы этого сделать.

Великий князь пошарил рукой по стене, при этом вплотную прижавшись ко мне и обдавая дыханием макушку. Затем я услышала легкий скрежет механизма, и массивная дверь подалась наружу.

Да уж, нагляднее не придумаешь! Если преступник упустил из виду, что я уцелела после удара, то ушел бы и непременно запер дверь. В таком случае, я ни за что не успела бы разобраться с запорным механизмом и выбраться до того момента, как пожар отрезал путь наружу. Или же, убийца нарочно оставил меня в живых и вывел на поверхность. Но зачем? Что ему от меня понадобилось? Быть может, мы были знакомы? Или того хуже, сговорились?

Мда, учитывая, в каком состоянии очнулась в больнице, вряд ли я проделала путь самостоятельно. Быть может, я не так сильно пострадала, как об этом говорят? Но доктор Гельберг сутки боролся за мою жизнь. Что же тут произошло? Вопросов у меня прибавилось больше, чем возникло изначально. Теперь понятен такой пристальный интерес следователей. И недоверие, и те меры, что они предприняли, выясняя правду. Жаль только, что мы ни на шаг не приблизились к разгадке.

– Я не верю, что бросила бы своих друзей, пусть даже и мертвых, без веской причины. Не верю, что причастна к преступлениям, что тут совершались. У меня нет объяснений тому, что осталась жива. Но я клянусь, что не успокоюсь, пока не разгадаю тайну и не найду убийцу! Вы можете располагать мной и рассчитывать на активное участие в поисках. Вы ведь сильнейший маг разума. Прошу, помогите вспомнить!

– Рад, что вы готовы сотрудничать. – Канцлер степенно кивнул, принимая мою горячую речь как должное. – И, конечно, помогу восстановить память. Тем более, я давно не встречал такого любопытного случая.

– Любопытного? – У меня в недоумении взметнулись кверху брови.

Немного обидно узнать, что для кого-то ты лишь «любопытный случай».

– У вас уникальная защита разума. Именно защита, а не врожденная устойчивость к ментальному воздействию, – пояснил князь.

– А как вы?.. – осеклась, сообразив, когда мужчина сумел рассмотреть особенности.

Князь воспользовался моментом, когда меня ошеломило видениями у жертвенного алтаря. И все эти его объятия и показательная забота вначале – лишь способ подобраться поближе.

– Рада, что сумела заинтересовать такого занятого и важного человека, как вы, Ваша светлость. – Сделала книксен, склонив голову и пряча пылающий негодованием взгляд.

– Все в порядке, Ваше высокопревосходительство? – расслышав наши голоса, над проемом возникло взволнованное лицо Коромыслова.

– Да, Виктор Андреевич, – отозвался князь. – Мы уже закончили. Прошу, Анастасия Трофимовна, – предложил мне первой подняться.

– Ну, что вы! Только после вас! – хмыкнула язвительно.

– Анастасия Трофимовна! – цокнув языком, мужчина покачал головой. – Вы же сами высказали желание сотрудничать со следствием и просили помощи с восстановлением памяти. Неужели так важно, что я немного опередил события и воспользовался подходящим моментом? Поверьте, чтобы ввести вас в состояние полной расслабленности, пришлось бы затратить куда больше усилий. Не злитесь, вам это не идет.

– Простите! – пробурчала, понимая, что князь снова прав, и это я в его глазах выгляжу неуравновешенной барышней, у которой настроение меняется каждые пять минут.

Я ловко взобралась по лестнице. Наверху меня подхватили за руки и вытянули наружу, поставив на землю. Пробормотав слова благодарности, я приняла из рук княжеского помощника пальто. Пока одевалась, попутно отряхивая невесть как прицепившуюся паутину, обдумывала внезапную мысль. В момент, когда меня доставали из погреба, на доли секунды глаза оказались на уровне ног присутствующих полицейских, так что невольно обратила внимание на

их обувь. Сапоги! Похожие я видела на том человеке, с которым общался купец.

– Алим Осипович, я вспомнила! – бросилась к князю, самостоятельно выбравшемуся на поверхность.

По тому, как на меня вытаращились присутствующие, я поняла, что ляпнула лишнего. Во-первых, воспоминание относилось к свежему видению. А, во-вторых, если подельник душегуба носил армейские сапоги, то, кто знает, не находился ли он сейчас среди присутствующих? Тут у всех одинаковая обувь, фасон тот же самый.

– Что именно вспомнили? – Князь ничуть не обманулся моим радостным воплем.

А еще ему не нужно лезть в голову, чтобы прочитать мысли. Я растерянно огляделась, понимая, что ни слова не скажу в присутствии посторонних. Хотя, как раз посторонних здесь не было.

– Это... касается личности жертв. Из моего видения у алтаря. Я думаю, что сумею опознать некоторых. Или же рассказать о приметах, чтобы свериться со списком пропавших, – придумав на ходу правдоподобное оправдание, я перевела дух.

Однако же канцлер сообразил, что я недоговорила, поэтому снова предложил составить ему компанию по дороге в Управу. Сам Коромыслов сопровождал меня до автомобиля князя, сгорая от нетерпения поскорее услышать подробности. Однако ему снова не предложили места в машине, и он был вынужден сесть в служебный паромобиль.

– Так, что же вы вспомнили на самом деле, Анастасия Трофимовна? Информацию о жертвах вы, несомненно, изложите в отчете. Но есть что-то еще? Вы видели подельника Холзмана? Поэтому испугались?

– Можно сказать и так. – Я бросила опасливый взгляд на водителя, и Алим Осипович, сделав правильный вывод, опустил перегородку, отделяющую салон звуконепроницаемым барьером. – Я видела, как Штефан Холзман делал нехорошие вещи. Это плохой человек и, без сомнений, виновен в преступлениях, в которых его обвиняют. Однако он действовал не один. Был еще кто-то, кого купец боялся до дрожи в коленях. Пресмыкался и опасался голову поднять в его присутствии. И этот кто-то носил армейские сапоги. Хорошей выделки, как у высших чинов, всегда чистые и ухоженные.

– Вы поэтому испугались? Подумали, что убийца поблизости? – шумно втянув носом воздух, канцлер погрузился в задумчивое состояние. – Значит, наш монстр высоко забрался. А это сложно, учитывая регулярные проверки личного состава у магов разума и принесение клятвы при вступлении в должность. Прибавим к этому, что наш таинственный убийца одаренный, и круг подозреваемых сужается. Он должен быть хитрым, самоуверенным и чрезвычайно изворотливым. И последнее: этот человек входит в круг ваших случайных знакомых.

– Знакомых? – Вот так новость! – У меня их нет так много, конечно, но это не повод, чтобы заводить дружбу с убийцей.

– Хм, вы меня не так поняли. Анастасия Трофимовна, на последнем году обучения, как и остальные выпускники, вы стали часто посещать Управу. Одних городских к ней приписано тридцать семь человек. Неужели с каждым знакомы лично? Тем не менее вы, будущие видоки, находитесь под пристальным вниманием. Вас изучают, за вами присматривают и о вас знает гораздо больше народу, чем вы можете представить.

– И что же мне теперь делать?

– Вам – ничего! – канцлер пожал плечами. – Расследованием займется Следственный комитет. А вы дадите показания и отправитесь в гимназию. Ваша задача – хорошо учиться. С таким сильным даром и устойчивой психикой вы достигнете больших высот. Империи нужны грамотные специалисты.

Я молча кивнула и уставилась в окно. Князь ни словом не обмолвился, каким способом поможет восстановить память. Это не значит, что он забыл об обещании, но вряд ли гимназистка Молчанова входит в первую десятку его важных дел.

В Управе мне выделили стол, обеспечили бумагой и бланками отчетности. Такие заполняют видоки на практике и, наверное, я уже не раз это делала. Но тут пришлось приложить усилия, чтобы отстраненно описать те ужасы, что творились в подвалах купеческого дома. С бумагами управилась за пару часов с небольшим перерывом, во время которого меня угостили чаем с бутербродами.

Если честно, кусок в горло не лез, заставила себя есть через силу. В гимназии нас учили отстраняться от видений, выплескивать пережитую боль на бумагу и тем самым избавляться от негатива. Так

легче справляться с последствиями и не заикливаться на человеческих трагедиях. Это самая тяжелая часть нашей профессии – жить дальше и помнить гибель сотен незнакомых людей. Говорят, от таких воспоминаний избавляют маги разума. Однако видоки плохо поддаются ментальному воздействию, и с каждым разом погасить негативные воспоминания становится сложнее.

После отчета я ознакомилась со списком пропавших, среди которых нашлись жертвы Холзмана. Горестное это дело – опознание жертв, когда понимаешь, что неумолимые факты лишают последней надежды найти человека живым. По большому счету в век магии и технологий разыскать пропавшего не так уж и сложно. Достаточно вещи или капли крови, чтобы маг-ищейка взял след. Тот же Выдров в этом деле первоклассный специалист, каким бы заносчивым снобом не казался со стороны. На его счету сотни предотвращенных преступлений и десятки спасенных жизней. Видоки же работают, когда несчастье уже случилось, а преступник скрылся, замата следы. И ведь знают убийцы, что на поиски империя бросит лучшие кадры и рано или поздно их поймают, а все равно преступают закон.

Канцлера я больше не видела. Он отправился в Следственный комитет вместе с Лутецким Степаном Аверьяновичем. На прощание, Алим Осипович рекомендовал приглядываться к обуви тех сотрудников, кто входил в мой круг общения.

– Но они же одинаковые! Сапоги, в смысле.

– Так, да не так! – Мужчина покачал головой. – Есть нюансы, на которые стоит обратить внимание. Например, у низкорослых людей сапоги на голени присборены в складку, а у обладателей высокого роста – нет. У худощавых офицеров штанины свободно заправлены, а у крепышей впритык. Опять же, расслабляясь, человек принимает позу, к которой привык. Расстояние между стопами будет разное, расположение по отношению друг к другу – тоже. Так что смотрите, наблюдайте и сообщайте мне лично или капитану Коромыслову, если вдруг заметите сходство.

– А ведь, и правда! – В восхищении посмотрела на князя. – Нас в гимназии постоянно учат подмечать детали, но вы это так понятно и доступно объяснили. Я ведь до этого момента даже не задумалась бы над такими нюансами. Получается, что подозреваемый высок и худощав. – Я прикрыла глаза, вызывая в памяти момент, когда Холзман

кланялся хозяину. – Стоит уверенно, широко расставив ноги. Вот, как вы, в точности. Но у вас темно-серое сукно брюк и покроем отличается. А еще носки сапог внутрь смотрят, что говорит о косолапой походке, которую вы безуспешно пытаетесь исправить. Ой! – прикрыла рот рукой. – Простите, я не хотела обидеть.

– Да, ничего, Анастасия Трофимовна, – канцлер по-доброму усмехнулся. – Вы верно подметили насчет походки. Не на что тут обижаться. К тому же отрадно, что вы так быстро учитесь.

В гимназию я возвращалась в сопровождении угрюмого молчуна Нахлебова. Савушкина предупредили, что надолго задержусь, так что он уехал гораздо раньше. Пользуясь отсутствием начальства, Зорин заливался соловьем.

– Настенька, позволишь тебя так называть? – Парень мимоходом перешел на «ты». – Правда, что ты рискнула к жертвенному алтарю прикоснуться? Это же опасно! Правилами видокам запрещено иметь дело с культовыми предметами Ордена тьмы. И эти правила неспроста придуманы, они оплачены жизнями таких же, как мы. Это же еще на первом курсе вдалбливают в умы учеников.

– Но я этого не помнила, а Алим Осипович не успел меня остановить. Так уж получилось. – Я погрустнела под гнетом воспоминаний.

– Простите, я виноват, что напомнил, – спохватился Зорин. – Позвольте загладить вину? Тут по пути есть замечательная кофейня. Заглянем на полчасика? Там готовят бесподобные кремовые пирожные и подают горячий шоколад.

– Не велено! – пробурчал мой охранник. – Приказано барышню Молчанову напрямиком в гимназию доставить.

– Да, полно тебе, Тарас Григорьевич! Настенька столько пережила сегодня, неужели не заслужила поощрения? Не вижу в этом ничего предосудительного. Что ей сделается под нашим присмотром? Я ж от чистого сердца предлагаю.

– Ну, я не знаю. – Растерялась, ведь прежде меня никуда не приглашали, наверное. А, если и приглашали, то я этого не помнила. К тому же так заманчиво звучало: «кремовые пирожные и горячий шоколад».

– Если Тарас Григорьевич не против, то я бы приняла предложение. Мне кажется, прежде я никогда не пробовала

пирожные. – Посмотрела на мужчину умоляющим взглядом.

– Двадцать минут! – смилостивился Нахлебов. – И я укажу в отчете, что остановка вызвана естественной надобностью.

– Разумеется! – Водитель просиял улыбкой и заложил лихой поворот, подъезжая к зданию на противоположной стороне улицы.

Внутри оказалось мило. При нашем появлении, навстречу поспешил хозяин заведения. Выяснив, чего желают уважаемые господа, провел нас внутрь. Верхнюю одежду мы оставили на входе и расположились за круглым столиком у панорамного окна. Уже через пару минут расторопная подавальщица принесла горячий заварник, а передо мной поставила чашку с дымящимся шоколадным напитком, источающим бесподобные ароматы. Не удержалась, чтобы тут же, обжигаясь, попробовать лакомство. Потрясающая вещь! Затем подали блюдо с пирожными. Я даже растерялась, какое из двух десятков попробовать в первую очередь. С выбором помог Константин, любезно положив на тарелочку самые вкусные, по его мнению, пирожные.

А я, как выяснилось, жуткая сладкоежка! Шоколад удивительно поднимает настроение и придает сил. А, если еще и компания приятная подбирается, то горести и невзгоды невольно забываются, заставляя поверить, что в мире полно хороших вещей.

Костя знал множество смешных историй и сумел расшевелить даже угрюмого Тараса Григорьевича. И я задорно смеялась, слушая забавные случаи из жизни молодого человека и его знакомых. Зорин – определенно душа компании, весельчак и балагур. Благодаря ему я отвлеклась от грустных мыслей и вернулась в гимназию в благоприятном расположении духа.

Девочки насели с расспросами, но я сослалась на соблюдение тайны, чтобы не огорчать их ненужными подробностями преступления. Зато о визите в кофейню и улыбчивом пареньке пришлось два раза пересказывать, припоминая его смешные истории.

Глава 6

Следующие две недели прошли в учебе и сдаче промежуточных зачетов. Из Управы меня не беспокоили, никуда не вызывали, так что я со спокойной совестью посвятила время изучению позабытого материала и освоению нового. Знания и впрямь давались легко. Читая учебники и свои же конспекты, я с жадностью заполняла пробелы. Прошлое, увы, по-прежнему оставалось чистым листом.

И я уже раздумывала над тем, чтобы наведаться в родные места, как по империи разнеслась добрая весть о рождении принцессы Татьяны у императорской четы. После трех мальчишек цесаревича Петра Ивановича, принцев Владимира и Ивана Бельских, появление дочери – стало долгожданным событием, в честь которого следующие три дня объявили выходными и устроили праздничные гулянья. На центральных площадях в каждом уголке империи прямо на улицах накрывали столы и желающим наливали по чарке за здоровье императрицы и новорожденной. Не знаю, что больше взбудоражило гимназистов, новость о внеплановых каникулах или же радость за прибавление в императорской семье?

В народе императрицу Нину Константиновну любили и называли Заступницей. Еще в юном возрасте она помогла раскрыть заговор ордена Тьмы и уничтожила тварь, веками питавшуюся людскими жизнями и страданиями. Нина Константиновна одна удержала щит и спасла столицу от разрушений. И это в шестнадцать лет! А перед этим сумела собрать остатки прежде уничтоженного рода и отомстила убийцам, виновным в смерти родителей. Для сотен будущих магов Ее величество стала примером для подражания и кумиром.

После пышной свадьбы и восхождения на престол императрица не спешила предаваться балам и развлечениям, как это свойственно девушкам благородного происхождения. Наоборот, Нина Константиновна направила все силы на улучшение жизни простого народа. Повсеместно строились больницы и школы, где беднякам оказывалась бесплатная помощь. У кого имелись деньги, те могли себе

позволить услуги целителя, а вот простолюдинам такая роскошь долгое время была недоступна.

Также императрица раз в неделю посещает городскую больницу, где бесплатно лечит и ставит на ноги тяжелобольных. Своим примером она побуждает других магов к милосердию и благотворительности. Одаренные аристократы раз в месяц безвозмездно наполняют магические накопителя и заряжают амулеты в ближайших общественных заведениях или занимаются обустройством дорог. Благодаря этому ночью в городах и поселениях улицы освещены магическими фонарями. В приютах, казенных школах и гимназиях сухо и тепло, а княжества, села и деревеньки соединяют ровные дороги. За состоянием трактов следит Дорожное министерство, которое чутко реагирует на жалобы и наказывает нерадивых хозяев, вовремя не воспользовавшихся услугами магов земли.

Правящий император ничуть не уступает супруге по силе воли, стойкости характера и полезным для страны нововведениям. Например, для магов неблагородного происхождения указом Его величества разрешено прохождение инициации в Егорьевском храме семи стихий, а для жителей северных областей – в Алапаевских источниках близ Левино – зимней резиденции императорской четы.

Не без участия Ее величества пересмотрели правила обучения и трудоустройства будущих видоков. Высокое жалованье, услуги магов разума, ежегодный отпуск, ранний выход на пенсию, льготы и бесплатное жилье – все это предоставлялось работникам благодаря Нине Константиновне. Немудрено, что подростки с пробудившимися способностями сами приходили к воротам гимназии в поисках лучшей доли. Прежде такие недомаги рано погибали или всю жизнь прозябали в нищете, отринутые обществом, изгой в собственной семье.

Новость, что занятия на сегодня отменяются, а гимназисты получают выходной и разрешение выйти в город, класс встретил громогласным «Ура!». Бланк разрешения надлежало получить у директора. Желаящие могли написать заявление в бухгалтерию на выдачу наличных средств, если таковые имелись.

Вручая пропуски, Савушкин напомнил о надлежащем поведении гимназиста в городе и необходимости вернуться к сроку. Выпускали нас под присмотром воспитателей, обязанных следить за учениками и

во внеурочное время. Но даже так, предвкушение праздника и веселья захватывало и поднимало настроение до небывалых высот.

Высыпав гурьбой на улицу, мы стайкой окружили Зою Матвеевну, определяясь, куда же пойти. Впрочем, решение назрело само собой – в центр! Тут и пешком недалеко, нам прогуляться только в радость, несмотря на первый снег, срывающийся то дождем, то ледяными крупинками. На площади перед зданием администрации рабочие только готовили сцену для артистов, сколачивали столы из досок и устанавливали лавки. Ушлые торговцы уже всю предлагали горячие пирожки и карамельные леденцы. Шумная толпа образовалась у выставленных градоначальником бочек с хмелем. Но нам туда точно не надо! И не потому, что за нами присматривали и пресекали любые нарушения правил. Просто каждый гимназист осознавал, что даже один глоточек станет шагом в пропасть, из которой уже не выбраться. Лучше угоститься горячим чаем или взваром, которые щедро разливали в ближайшей таверне.

– Идемте до галантерейных рядов прогуляемся! – предложила Полина. – Все равно тут еще пару часов ничего интересного не случится.

Как же она ошибалась! Мы едва успели поглазеть на красивые ткани и прикупить себе ниток и атласных лент, как на улице раздался чей-то истошный крик.

– Уби-или! Ироды проклятые! Как есть, убили!

Праздничная толпа раскололась на две части. Одни поспешили убраться подальше, чтобы не столкнуться с чужой бедой, а другие хлынули поглазеть, кого там убили и что произошло. Мы относились к последним, тем более, что несчастье случилось в соседней лавке. Кто-то разможил голову торговцу, забрал кассу и скрылся в толчее. Возможно, что преступник недалеко убежал, так как улицы усиленно патрулировались жандармским корпусом, приданным в помощь городовым и околоточным.

Полиции удалось оттеснить толпу, но часть следов уже безнадежно затоптали. Мы с девчонками прилипли к стеклянной витрине, глаза на распростертое на полу грузное тело и расплывающуюся красную лужу под ним. Тут же, в крови, валялась гипсовая статуэтка, которой бедолаге проломил голову.

Новости разнеслись по площади мгновенно, и уже обросли невероятными подробностями. О происшествии добрые люди уже сообщили родственникам. Пробиваясь через толпу, бегом прибежали жена и дочь убитого. Увидев отца семейства, супруга завывала, запричитала, бросилась к мужу, да только ее не пустили. А девчонка лет тринадцати стояла и смотрела широко распахнутыми глазами, в которых застыли слезы.

– Эх, видока бы сейчас сюда! – бросил в сердцах городской, который ничего не добился у помощницы лавочника, в момент убийства отлучившейся в дальнюю комнату за товаром.

– Так, ведь вызвали! Едет! – отозвался жандарм в казацкой папахе, с обвислыми усами и шрамом на щеке.

– Когда-то он придет теперь! Тут бы поймать стервеца, пока далеко не ушел.

– А-а-а! – заголосила вдова, завидев развороченную кассу. – Кормильца убили! Деньги украли и последних средств к существованию лишили!

– Ваше благородие! – я ринулась ко входу, огибая двух любопытствующих кумушек. – Разрешите обратиться?

– Молчанова, куда? – возмутилась позади воспитательница. – Не положено!

– Позвольте мне помочь найти убийцу! – Я сделал вид, что не расслышала Панфилову, и вытянула вперед руку, демонстрируя перчатку.

– Барышня? – Казачок прошелся по мне изучающим взглядом. – Седьмая специализированная гимназия, третий курс. Хм. А вы уверены? Прежде сталкивались с таким?

– Уверена! Я справлюсь!

– О, так это же Анастасия Трофимовна! – узнал меня городской и многозначительно подмигнул жандарму. – Та самая.

– Хм, по свежему следу быстрее душегуба отыщем. Вы уж не подведите. – Мужчина кивнул жандармам, перекрывшим путь, чтобы меня пропустили. – Идите. А с начальством вашим я договорюсь. – Прикрыл меня грудью от пышущей гневом Зои Матвеевны. Выговор воспитательницы я как-нибудь переживу, а преступника по горячим следам искать нужно.

– Благодарю за доверие! Я не подведу! – С волнением я протиснулась вперед и зашла в лавку.

Прежде чем приступить к делу, сняла верхнюю одежду, осторожно стянула перчатки и огляделась, где лучше встать, чтобы не упустить ни одной детали преступления. Выбрав дальний угол, которого достигла струйка крови, я присела на корточки, глубоко вздохнула и коснулась алой субстанции.

Тотчас обстановка вокруг изменилась. Хозяин, живой и здоровый, хлопотал у прилавка, предвкушая будущую прибыль. Помощница спешно раскладывала товар по полкам, перебирала платки и шали, выдвигая наперед модные расцветки. Скоро народ наугощается и пойдет гулять. Дорогие шляпки, котелки или цилиндры вряд ли купят, а вот подешевле гостинец – гребешок ли, платочек – как раз подойдет, чтобы зазнобу порадовать. Поэтому спешил Авдей Васильевич и Груньку – помощницу поторапливал, а то больно медленно шевелилась. Торговец как раз усладил женщину в дальнюю комнату за посадскими шаями, когда на входной двери тренькнул колокольчик и ввалилась толпа посетителей. Разгоряченные, шумные, они бестолково топтались у прилавка, поэтому торговец цепко следил, чтобы не утащили чего в суете. Может, и нет среди них ворья, однако же, когда соблазн появляется, то редкий человек устоит. Вот от этих соблазнов и ограждал зоркий хозяйский присмотр. Уж лучше бы что-то из товаров уперли, потому как среди праздных чужаков вдруг промелькнуло знакомое лицо. Я поняла это, заметив, как изумленно взметнулись брови господина Поликарпова. И не только я, гость тоже сообразил, что его узнали. Видно, этим фактом несчастный торговец подписал себе приговор.

Незнакомец носил приметную длиннополую шляпу и держался в тени, прятался за приподнятым воротником пальто. Однако же, когда гость, высказав просьбу, получил отказ и взбесился, то раскрыл мне себя. Пока он, схватив с полки злополучную статуэтку, четыре раза ударил Поликарпова по голове, я подробно рассмотрела внешность и запомнила приметы преступника. Удивительно, что дело происходило белым днем, а с улицы никто и ничего не заметил! Волна посетителей как раз схлынула, привлеченная шумом снаружи.

Наверное, там произошло что-то, приковавшее внимание, и этим сыграло убийце на руку. Бил он хладнокровно, со знанием дела, просто

потому, что Поликарпов его узнал. Убедившись, что жертва не дышит, преступник спешно обчистил карманы торговца и выгреб наличность из кассы. На пути к выходу замешкался у прилавка с головными уборами, схватил с полки кепи с длинным козырьком и примерил, надвигая на лоб поглубже. Затем спокойно вышел и растворился в толпе.

– Ну что? – К тому моменту, как видение развеялось, прибыл следователь Запрудов Николай Васильевич и жаждал получить подробности.

– Я видела его и смогу описать, – ответила, поднимаясь с колен. – Где тут можно руки сполоснуть?

– Позже! Ну, не томите! – взорвался в нетерпении старый знакомый, с которым впервые повстречалась в больнице.

– Мужчина простого сословия, возраст тридцать пять – сорок лет, жилистый, любитель выпить, о чем свидетельствует синюшный цвет кожи и мешки под глазами. Нос картошкой, был не раз сломан, отчего кажется, что он приплюснут и немного свернут набок. Одет в темно-серое пальто солдатского кроя, кепи, клетчатый шарф. Постойте! – оторопело вытаращилась на мужчину, спешно записывающего мои показания. – Я уже читала схожее описание. Это он! Точно! Все сходится. Я знаю, кто убил господина Поликарпова.

– Кто же? – Оторвавшись от письма, мужчина замер, и остальные жандармы притихли, ожидая ответа.

– Это Фрол Кузьмичев, разыскиваемый за убийство купца Холзмана! Он напал на торговца, когда понял, что тот его узнал. Выходит, он был знаком с жертвой?

– Уверены? – уточнил Запрудов.

– Описание сходится! Если поднимите дело, то...

– Достаточно! – Остановил меня жестом. – Приметы Кузьмичева я наизусть выучил. Вы правы, они совпадают. Богучарцев! – окликнул того самого казака, что допустил меня к расследованию. – Поднимай ребят! Оцепляйте центральные кварталы и хватайте каждого, кто подходит под описание. После разберемся и невиновных отпустим. Главное, поймайте душегуба!

– Постойте! Вот! – Ткнула пальцем в шляпу. – Это принадлежало убийце. Возможно, поисковые собаки возьмут след?

Следователь кивнул и молча окинул взглядом толпу, собравшуюся у входа в лавку. Ясно, что в такой мешанине запахов след давно потерялся.

– Есть кое-кто получше поисковых собак. Соловьев! – позвал молодого паренька в черной униформе Следственного комитета. – Вызови сюда Выдрова. За Германом Петровичем машину выслали?

– Так, сразу сообщили. Ему и Зорину магические вестники направили. Может, Акима Фатеевича к делу привлечь? Гортань вроде не повреждена и покойничек свежий. Сам и доложит, за что его порешили. Заодно семье подскажет, где кубышку припрятал.

– То же дело. Вызывай! – распорядившись, Запрудов развернулся ко мне. – Анастасия Трофимовна, прошу задержаться и составить отчет.

– Сейчас найду, где руки помыть, и сразу приступлю.

Я заглянула в подсобку, откуда имелся выход на кухню, и заметила в углу рукомойник. Тщательно отскоблила пальцы от подсохшей крови, промокнула влагу полотенцем, после чего вернулась в лавку. Теперь уже сюда набилась куча полицейских, которые что-то замеряли, делали магоснимки, копались в бумагах убитого, снимали отпечатки. Я нашла свободное местечко за прилавком, позаимствовала у хозяина пару чистых листов бумаги, самописку и села за составление отчета.

– Какая встреча! – Свет магического светильника неожиданно загородила тень. – А я гадал, кого из коллег вызовут на подмогу. Спешил из последних сил, летел, и все равно опоздал. Рад, что из всех видоков нашего города выбор пал на тебя.

– Доброго дня, Ваше благородие! – Я отложила самописку и мило улыбнулась молодому человеку.

– Ну, какое благородие? Мы же давно на «ты», Настенька?

– Константин Алексеевич, на службе – не положено, – мягко поправила я и покачала указательным пальцем.

– А мы никому не скажем? – Зорин заговорщически подмигнул.

– Простите, нужно закончить отчет. – Я тяжело вздохнула, наигранно закатила глаза кверху и вздрогнула.

На миг привиделось, что над парнем нависла черная дымка. Но нет, всего лишь причудливая игра света и тени. Стоило посмотреть под

другим углом, и странности исчезли. Незаметно перевела дух. Издержки профессии, наверное. Мерещится всякое.

– Так, давай, помогу! Что тут у тебя? – Ловко выхватив исписанный лист, Зорин вчитался в содержимое. Позаимствовав самописку, бегло прошелся по тексту и сделал несколько пометок. – Ты не можешь утверждать, что это был Фрол Кузьмичев. Только, если имела с ним личное знакомство. В отчете укажи, что приметы совпадают с подозреваемым, а выводы пусть делает следователь. Добавь детали при описании самого преступления: как убийца наносил удары, с какой силой, куда попали брызги крови. Преступник бил с близкого расстояния, значит, на одежде остались следы.

– Спасибо! – Я ничуть не обиделась замечаниям. Все равно сделала пару помарок и подумывала, чтобы переписать набело. А тут такие ценные дополнения. – Вот, что значит, опытный видок.

– Ничего! И ты научишься со временем, – приободрил Константин. – Настенька, ты до которого часа тут пробудешь?

– А что?

– Раз уж меня вернули с пол дороги, а в империи объявили праздничные дни... – Зорин развел руками, а после элегантно жестом потянулся, чтобы заправить мне за ухо выбившуюся прядку волос. – Настенька, а пойдете в театр? Я приглашаю! Сегодня вечером!

– О! Но это... – Я зарделась, польщенная предложением. – Боюсь, меня не отпустят. Зоя Матвеевна будет недовольна тем, что я самовольно вызвалась помочь тут. Да и с девочками договорились вместе погулять.

– Обещаю уладить этот вопрос. – Хитро подмигнул. – Так, я заеду в семь?

– Э... да. – Зорин так быстро ввернул предложение с театром, что сразу не нашлось аргументов для отказа. А после в мысли закралось искушающее, а зачем? Ведь это же не свидание! – А как же мои девчонки?

– Гм, думаю, они не откажутся составить компанию?

– Вы, что же, всех пригласите?

– Почему бы и нет? Праздник же! – Улыбнулся заразительной улыбкой, от которой стало теплее. – Отлучусь ненадолго, у меня еще

есть дела. – Костя достал из кармана брюк часы на цепочке и посмотрел время. – До скорой встречи, Настенька.

После ухода Зорина дело с отчетом пошло быстрее. Я учла замечания, переписала текст без помарок и передала бумаги Запрудову. Следователь приложил показания к делу и сухо поблагодарил за помощь.

– Вы можете быть свободны. Если понадобится, за вами пришлют.

– Служу империи! Ваше высокоблагородие, позвольте обратиться?

– Что? – Устало посмотрел водянисто-серыми глазами.

– Скажите, пожалуйста, душегуба поймали?

– Нет. – Мотнул головой. – Как в воду канул. Видно лежка у него неподалеку. Но ничего, мы тут каждый уголок обыщем и найдем эту сво... хм, простите. Пока проверяем связи Поликарпова. Вдруг выйдем на след? Благодарю за службу.

Попрощавшись со следователем и остальными, я вдруг вспомнила о просьбе канцлера приглядываться к обуви сотрудников. Алим Осипович оказался прав, что меня знают служащие Управы, с которыми я даже не знакома. С облегчением перевела дух, что среди присутствующих полицейских и жандармов нет никого похожего на того типа из видения.

На выходе встретила со своими девчонками, присматривал за которыми Тарас Григорьевич Нахлебов. Остальные под надзором Панфиловой отправились на представление артистов.

– Аська, ну ты даешь! – Первой подбежала Мила, хватая за руки. – Какая ты смелая! Видела, как убийство произошло? Вот, прямо так, как на занятиях рассказывают?

– Между прочим, мы из-за тебя представление пропустили. Со столов угощение в миг размели, нам ничего не досталось, – насупилась Дашка. – И замерзли, к тому же!

– Ага! – поддакнула Марфа.

– Так, идемте греться! Тарас Григорьевич, где тут можно чаю горячего попить? С баранками?

– Вам бы, барышни, чего посушественней, а не то заболете, – хмыкнул городской. – Знаю тут одно место, где отличный взвар подают. И перекусить можно недорого.

– Ведите же скорей! – простучала зубами Григорьева.

Нахлебов привел нас в трактир на соседней улице, располагающийся в полуподвальном помещении жилого дома. Мы слегка оробели, прежде никогда не бывавшие в подобных заведениях. Уместно ли молодым барышням посещать зланные места?

– Вы не переживайте! – предупредил мужчина. – Это приличный трактир. Здесь все наши столуются, до Управы дворами идти недалеко. Хозяин из отставников, цены не завышает, внутри чисто и опрятно. И посетители такие, что в обиду никому не дадут.

Народу в этот час в зале оказалось немного и, как предупреждал Нахлебов, все из полицейской Управы, среди которых парочка гражданских затесалась. Вопреки опасениям, никто осуждающе не пялился и пальцем не показывал.

– Эк, Тарас Григорьевич, с каким цветником ты нынче пожаловал! – позавидовал хозяин – подтянутый мужчина в белом фартуке, повязанном поверх старой солдатской формы без знаков отличий. Заметив у нас перчатки с опознавательными рунами, мужчина с пониманием кивнул. – С порядками новые кадры знакомишь? Вижу, в будущем барышни пополнят состав нашего Управления?

– Все-то ты замечаешь, Василь Егорович, – хмыкнул наш сопровождающий. – Будь добр, организуй стол и накорми девиц, а то проголодались на свежем воздухе. И взвару подай, чтоб согреться.

Нам указали на дальний столик и, пока мы раздевались и рассаживались, расторопный мальчишка приволок чайник, из носика которого поднимался парок. Подавальщик ловко разлил по чашкам дымящийся напиток, источающий приятный аромат. Пить невозможно, так обжигает, но погреть замерзшие руки об чашку – блаженство. На пару минут мы синхронно зависли в медитативной позе с одинаковыми восторженными лицами. А с первым же глотком по телу разлилось приятное тепло, оставляя во рту приятное медово-травяное послевкусие.

– Ммм, божественный напиток! – оценила Дарья, поглядывая по сторонам слегка осоловелым взглядом.

– Поддерживаю, – промурчала Милка сонным голоском.

После стылой улицы нас разморило в тепле, а когда еще и накормили до отвала, захотелось прикорнуть на лавочке и поспать

часок другой. Но неприлично же. Вот и сидели за столом, клевали носом. Однако стоило вспомнить, что на вечер мы приглашены в театр, как сон моментально слетел. Девчонки оживились, засобирались, принялись обсуждать афишу, которую видели по дороге.

Вернувшись на площадь, где празднование только набирало обороты, присоединились к основному составу группы. Пока подружки делились впечатлениями, Зоя Матвеевна отозвала меня в сторонку и отчитала за своеволие.

– Но я ведь помогла и ничего дурного не сделала! Признаю, что неправильно поступила, не спросив разрешения. Так, я же хотела, как лучше!

– Настя, твое рвение понятно, однако нельзя бездумно бросаться в омут с головой. У тебя мало опыта, чтобы объективно оценить риски. С некоторыми преступлениями даже опытные видоки не связываются. И не из брезгливости или нежелания помочь, а из чувства самосохранения. Убийство в доме Холзмана поначалу тоже казалось простым, а в итоге мы потеряли двух учеников. Я уж не говорю, что головой отвечаю за каждую из вас.

– Простите, пожалуйста! – Смущенно потупилась. – Поверьте, я только хотела помочь и не подумала о последствиях.

– Знаю. – Воспитательница вздохнула. – Молодости свойственно ошибаться и совершать неразумные поступки. Тебе повезло, что обошлось без происшествий. Впредь постарайся трезво оценивать собственные силы и не забывай о людях, которые от тебя зависят.

– Вы доложите Демиду Ивановичу? Меня накажут? – За проявленным пониманием проскальзывала мысль о неотвратимости наказания.

– Доложить придется, ведь ты участвовала в расследовании. Каждый такой случай фиксируется и заносится в личное дело. Однако в отчете будет указано, что ты приступила к работе, согласовав участие со мной.

– Правда? – Я вспыхнула радостью и в порыве чувств схватила женщину за руки. – Спасибо вам огромное!

– Это не мне, а кавалеру своему спасибо скажи. – Зоя Матвеевна улыбнулась кончиками губ. – Я люблю театр. Мечтала посмотреть спектакль из ложи, а не из партера. И девочки тоже будут рады, они заслужили развлечение.

– О! – Глаза сами собой округлились. – Но Костя не мой кавалер.

– Костя? – Женщина скопировала интонацию. – Конечно!

– Константин Алексеевич, – исправилась я, чувствуя, как заалели уши. – Это проявление дружбы, не более. К тому же, он ведь всех пригласил.

– Да, но пригласил из-за тебя, – с легкостью отмела аргументы Панфилова. – Перспективный молодой человек. Может, обратишь на него внимание?

– Я как-то не задумывалась над этим. – К алеющим ушам прибавились пунцовые щеки. – Рано, да и, вообще...

– Ничуть не рано. Тебе скоро восемнадцать, а этот тот возраст, когда маги вступают в браки, а неодаренные уже с детишками нянчатся. При твоей профессии сложно будет найти пару. Большая удача встретить человека понимающего, разделяющего взгляды. А у видоков с этим проблема, поэтому я буду рада, если у вас сложится, и ты обрешь счастье. Обычно оно слишком короткое и мимолетное, чтобы успеть им насладиться, но это будет тот крепкий якорь, что спасет тебя однажды.

Глава 7

Слова Панфиловой заставили задуматься и присмотреться к Зорину внимательнее. Приятный молодой человек, обеспеченный, жизнерадостный, что среди видоков редкость. Из моих подруг только у Милки сохранилась привычка просыпаться с улыбкой на лице. Дашка поспать подольше любит, и для нее ранний подъем – ежедневная борьба с собой и сном. Марфа в любое время суток мало улыбается, не ожидая от жизни ничего хорошего.

Мда, из нас готовят видоков. Ежедневно рассказывают о преступлениях, учат психологии, основам криминалистики, математике и истории. Крестьянские дети быстрее взрослеют – это факт, но недомаги чаще других сталкиваются с жестокостью и несправедливостью, поэтому рано теряют веру в людей и превращаются в прожженных циников.

Однако это не повод бросаться в объятия первого, кто обратил на меня внимание. Костя – замечательный друг, отзывчивый товарищ, душа компании. С ним легко и интересно, но этого недостаточно, чтобы вспыхнули чувства. Возможно, если мы узнаем друг друга лучше, что-то и получится, а пока рано об этом даже думать.

Вечер ожидаемо пролетел на одном дыхании. Большой театр встретил сияющий огнями и блеском дворцового интерьера. Нарядные дамы с кавалерами, восторженные глаза девчонок, рассматривающих окружающее великолепие с открытыми ртами – все это слилось в калейдоскоп счастливых впечатлений, подаренных господином Зориным. Уже за одно это я была благодарна и поэтому не отдернула руку, когда парень накрыл ее ладонью во время представления.

После спектакля, когда Костя доставил нас в гимназию, Зоя Матвеевна любезно дала минутку попрощаться. Молодой человек вновь завладел моей ладошкой, на этот раз приложившись к ней поцелуем. Даже сквозь плотную ткань перчаток я ощутила жар его губ.

– Настенька, мы увидимся завтра?

– Константин Алексеевич, я...

– Настя, мы же договорились! – перебил возмущенно. – Называй по имени, пожалуйста. Мне так нравится, как ты его произносишь.

– Костя... – Смутил, зараза, лукавым взглядом и милой улыбкой. Но до чего же приятно, когда он так смотрит! – Кхм! – одернула себя, что не стоит поддаваться на лесть и комплименты, если за ними нет серьезных намерений. – К сожалению, ничего не получится. Раз уж выдались незапланированные каникулы, я бы хотела съездить домой. Возможно, родные места помогут вспомнить прошлое.

– Понимаю. – Парень горько вздохнул и сделался серьезным. – Не представляю даже, каково это, ничего о себе не зная. Но сейчас ведь не лучшее время для поездок. Проселочные дороги развезло после дождей. Стоит только свернуть с тракта и можно надолго увязнуть в грязи. Как далеко находятся ваши родные места?

– Демьяново не так уж и далеко. – Я пожала плечами, осторожно выдерживая ладошку из рук Зорина. На улице девчонки уже приплясывали от холода, следовало поторапливаться. – Всего семьдесят верст. Найму экипаж и доберусь.

– Никаких экипажей! – пресек мои намерения Костя. – Я сам отвезу тебя и присмотрю заодно, чтобы никто не обидел.

– А кто обидит? Я ведь домой еду? – Опешила. – И, между прочим, неприлично, если в поездку отправлюсь в компании молодого человека.

– Почему одна? Тарас Григорьевич поедет, у него приказ за тобой присматривать. И подруг в гости позови! Места в паромобиле хватит. Им приятное развлечение будет, ведь без тебя они, скорее всего, проведут каникулы в стенах гимназии, а вместе все веселей.

– Эмм, не знаю даже. – Предложение Зорина звучало так заманчиво, что я растерялась.

Вновь посмотрела на девочек, которые уже замерзли. К ночи похолодало и ветер усилился. Зоя Матвеевна стояла чуть в сторонке, куталась в меховой полушубок и мечтательно улыбалась, сжимая в руках театральную программку. Сейчас она ничем от нас не отличалась, а завтра снова наденет форменное платье вместе со строгим образом суровой воспитательницы.

– Может, они не согласятся?

– Не согласятся? – молодой человек подался вперед, неожиданно оказавшись так близко, что я ощутила ветерок дыхания на щеке. – Они

пойдут за тобой куда угодно, разве ты этого еще не поняла?

– Вот как? Но почему? Я ведь ничего такого не сделала! – прошептала внезапно севшим голосом и посмотрела в серо-зеленые глаза, сияющие завораживающим блеском.

– Не принижай собственных заслуг, – так же шепотом ответил Костя. – Ты сумела сплотить их вокруг себя, нашла подход и помогла раскрыться талантам. Если ты исчезнешь из их жизни, они вернуться к прежнему существованию.

– Но откуда вам это известно?

– Потому что меня интересует все, что касается тебя. Ты мне нравишься, Настенька... – Костя потянулся, чтобы меня поцеловать, но я увернулась, губы мазнули по щеке.

– Простите, мне пора идти! – Резким движением, я распахнула дверцу паромобиля и выскочила на улицу.

Ветер бросил в лицо горсть колких дождинок, и этим погасил пожар пылающих щек. Кожа особенно горела в месте, которого коснулись губы Константина.

– Настя, подожди! – Зорин выскочил из машины и бегом оббежал вокруг, чтобы замереть передо мной в нерешительности. – Прости, если я поспешил. Ни в коем случае, не желал обидеть. Хочешь на колени встану, вымаливая прощение? – сказав это, парень взаправду припал на одно колено и смиренно склонил голову, после чего посмотрел исподлобья хитрым взглядом. – Не отказывайся от моего предложения, пожалуйста. Обещаю вести себя примерно и исполнять любые желания.

– Встаньте немедленно! – Я ошарашенно огляделась по сторонам, подмечая изумленные взгляды подруг и понимающую улыбку воспитательницы. – Не устраивайте представления! Мне не за что обижаться, а над предложением обещаю подумать.

– Клянусь, ты не пожалеешь! – Парень тут же поднялся и, не обращая внимания на испачканные брюки, галантно поклонился. – Тогда, до завтра, Настенька! Дамы! – отвесил поклон остальным девушкам. – Было приятно провести с вами этот незабываемый вечер.

Попрощавшись, Костя сел в машину и, заложив крутой вираж, умчался прочь. А мне достались объяснения с подругами, которые сгорали от нетерпения и жажды подробностей.

– Настя, смотрю, вы последовали моему совету? – поинтересовалась Зоя Матвеевна. – Прошу только не забывать о приличиях и достойном поведении. А о каком предложении упомянул Константин Алексеевич?

Ага, воспитательнице тоже не чуждо любопытство!

– Он просил о встрече завтра, но я отказалась, потому что планировала съездить домой. С разрешения Демида Ивановича, разумеется. Костя предложил составить компанию и отвезти нас туда и обратно.

– Нас? – недоуменно сдвинув брови, уточнила женщина.

– Да, он посоветовал пригласить в поездку девчонок, чтобы соблюсти приличия и заодно, чтобы веселее было. Но я не знаю, как к этому отнесется директор. Подруг еще спросить надо, вдруг у них планы на эти каникулы, – бесхитростно выложила подробности.

– А чего это мы будем против? – изумилась Милка. – Я еду! Все равно тут нечего делать, скукота одна.

– Людмила! – Грозно зыркнула на девчонку Панфилова. – Следи за речью! Что это за «скукота»?

– Я тоже поеду! Не хочу в четырех стенах сидеть, – добавила Марфа.

– Ладно, и я с вами, – со вздохом согласилась Дашка. – Чего это я одна, что ли, тут останусь?

– Все ясно, – сделала выводы воспитательница. – Идемте уже в тепло, а то я до костей продрогла, и вы – тоже. Кажется, Демир Иванович еще не ложился, загляну к нему и передам ваши пожелания. Думаю, если вы будете под присмотром, то не откажет в просьбе.

– Спасибо! – Просияла от радости, испытывая невероятное облегчение, что вопрос скоро разрешится.

Мы поторопились зайти в фойе и под подозрительным взглядом дежурного стайкой спустились в гардеробную. Впечатлений этот день принес немало, было что обсудить, вот и щебетали подружки без умолку. Оставив верхнюю одежду внизу, поднялись на третий этаж и гурьбой ввалились в комнату. Здесь, без присмотра Зои Матвеевны, девчонки устроили допрос на тему личных отношений. Насчет Зорина мне скрывать нечего, так что поделилась сомнениями на его счет. Конечно же мне заявили, что я сглуплю, если упущу такую выгодную партию.

– Чем Константин не пара? – Дашка наигранно закатила глаза к потолку, а после принялась перечислять достоинства, загибая пальцы. – Молод и хорош собой! Из обеспеченной семьи. Видок, а это значит, как никто другой будет понимать и разделять твои взгляды. Да и, вообще! Когда ты этого не замечаешь, смотрит на тебя, как кот на сметану.

– Так и знала, что вы не спите! – В комнату без стука вошла воспитательница. – А ну, марш по кроватям! Завтра вставать рано, будете сонными тетерьями в паромобиле носом клевать.

– В паромобиле? – Первой сообразила Милка. – Получается, Демид Иванович разрешил поехать с Аськой на каникулы?

– Разрешил, – хмыкнула женщина, – под мою ответственность. Анастасия Трофимовна, у вас там место найдется, чтобы всех разместить?

– О! Думаю, что найдется, – предположила я, пожав плечами. – Зоя Матвеевна, а я ненароком не нарушила ваши планы на выходные?

– Молчанова, какие планы? Кота покормить и книгу на ночь почитать? За зверем хозяйка квартирная присмотрит, а почитать я и в дороге могу. Ложитесь спать! Завтра наговоритесь.

Панфилова погасила свет и притворила за собой дверь. Какое-то время девочки лежали молча, пока Милка не прошептала.

– Получается, у нашей Зои Матвеевны никого нет? Ни семьи, ни детей, ни личной жизни, только кот и книжки? Выходит, она уже старая дева?

– И ничего не старая! – пробурчала Марфа. – Что было сказано? Спи уже.

– Да какая у нее личная жизнь, если с утра до ночи с нами нянчится? – взорвалась возмущением Дашка. – Ни один мужик не потерпит, чтобы жена где-то пропадала.

– Девочки, давайте спать, правда, – пресекла я разговоры и, не выдержав, добавила в защиту Панфиловой. – И насчет семьи вы неправы. Она есть, и большая. Мы – ее семья. Спокойной ночи.

Утром, отчаянно зевающих и не выспавшихся, нас погнали на зарядку, а после умываться и завтракать. Затем меня вызвали к директору, где выдали предписание на выезд за город. Недовольный ранним подъемом секретарь вручил соответствующие бумаги на группу и после недолгих сборов мы высыпали на крыльцо, укрытое

снежным покрывалом. Ближе к утру ударил морозец, снег припрятал грязь и слякоть, радуя глаз белым великолепием.

У подъезда ожидал сверкающий хромированными деталями чистенький паромобиль. Зорин, утепившийся в драповое пальто с меховым воротником и зимнюю кепку с отворотами, стоял, прислонившись спиной к авто, и с улыбкой щурился на солнце. Чуть в сторонке топтался Нахлебов, одетый в овчинный тулуп, валенки и шапку-ушанку. Водитель оживился при нашем появлении и помахал рукой, приглашая садиться в машину. Пока Тарас Григорьевич помогал девчонкам грузить багаж, я передала Косте сопроводительные документы и поблагодарила за помощь.

– Настенька, я так рад, что эти выходные мы проведем вместе, – ответил Зорин, крепко сжимая в лапищах мою ладошку.

– Константин Алексеевич, вы обещали! – шикнула, напомнив парню о поведении. – На нас смотрят, не нужно давать повод для сплетен.

Бросив взгляд на здание гимназии, я заметила, как резко отпрянули те, кто наблюдал в окошко. Может, самих любопытствующих и не было видно, но на стекле остались подтаявшие следы, которые получают, если подышать на замерзшую поверхность.

Дорога пролетела в разговорах и обсуждении планов на свободные деньки. По воронежскому тракту до поворота на Демьяново долетели быстро, а дальше паромобиль медленно пополз по подмороженной колее, подпрыгивая на ухабах. Не знаю еще толком, какой доход приносят земли и что входит в наследство, помимо деревеньки в семь домов, но на мага земли потрачусь в первую очередь. Это не дело каждый раз преодолевать такие препятствия.

Наезженная колея петляла среди густого леса, позволяя вдоволь налюбоваться невероятной красотой вокруг. Разлапистые сосны с зелеными иголками, на которых лежал пушистый снежок, навевали ощущение скорого праздника. Укрытая белым покрывалом земля, кустарники причудливой формы походили на уснувших до весны чудовищ. Сквозь снег тут и там проглядывали красные ягодки, которых немедля хотелось попробовать. На затвердевшем насте оставили следы звери, что выслеживали добычу ночью. Но в целом,

лес уже погрузился в сон и навевал величественную безмятежность, покачивая темными ветвями среди слепящей пронзительной белизны.

– Красиво-то как! Девочки, посмотрите, – восхитилась Зоя Матвеевна. – И тихо, будто на сотни верст вокруг нет ни одной живой души.

Мда, меня тоже не оставляло чувство, что в этой глуши никто не живет.

Паромобиль негромко урчал двигателем и ехал, оставляя позади две широкие полосы. Костя не спешил и внимательно осматривался по сторонам, выбирая, куда направить машину. Здесь уже не дорога шла, а лишь угадывалось направление. Вот уж не думала, что в семидесяти верстах от города настолько дикие места.

Деревня появилась внезапно. Только что впереди виднелись стройные ряды сосен, как взгляду открылось поселение с домишками, из печных труб которых вился дымок. На взгорке возвышалась добротная барская усадьба с мансардой и красными резными наличниками на окнах. Чуть ниже расположились еще шесть изб, отгороженных приземистыми заборчиками. Сама территория деревни обозначалась двухметровым частоколом с крепкими воротами. Издали завидев чужаков, из домов высыпали люди. Мужики в зипунах и валенках, вооруженные бердышами, бабы с вилами.

Я гулко сглотнула, понимая, что мне предстоят переговоры. Но я по-прежнему ничего не помнила, а лица крестьян были незнакомы. Люди столпились с другой стороны ворот и чего-то напряженно ожидали. Наверное, старосту, который будет вести разговоры. Из дома на пригорке как раз вышел человек в длиннополом тулупе и неторопливо направился к нам. Я впиалась в незнакомца взглядом, гадая, чего от него ожидать. Костя предусмотрительно припарковал паромобиль на возвышенности, иначе за частоколом мы бы ничего не увидели.

Старшей в деревне оказалась крепкая женщина средних лет. Ее густые темные волосы были заплетены в косы и уложены улиткой на макушке. Лоб украшала красная лента, расшитая рунами, глаза подведены черным, губы притягивали внимание слишком ярким оттенком, который подчеркивали сережки на серебре с гладкими красными бусинами.

– Гостеприимно встречают, хозяйюшка! – хмыкнул Зорин и, сцепив руки в замок, хрустнул костяшками. – Идем, что ли, поздороваемся?

Признаться, я слегка оробела, ожидая... не знаю даже, чего ожидала при встрече. Но делать нечего, в салоне притихшими мышками сидели девчонки, воспитательница встревожилась. Еще немного, и прикажет обратно ехать. И поедем, ведь она обладала всеми полномочиями и отвечала за нашу безопасность.

– Да, идем! – Собравшись с духом, кивнула Косте.

Он спешно вышел из машины, обошел ее, открыл дверцу и подал мне руку, помогая выбраться. Я вышла, нервным движением отряхнула невидимые пылинки с пальто и поправила шляпку. Выбора нет, и нельзя переложить ответственность на другого, так что я глубоко вздохнула, расправила плечи и смело посмотрела на частокол и запертые ворота. Зорин подставил локоть, чтобы поддержать, но я оттринула помощь. Ни к чему прятаться за мужскую спину раньше времени. Тарас Григорьевич молча пристроился позади нас.

Я медленно выдвинулась вперед и направилась к воротам, за которыми вдруг возникла нездоровая суета. На миг показалось, что крестьяне пальнут для острастки. Но нет, послышался скрип засова, после чего тяжелые створки распахнулись и навстречу вышла та самая женщина.

– Добро пожаловать домой, Настасья Трофимовна! – произнесла низким грудным голосом, от которого мурашки побежали по коже.

Вот, и что тут говорить? Я не знаю даже, как ее зовут. Хотя, лицо будто бы знакомо. И голос... будоражил внутри что-то непонятное.

– Здравствуйте! – Нашла в себе силы улыбнуться. – В гимназии каникулы объявили по случаю прибавления в императорской семье. Вот я и приехала отдохнуть от городской суеты, родные места проведать. Со мной подруги и сопровождающие. Знакомьтесь, господин Зорин Константин Алексеевич, наш водитель. А это Нахлебов Тарас Григорьевич, он...

– Рад знакомству, Акулина Степановна, – неожиданно вмешался Костя и выступил вперед. – Настенька много о вас рассказывала и обещала гостеприимную встречу.

Обычно добродушный и галантный, парень смотрел на женщину волком, улыбаясь лишь кончиками губ. Взгляд при этом был жесткий, какого я прежде ни разу не замечала.

– Лес вокруг, чужаки здесь не ходят, а о вашем приезде нас не предупредили, – смерив Зорина оценивающим взглядом, ответила Акулина, чуть склонив голову. – Поэтому нижайше прошу простить за суровый прием. Мы рады гостям коль они с добром прибыли.

Как по волшебству, у крестьян исчезли бердыши и вилы. Мужики задвинули их за спины, лица сразу виноватые сделались. Но без лишней искренности, а так, чтобы «барыню» не злить. Зато в поясном поклоне, как один, согнулись, что меня слегка покорило. Акулина даже бровью не повела и держалась так, словно она тут хозяйка.

– Идемте в дом, Настасья Трофимовна! – Пригласила великодушным жестом. – Праздник у нас, слышали? Живо на стол соберите, да комнаты для дорогих гостей подготовьте! – повысив голос, прикрикнула на крестьянок.

Женщины попятились, отошли шагов на десять, а после бегом припустили по домам. Мужики оружие в сторонку отставили и занялись воротами, распахивая их настежь, чтобы паромобиль проехал.

– Зверя своего механического у ворот оставьте, – сквозь зубы бросила Косте и тут же с вежливой улыбкой, но без подобострастия, обратилась ко мне. – Вещи Нестор с Тимошкой в дом перенесут. Мы с дороги вам чай организуем, а там и застолье соберем. А что же, гости из машины не выходят? Боятся, чего?

– Нет! Растерялись просто. Сейчас позову.

Я никак не могла избавиться от непонятной неловкости. Это же мои земли и люди! Так, почему я чувствую себя не в своей тарелке? Еще и Костя себя странно ведет. Откуда он узнал имя Акулины?

– Зоя Матвеевна, выходите! – Помахала рукой воспитательнице, призывая присоединиться к нам.

Девчонки высыпали на улицу, притаптывая снег и заодно разминаясь после поездки. Тарас Григорьевич вместе с мужиками, которых Акулина приставила в помощь, занялся багажом.

– Настенька, я отлучусь на минутку. – Костя коснулся моего плеча, чтобы я на него посмотрела, и взглядом дал понять, что не оставит одну. – Паромобиль только загоню внутрь, и сразу присоединюсь к вам.

– Аська – помещица! – хихикнула Милка, подобравшись со спины и приобнимая меня за талию. – А я до последнего не верила. Ты ведь

никогда о доме не рассказывала. Значит, тут ты и выросла?

– Дома на совесть поставлены, – пробасила Марфа, успевшая уже осмотреться. – Видна крепкая хозяйская рука.

– Ага, и крестьяне вроде от голода не пухнут. Только не больно-то обрадовались нашему приезду, – пробурчала Дашка.

– Так, не появлялась я тут два года, вот и не узнали.

Мда, оправдания прозвучали жалко, но ничего, я еще разберусь. За объяснениями обратилась к старшей.

– Акулина Степановна, расскажите, как вы тут справлялись? Что нового?

– А разве не заметно? Тут же все на виду. – Женщина хитро прищурилась.

– Может, и вижу! – Внутри разрасталось раздражение, что надо мной попросту насмеяются. – Но я бы хотела услышать об этом от вас и получить отчет о состоянии дел в деревне. – Я прибавила резкости голосу и гордо задрала голову, бросая вызов.

– Как прикажете, Настасья Трофимовна, – сдержанно ответила Акулина. – Только, что же вы о делах сразу? Отдохните с дороги, откушайте, чем бог послал, в баньке попарьтесь, а завтра и о делах поговорить можно.

Надеюсь, это не Костя так повлиял? Он как раз поставил паромобиль на стоянку и неслышно подошел сзади. Заметила его появление боковым зрением.

– Прошу, гости дорогие, следуйте за мной! – Не оставляя времени на ответ, Акулина развернулась и направилась к дому на пригорке.

Скрипнув зубами, я сделала вид, что все нормально. Девчонки оживились, услышав об угощениях, да и попариться были не прочь. Деревенские к бане с детства приучены.

Перед хозяйским домом раскинулось большое подворье. Приземистый забор, ворота, закрепленные на двух столбах, соединенных между собой деревянной аркой. Столбы непростые – взгляд сразу выхватил резные фигуры и нарисованные оранжевой охрой обереги. От входа и до крыльца уложен настил из досок. Снег с него тщательно выметен, а промерзшее дерево присыпано песочком.

Ступив за порог, испытала пробирающее до мурашек чувство дежавю. Я была здесь прежде! И я точно знаю, что вон под той кучей снега притаилась цветочная горка. А там, где белое полотно лежит

нетронутым и будто бы делится на ровные прямоугольники, летом разбиты грядки, на которых растут травы. Их уже собрали, просушили и обработали. Кстати, сарай по левую сторону как раз предназначен для просушки трав. А вон тот деревянный сруб, чья покатая крыша виднеется из-за угла – баня, там и колодец рядом, и бочка с дождевой водой.

Все-таки, не зря приехала! – Я с облегчением выдохнула и улыбнулась. – Теперь я верю, что это родной дом, ведь мне знакома здесь каждая мелочь.

Глава 8

На порог встречать нас выскочила чернявая девчонка лет десяти. Тесьма на лбу, голубого цвета сарафан в пол, белая рубашечка с вышивкой по воротнику, на шее нитка красных бус. Чтобы не замерзнуть, на плечи она накинула пуховую шаль, а из-под длинного подола выглядывали округлые носы детских валенок. На вытянутых руках малявка держала вышитый рушник, на котором лежал каравай и стояла глиняная солонка.

– Отведайте хлеб да соль, гости дорогие! – Девочка с поклоном подошла ко мне.

Отказываться нельзя, поэтому я отщипнула кусочек хлеба, макнула в соль и отправила в рот. Акулина встала рядом с ребенком, взяла из рук служанки чарку с горячим напитком.

– Выпей сбитня, на меду и травах настоянного! Сама травы собирала, и сама варила. Не побрезгуй, Настасья Трофимовна, угощением!

– Благодарю! – Обжигаясь, выпила пряный напиток до дна, ощущая, как мурашками по телу разлилось приятное тепло.

Следом преломили хлеб остальные попутчики, а я прошла в сени, где крепкая девица помогла снять верхнюю одежду и подала вместо сапожек домашние тапки, сшитые из кусочков шкур. На первом этаже располагалась просторная горница, совмещенная с кухней, где хлопотали над праздничным обедом помощницы. По дому уже плыл чарующий аромат свежей сдобы и томящегося мяса в печи. Она сразу привлекала внимание массивной конструкцией и цветастым узором изразцов.

На середину комнаты к нашему приходу выдвинули деревянный стол, где барином возвышался самовар, сверкая начищенными до блеска боками. Вокруг него в рядок выстроились расписные глиняные кружки, пузатый заварник и креманки с вареньем. Вдоль стен стояли крепкие широкие лавки. В кухонном закутке, отгороженном занавеской, разглядела только рукомойник и край шкафа с полками,

заставленными посудой. Занавески на окнах, скатерть, салфетки – все украшено ручной вышивкой. На полу расстелены домотканые дорожки.

Мне, как хозяйке, отвели место во главе стола. Акулина устроилась напротив. Моих подруг и Зою Матвеевну усадили по левую сторону, мужчин – по правую. Девчонку за стол не позвали. Она мышкой юркнула на печку, и оттуда наблюдала за нами любопытными глазенками. Потревоженный малявкой черный кот ластился к ребенку, выискивая место, чтобы устроиться рядом.

Немного странно я чувствовала себя на почетном месте. От меня будто ждали чего-то. Может, торжественной речи или приветственных слов? Но Акулина недолго наблюдала за моей растерянностью, и легко взяла управление в свои руки.

– Угощайтесь, гости дорогие! Отведайте чаю на травах. Варенье пробуйте, не стесняйтесь. Свежего урожая. Малиновое, земляничное, крыжовенное, яблочное, вишневое – на любой вкус. Мед гречишный. Сметанка домашняя. Или, может, сбитня кому подать? Взвара? Пироги скоро поспеют, в печи доходят. А пока кушайте ватрушки с творогом, блины, расстегаи с зайчатиной.

У девчонок глаза разбежались от изобилия выпечки. В гимназии сытно кормили, но не так, чтобы вволю тех же ватрушек наесться. А если еще их с вареньем попробовать? Ммм, вкуснотища!

– Я бы чарку сбитня выпил, – не отказался от предложения Тарас Григорьевич.

Разговоры сами собой завязались, начиная с причины незапланированных каникул и до описания гуляний, устроенных императорской четой в честь рождения дочери. Девчонкам только дай волю. Если бы не Зоя Матвеевна, периодически осаживающая болтушек, так бы и разболтали тайны, что к учебному процессу относятся. Ни к чему обывателям знать, каким образом видоки работу выстраивают. Все равно не поймут, а то, что поймут, по-своему переинчат. Костя постепенно подобрел, выпив кружку душистого чая вприкуску с расстегаем, и рассказал парочку историй, которыми веселил меня недавно.

Чаепитие плавно переросло в застолье, когда помощницы Акулины выставили разносолов, копченостей, натушили картошки с

грибами, наготовили мясных блюд. В итоге из-за стола я еле выползла, наевшись так, что думала – лопну.

После обильного обеда мы отправились отдохнуть в комнатах, что уже подготовили для нас. На втором этаже находилась хозяйская спальня и две гостевые. Разумеется, главную уже занимала Акулина, и она не пожелала ее освободить. Но, хотя бы разместила у себя Зою Матвеевну. А мне такая большая комната ни к чему. Зачем, если своя имелась? Светлая, с двумя окнами и видом на лес, деревянной кроватью с пуховой периной, стареньким секретером и сундуком для вещей. Стену у окон занимала лавка, на которой удобно читать, заниматься рукоделием, или использовать в качестве дополнительного спального места. Вторая комнатка походила на мою с тем отличием, что окна выходили во двор. Там разместились Марфа с Милой, а Дашка категорично заявила, что шум со двора будет ей мешать и она ляжет спать в моей комнате.

– В кои-то веки высплюсь по-человечески!

Спорить с ней не стали, тем более, что никто не запрещал собраться вместе вечером.

Тарасу Григорьевичу и Косте ночевку определили в горнице на первом этаже. Зорина на печку отправили, там лежанка отгораживалась занавеской и создавалось ощущение отдельного пространства. А Нахлебов – человек неприхотливый, он и месту на лавке был рад. Дворовых девок, что помогали Акулине по хозяйству и спали тут же, в кухонном закутке, временно разместили по другим домам. А Меланью – сироту, которую Акулина воспитывала вместо дочери, и кота женщина забрала к себе. Но это уже ближе к вечеру, а через пару часов послеобеденного отдыха, когда хотелось только полежать и ничего не делать, и банька поспела.

Это вам не общий душ в гимназии! Жар в парилке пробирал до самого нутра, пот лился градом, горячий воздух обжигал легкие. А, когда Акулина еще и березовым веничком отходила, да холодной водой после облила, накрыло невероятное ощущение чистоты не только тела, но и души. Будто вся скопившаяся чернота вышла, а я заново родилась! Горячий чай на травах наполнил каждую клеточку жизненной силой и жаждой действий. Это ли не настоящее чудо?

Облачившись в чистую одежду и закутавшись в тулуп, приготовленный специально, чтобы пробежаться к дому через двор, я

вышла на улицу. Девчонки еще не закончили париться, а помощницы суетились вокруг них, помогая просушить волосы и отпаивая чаем. Я решила подышать свежим воздухом и прогуляться. Недалеко, стемнело уже, не разглядеть ничего толком. Прошлась до сараев, рядом расположившихся позади дома, и вздрогнула, привлеченная странным хлопаньем. Задрала голову, увидела крупного ворона, переступающего лапами по крыше заснеженной пристройки. На белом фоне он выглядел жутковато, только глаза-бусины сверкали, отражая отблески света. Однако никакого страха я не испытывала. Наоборот, будто столкнулась со старым знакомым из прошлого. Птица, склонив голову набок, таращилась на меня, а потом вдруг вспорхнула и улетела.

– Настенька, что же вы здесь одна? – Неслышно сзади подошел Зорин и приобнял за плечи. – После баньки лучше в тепло идти, чтобы не простудиться. Я вас в окошко выглядывал, оттого и заметил во дворе.

Так, вот кто спугнул ворона! Я чуть зайкой не сделалась, так тихо подобрался парень.

– Константин Алексеевич? – Резко развернулась, неожиданно оказавшись в объятиях молодого человека. – Костя, – исправилась под его умоляющим взглядом. – Не стоило беспокоиться, я и так уже обратно шла. Просто увидела тут...

– Что?

– Да так, ничего особенного, показалось. В сумерках всякое мерещится. Идемте в дом?

Я испытывала странное волнение, оказавшись так близко к парню. За углом нас никто не видел, и вокруг – ни души, только из бани доносились повизгивающие голоса девчонок. Немудрено, я тоже вскрикнула, когда на меня ведро холодной воды опрокинули. Зато потом так растерли полотенцем, что снова жарко стало. И рядом с Зориным вмиг покрылась испариной. Его сверкающие в полумраке серо-зеленые глаза, горячее дыхание, вырывающееся на морозе парком, закушенная нижняя губа, будто он тоже волновался.

– Ася... Можно тебя так называть? Услышал случайно от твоих подруг, и с тех пор в мыслях обращаюсь к тебе только так.

– Костя, это домашнее прозвище, и оно не подходит для... – Я замотала головой. – Не нужно.

– Почему? – Горячие ладони Кости обняли мое лицо, вынуждая смотреть на него. – Я теряю голову, когда вижу тебя такой домашней, чистой. И, называя этим именем, мне представляется именно такой твой образ. Асенька, ты позволишь? – Он так опасно наклонился, что внутри все замерло тугой пружиной и в горле пересохло.

– Костя, ты слишком торопишь события. – Гулко сглотнув, я в волнении облизала губы.

Зря, наверное, только хуже сделала. Парень с глухим стоном приник к моим губам, вбирая их, сминая своими и вызывая этим бурю непонятных эмоций. В ошеломлении я распахнула глаза, наблюдая, с каким наслаждением Костя продолжает меня целовать. Наверное, будь он тоже с открытыми глазами, и я бы остановила его в тот же миг. Впрочем, и сейчас не следовало допускать большего. Теплые руки парня опустили на шею, затем на плечи, но вовсе не невинно, а забираясь под одежду, касаясь оголенной кожи. Эти ощущения будоражили и пугали одновременно, и уж точно в них не было ничего пристойного.

– Довольно! – Я оттолкнула Зорина, что оказалось непросто. Он посмотрел затуманенным взглядом и снова потянулся к моим губам. – Хватит! Что вы себе позволяете?

– Ася, это выше моих сил. Ты такая притягательная, красивее никого еще не встречал. Рядом с тобой чувствую себя мальчишкой и совершенно теряю голову.

– Константин Алексеевич, вы слово давали! – напомнила о его же обещании, что не будет переступать рамки.

– Прости! – На этот раз подействовало. Парень отстранился, убрал руки. Затем осторожно, едва касаясь, поправил мой распахнутый тулуп, убрал мокрую прядку, налипшую на лоб. – Я не сдержался. Твои губы такие соблазнительные, что целовал бы их до изнеможения.

– Вы всем подряд девицам голову морочите? – спросила, нарочно насупившись.

То, как говорил Зорин, как смотрел, прикасался было приятно и так опасно, что я невольно напоминала себе встопорщившегося котенка, выгнувшего спину перед воображаемым противником. И я сама не знала, приму ли правила игры, нападу в следующий момент или убегу прочь.

– Никому и никогда! – Костя завладел моими руками и поднес их к губам, целуя пальчики. – Асенька, ты – единственная, кого я ждал долгие годы. Идеал и воплощение мечты.

В баню я не надевала перчаток и прежде без надобности старалась никого не трогать незащищенными руками. Но сейчас, когда почувствовала тепло чужих ладоней и нежность губ, а эмоции накалились до предела, я вдруг увидела сплетение обнаженных тел, и страсть, охватившую обоих. Столь яркое видение молнией пронзило до самых пяточек. Я отшатнулась, вырвала руки из ласкового плена и опрометью бросилась к дому.

Тут как раз и девчонки из бани выскочили, шумные, задорные. Они принялись дурачиться, кидаться снегом, и мне тут же прилетело рыхлым снежком в лицо. Но я не обиделась, наоборот, зачерпнула еще пригоршню, чтобы охладить пылающие щеки. А, чтобы никто ни в чем не заподозрил, кинула пару белых комочков в Марфу и Дашку. Милке и так уже досталось от обеих подружек.

Костя к нам так и не присоединился. Он зашел уже позже, когда мы наигрались и гурьбой ввалились в дом. Я старалась на него не смотреть, потому что перед глазами, как наяву, вставала картинка из видения. Что это было? Его мысли? Тайные желания? В теории я знала, что происходит между мужчиной и женщиной. Нам рассказывали об этом в рамках учебной программы, потому что мы должны быть готовыми к любым видениям, предшествующим преступлению. Но участвовать в этом самой? Нет! Я к такому пока не готова.

Весь вечер и ужин я места себе не находила, стараясь выбросить глупости из головы. Но они, как назло, лезли в мысли, возвращались, интригуя подробностями. Укладываясь спать, я уступила Дарье кровать, а сама устроилась у окошка, любуясь на безмятежный зимний лес. Ночь раскрасила его чернильными красками, а снег и луна добавили светлых тонов. Ближе к полуночи я все же легла, уговаривая себя, что завтра рано вставать. Однако скрип половиц за дверью заставил насторожиться.

Кому-то еще не спится?

В тишине звуки кажутся громче. Я расслышала легкие шаги на лестнице и лязг засова входной двери. Кому понадобилось среди ночи выходить на улицу?

Из моего окошка не увидеть подворье, поэтому я поднялась и, ступая босыми ногами по полу, вышла в коридор осмотреться. Дверь во вторую комнату не запиралась, поэтому я тихонько заглянула к девчонкам. Они улеглись валиком на одной кровати, чтобы было теплее. Милка завернулась в одеяло, как в кокон, один только сопящий носик торчал. А Марфа наоборот раскинулась, одеяло уже на пол сползло. Подняла его и укрыла девушку, к утру станет прохладнее – замерзнет еще. Подоткнула уголки, чтобы холод не нашел лазейки.

Я выглянула из окна, выискивая взглядом того, кто тут бродит ночами. Вариантов не так много. Шаги слишком тяжелые для Меланьи, значит, Зоя Матвеевна или Акулина. Спорю на сто рублей, что бессонницей страдала хозяйка. Нам после сытного стола и баньки только дай поспать вволю. Вон Дашка, едва до подушки головой коснулась, и сразу засопела.

Хм, а обзор со второго этажа не такой, как хотелось бы. Я с ногами забралась на лавку и прилипла к стеклу, чтобы разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно. Может, это наши спутники проверяли, все ли в порядке, а я тут панику развела? Вернулась к себе ни с чем, размышляя, стоит ли спуститься, или же не маяться дурью и лечь спать. Чтобы не мучиться сомнениями, я снова вышла в коридор и спустилась на первый этаж. Постояла на краю лестницы, не решаясь пройти дальше. Тарас Григорьевич похрапывал на лавке, а с печки из-под занавески свисала рука Зорина. Оба мужчины в доме и не похоже, чтобы мучились бессонницей. На цыпочках поднялась обратно и осторожно приоткрыла дверь в хозяйскую спальню. Через окна внутрь падала серебристая лунная дорожка, которой хватило, чтобы разглядеть спящих обитателей. Все трое находились на своих местах. У меня сердце ухнуло в пятки.

Мне же не привиделось?

В гимназии я также слышала, как приходят с ночной проверкой воспитатели. Или как кого-то нужда гонит в туалетную комнату. Девчонки рассказывали, что прежде я по шагам запросто определяла их обладателя. Я не ошиблась и мне не послышалось, кто-то проник в дом, забрался на второй этаж, а после исчез.

Я притворила дверь и прислонилась к стене, раздумывая, что за странности здесь творятся. Пожалуй, девочкам пока ничего говорить не буду, а вот у мужчин поинтересуюсь, не слышали ли они чего.

Возвращаясь к себе, случайно наступила на скрипучую половицу – звук до боли знакомый. Присев на корточки, коснулась руками пола.

Конечно же, я ничего не увидела. На этом месте не случилось никакого преступления, чтобы остался яркий эмоциональный фон и проекция событий. Да и сама прошла тут уже не раз, сбивая следы. Так, ни с чем, я вернулась в комнату и легла спать. Следуя примеру девчонок, также устроилась на кровати валетом, перетасив подушку и одеяло с лавки.

Однако отдохнуть толком не вышло. Вставали в деревне рано, растапливали остывшую за ночь печку, грели воду, готовили завтрак, как привыкли делать испокон. Это не город, где давно использовались магические амулеты бытового назначения. Учитывая, что сон пришел ближе к ведьмину часу, времени до подъема оставалось немного. Яркие сновидения о маленькой девочке накрыли сознание поразительной реалистичностью. В них у нее была большая семья: старшие братья и сестры, мать и отец – бородатый грузный дядька, пахнущий табаком и потом. Он по-своему любил детей, изредка баловал, привозил гостинцы с ярмарки, неделями пропадая на заработках. Мать одна надрывалась и тянула хозяйство, которому требовалась крепкая мужская рука, а не женский и детский труд. И все же приезд главы семейства считался праздником. Его ждали, подавали на стол мясные щи и пекли пирожки с ливером, встречали, радостно повисая на нем гроздьями. И только младшая дичилась и заходила криком, когда отец брал ее на руки. Причину этого узнали позднее, когда поняли, что девочка не такая, как остальные дети. Она видела, чем занимался отец, видела руки в крови и то зло, что они причиняли другим людям.

Я подскочила в кровати, чувствуя, как по щекам бегут слезы, а в груди клокочет прерывистое дыхание. Несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться и осознать, что это дурной сон. Дашка разметалась под утро и случайно задела меня ногой. А я, как схватилась за щиколотку, чтобы пяткой в лицо не получить, так и спала. Выходит, это Дашкины кошмары не давали покоя? Но как? Прежде я не слышала, чтобы видоки видели чужие сны. Они рождаются в подсознании и не проявляются в реальности, чтобы оставить проекцию событий. Но отрицать то, что я видела, глупо. Не

покидало ощущение, что это не игра воображения, а события из детских воспоминаний подруги.

Интересно, а другим видакам подвластно такое умение? Может, никто до этого не пробовал проникнуть в чужой сон? Вопросы, одни вопросы и никаких ответов.

– Ась, ты чего? – Дарья – любительница поспать тоже проснулась и выглядела странной, напуганной. – Плакала, что ли? Случилось чего?

– Да! То есть, нет. – Мотнула головой. – Кошмар приснился, не помню даже, какой, – соврала, чтобы не напоминать о прошлом.

С таким тяжким грузом Григорьевой нелегко жилось и, если вспомнить, чем все закончилось, остается только посочувствовать бедняжке.

– И мне приснилось! – А вот подруга горела желанием поделиться увиденным.

– Расскажешь? Говорят, сны на новом месте приоткрывают завесу будущего.

– Нет! Не будущее это, а прошлое. Я будто бы была тобой, росла здесь, училась. А еще знаю, где ты в лесу устроила детский тайник! Давай сходим туда и проверим? Вдруг до сих пор сохранился?

– Вот как? А что еще видела?

– Отца твоего Трофима Николаевича и матушку Валентину Андреевну. Вы как раз сюда переехали и на новом месте обживались. Тут прежде лес кругом стоял и голь перекатная в землянках ютилась, а теперь посмотри, какие хоромы отстроили. Сразу хозяйская рука видна.

– Как странно. Расскажи еще! Хочу знать все, до мелочей, – надела на подругу, выпытывая каждую деталь видения.

Дашка с радостью поделилась свежими воспоминаниями, указывая на предметы, сохранившиеся в комнате с тех времен, описывая их историю и упоминая о связанных с ними событиях, составляющих часть моего прошлого.

– Ой! Представляешь, ты нарочно старую шерстяную нитку сняла с запястья и в комнате припрятала, чтобы тебе новую подарили, с узелками затейливыми и нанизанным жемчугом.

– Где?

– Ммм, – Дарья подскочила с места, завертела головой, затем забралась с ногами на кровать и, используя деревянную спинку, как опору, потянулась к деревянной балке под потолком и зашарила поверх нее рукой. – Есть! – С победным видом достала запылившуюся красную нить, скрученную в три слоя, и протянула мне. – Понимаешь, что это означает? – сверкая глазами, полушепотом произнесла девушка.

– Понимаю. – Кивнула, в задумчивости рассматривая привет из прошлого. – Если эта часть сновидения получила материальное доказательство существования, то и остальное – правда. Мне другое непонятно: кто такая Акулина и почему она здесь командует? Даш, пожалуйста, никому не рассказывай об увиденном, пока не разберемся, что происходит.

– Я – могила! – Девушка жестом показала, как запирает рот на замок. – А что ты намерена дальше делать?

– Как что? Умыться, позавтракать и получить от Акулины отчет о состоянии дел. По документам я хозяйка деревни и окрестных земель, имею право знать, что тут и как. А после обеда выберем подходящий момент и наведаемся к тайнику. Вдруг и там найдется что-то интересное?

Такой ответ удовлетворил Дашку, и она, взбудораженная тайной, принялась торопливо одеваться. Внизу уже гремели посудой помощницы, хлопочущие по хозяйству, в коридоре хлопали двери, а по дому разносились ароматные запахи еды.

– Я к девчонкам! Спрошу, вдруг им тоже приснилось что-нибудь интересное. – Григорьева не походила на болтушку, но сейчас ее распирало от желания поделиться тайной.

Надеюсь, не сболтнет лишнего. На самом деле меня волновал другой вопрос. Что необычного в воспоминаниях шестилетней девочки? Мы не маги разума, чтобы заглядывать в прошлое через мысли человека. Если событие не оставило после себя яркий эмоциональный отпечаток, то его ни за что не увидеть. Дашкино детство пронизано животным страхом перед близким человеком. Именно он источник кошмаров и странностей девушки, а в моем нет ничего хоть сколько-нибудь пугающего. Наоборот, это светлые моменты, о которых вспоминаешь с ностальгией по ушедшим временам.

Однако, если оценивать ситуацию в целом, получается странная картина. После смерти отца я выкладываю кругленькую сумму за учебу в гимназии, у выпускников которой незавидная судьба. Почему выбор пал на это заведение? Еще один вопрос, который давно уже не дает покоя. Тем не менее я приезжаю в город и словно забываю о родных местах. Каникулы и длинные выходные провожу в стенах учебного заведения и два года не появляюсь в Демьяново. Вместе со мной учиться Дарья, которую другие гимназистки терпеть не могут из-за странностей и ночных кошмаров. Я нахожу способ избавиться от них подружку, и мне на тот момент едва исполнилось шестнадцать лет.

Странно да, откуда вдруг такие умения? И почему всплыли только эти отрезки прошлого?

Будто какой-нибудь маг разума нарочно взял и поменял наши воспоминания местами. Возможно ли такое на самом деле, учитывая невосприимчивость видоков к внушению? Вполне! Никому еще не удалось определить, до каких границ простираются магические способности человека. И, если прежде этого никто не делал, то это не значит, что не сделает в будущем.

А что, если мои детские воспоминания содержат подсказки, по которым я сумею восстановить память? Первая из таких подсказок – красная ниточка, благодаря которой я задумалась о причинах наших необычных снов. И не сгнила ведь за десять лет! А, может, она и не лежала там так долго? Что же, надеюсь эта ниточка позволит размотать весь клубок странностей.

Смахнув пыль со старой вещицы, бережно раскрутила и расправила нить на всю длину. Посмотрела на нее, подумала, да и повязала вокруг запястья. Петелька на конце позволила продеть в нее короткий кончик нитки и надежно закрепить на руке. Ну и какие еще доказательства требуются? Разве детский талисман от порчи и сглаза подошел бы по размеру взрослой девушке? Да-а, загадала я себе загадку! Но тем интереснее будет ее разгадать.

Глава 9

Завтрак прошел в благоприятной атмосфере. Даже наш молчун Нахлебов и тот будто бы подобрел. Он вчера и в баньке попарился, и за столом накушался вдоволь.

– Как спалось, Тарас Григорьевич? – поинтересовалась я между делом.

– Эх, как в детстве! – отхлебнув горячего чая и причмокнув от удовольствия, ответил мужчина. – Только лег, глаза закрыл, ан вот и утро. Как раз помощницы Акулины Степановны пожаловали. Подсобил им маленько: дровишек, воды натаскал, чтобы, значит, угощением нас попотчевали.

– И за это вам низжайший поклон и благодарность, Тарас Григорьевич, – довольно улыбаясь, влезла Акулина. – Я же говорила, после баньки, как новенький будете. Зря вы отказались, Константин Алексеевич. – С прищуром посмотрела на Зорина. – С парком да веничком хвори телесные уходят, и наносное смывается.

– Не извольте беспокоиться, Акулина Степановна, я здоров и полон сил. – Молодой человек отзеркалил взгляд хозяйке, а после обратился ко мне. – А вам, Настенька, как спалось в родном доме?

– Эмм, не то, чтобы... – замялась, подбирая слова. Еще и взгляд у Кости такой, что жарко становится. – Хорошо в целом, только заснуть долго не могла. Показалось, что кто-то ходит по дому.

– Ну, так сколько ему лет уже! – Акулина закатила глаза кверху и, цокнув языком, покачала головой. – Не новый же! Половицы кое-где подгнили, ветер в печную трубу поддувает. Летом, бывало, слышно, как в лесу деревья скрипят качаясь. Отвыкла ты уже, Настасья Трофимовна. Вечером для сна заварю тебе чаю на меду с ромашкой и мятой.

– Благодарю за заботу. – Улыбнулась натянуто, закусив внутреннюю часть губы. – Акулина Степановна, хочу посмотреть домовые книги, расходы и доходы, чтобы понимать состояние дел. Вы обещали, что с утра займемся этим вопросом.

– Раз, обещала, то покажу. Мне скрывать нечего. – Небрежно пожалала плечами хозяйка. – Только гостей чем в это время думаешь занять? А у нас тут овражек неподалеку с пологим спуском, мужики там горку на днях залили, ребятишкам на радость. С утра до темна пропадают, на салазках катаются, да и взрослым забава. Еще в двух верстах Чудинское озеро есть, замерзло уже поди. Если желаете, отправлю Тимошку, чтобы зимовье приготовил. Полозья для коньков мужики вам в кузнице справят. А то и на охоту сходите! Зайцев полно, лисиц, если повезет, кабана встретите.

– Нет, не нужно охоты. – Милка замотала головой. – Зачем бедных зверюшек убивать?

– Пожалуй, не стоит, – поддержала подругу, но по другой причине.

Охота, оружие – не за этим я приехала в Демьяново. А вот на лесной прогулке как раз старым тайником заняться можно.

– Константин Алексеевич, вы же не откажетесь составить компанию моим подругам? Зоя Матвеевна, а вы как относитесь к зимним забавам?

– Положительно отношусь, – первой ответила воспитательница, выглядевшая с утра странно задумчивой.

– А я соглашусь при условии, что ты к нам обязательно присоединишься, – добавил Зорин.

– Да. Настенька, ты же справишься до обеда? – Оживилась вдруг Панфилова. – Уверена, у Акулины Степановны везде порядок. Налог в казну уплачен, погреба полные, скотина сеном на зиму обеспечена, крестьяне не голодают, – проявила неожиданную осведомленность, которую тут же поспешила объяснить. – Мы вечером поговорили с Акулиной о том, о сем, вот я и в курсе, как дела обстоят.

– Полно тебе, Зоя, мне несложно показать, – снисходительно отказалась от помощи хозяйка. – Подворье не велико, к обеду или даже раньше закончим.

Собрались девчонки быстро, предвкушая скорое развлечение. В сопровождающие, помимо Зорина и воспитательницы, Акулина определила пару крепких молодых мужчин лет по двадцать пять. Это из-за растительности на лице вчера они показались старше и суровее, а тут, раз уж девушки из города приехали, заженихались, принарядились и навели марафет. А подружки, завидев интересную компанию, хвосты

распушили, зарумянились сразу. Теперь их отсюда за уши не вытащишь. Когда еще так свободно с парнями нагуляешься? Так, ведь и Зоя Матвеевна слова против не сказала, что удивительно. Возмутилась поначалу, но Акулина заверила, что в этом нет ничего предосудительного, а им же самым безопаснее будет. Звери дикие в лесу водятся, мало ли. За ворота лучше без сопровождения не выходить.

Выпроводив шумную компанию, к которой по пути присоединилась деревенская малышня, Акулина отлучилась в спальню и принесла оттуда толстенную амбарную книгу. Я устроилась за столом, с которого помощницы убрали грязные чашки с тарелками и теперь гремели ими, полоская в тазу. Открыв книгу на последней заполненной строке, я пролистала страницы назад, ориентируясь по датам. Графы прихода и расхода были тщательно разлинованы и заполнены убористым почерком. Столько-то мер зерна куплено и ссыпано в амбар на хранение, столько-то израсходовано. Столько-то сена собрано и так далее.

Подсчитывала Акулина каждую мелочь, вроде той, какое количество грибов собрали дети, и сколько вышло готового продукта – в сушеном виде или соленьями. Отдельной графой шли сведения о крестьянах, где также учитывалась естественная прибыль и убыль и связанные с этим расходы. На бумаге все выходило четко и, если сравнивать с прошлыми периодами, то средства расходовались разумно и бережливо. Осталось проинспектировать закрома, чтобы выяснить, так ли все гладко, как это выглядит на первый взгляд.

С инспекцией мы сначала спустились в подклеть – просторный подвал под домом, затем прошли по хозяйственным амбарам и овинам, заглянули на скотный двор, в птичник и даже в дровяник. Загоны для живности утеплены в зиму, в кормушках – свежая еда, чисто, насколько это возможно в таких местах. Сразу видно, заботятся тут о скотине не хуже, чем о самих жителях. Такое отношение к вверенному хозяйству только радовало. В крестьянских избах жарко натоплено, обстановка поскромнее, но народ не бедствует. Женщины хлопочут в закутках у печи или же ткут полотно на домашних станках, другие рукодельничают: подшивают прохудившуюся одежду, вышивают, прядут шерсть и вяжут теплые вещи. Мужики тоже не без дела сидят. В кузнице работа кипит с рассвета. От своих заказы

поступают, да и из соседних деревень иной раз приходят за помощью. Вечереет зимой рано, вот и торопятся, чтобы успеть до темна. Кто покрепче и поглазастее, те за воротами следят, чтобы лихие люди не напали. Есть и такие умельцы, кто мастерит поделки из дерева. Помимо ложек и необходимой в хозяйстве посуды, вырезают детишкам свистульки и забавные игрушки. Судя по резным наличникам, красующимся на каждой избе, наших мастеров работа.

Картина настолько идиллическая вырисовывалась, что не верилось в ее правдивость. Будто кто-то нарочно собрал в одном месте людей с нужными специальностями: кузнеца, резчиков, охотников и рыболовов, умелых вышивальщиц и портних. В городе или крупном селе они бы жили припеваючи, в достатке и почете. А тут скромное поселение в лесу, вдали от наезженных трактов и любопытных соседей? Странно! Или это у меня паранойя разыгралась? Везде подвох ищу, где его и не было никогда.

Понятно, что вслух я подозрений высказывать не стала. Похвалила только за труды и признала, что лучшего управляющего для Демьяново не найти.

– Так, я же от души стараюсь, работаю, не покладая рук, – Акулина приняла похвалу как должное.

– И это чувствуется. – Покивала с восторженным видом. – Скажите, Акулина Степановна, а отчего же деревня не расширяется? Возможностей для этого полно, а как было десять лет назад шесть дворов, так и осталось по сей день.

– А к чему, если и так хорошо? – Женщина пожала плечами. – Люди у нас к чужакам настороженно относятся. Каждую весну батраков нанимаем земли пахать. С кем только не приходится иметь дело! Пьяниц и дармоедов не приветствуем, только полезных нашему поселению людей. Так, ведь не каждый согласится в глуши поселиться. Вот и получается, что живем тесным мирком, в тишине и благодати. Кому по душе такой образ жизни – милости просим. Кто работать не ленится, готов для общего блага постараться, тому всегда рады.

– Хм, тоже верно. Скажите, а почему я стариков нигде не увидела? Не прячутся же они?

– Так, семьи молодые, десяток годов, как на этом месте осели. Кто из дальних краев пожаловал, кто из отчего дома вслед за мужем ушел в

поисках лучшей доли. Жили у нас старики, как без них? Но сама посуду, на тридцать пять человек, сколько их должно быть? Трое с самого начала за сыновьями переехали. Вот и прожили тут, сколько богом лет отмеряно. Весной у Порфирьевых Агафон Иваныч восьмидесяти двух лет представился, проводили в последний путь, как положено. Сама же похозяйственник смотрела, там об этом написано.

– Мда, конечно. Запомнятовала.

– Оно и не мудрено после таких-то потрясений, – посочувствовала Акулина. – Ты ведь и приехала затем, чтобы вспомнить?

– Откуда? – возмутилась, как быстро расползлись слухи.

Просила ведь девчонок не болтать! Или это Зоя Матвеевна поделилась по доброте душевной?

– Да ты не таись. Не нужно из этого секрет делать и на воспитательницу зла не держи. Она за тебя переживала, чтобы вспомнила хоть что-то о себе и о прошлом. Ты ведь и приехала сюда за воспоминаниями? Это ж не грех какой, искать помощь в родном доме. Пусть Трофим Николаевич и представился уже три года как, но мы же не чужие люди. Я тебя как дочь люблю и всегда рада поддержать.

– А вы...

– А я твоему батюшке супругой стала, как твоя мама умерла. Горевал он шибко по Валюше, но ведь нельзя мужчине без женщины обходиться. Вот и сошлись мы, чтобы в одиночестве старость не доживать. А тебя я приняла как родную. Неужели, не помнишь?

– Нет! – мотнула головой и нарочно отвернулась, чтобы не отвечать на «материнские» объятия. – Идемте в дом. Время обеденное, друзья скоро вернутся.

Надо бы у Кости выяснить, что известно об Акулине. Явно же, Зорин наводил справки о моей родне. Может, какие-нибудь интересные факты всплывут? Ну, не сбежала бы я так поспешно из дома, если бы тут такое радужное житье-бытье было, как описывала мачеха. И документы на наследство неспроста прихватила! Отцу шестой десяток шел, когда его не стало. А Акулине сорока на вид не дашь. Выходит, ей около тридцати лет было, когда она окрутила мужчину почти вдвое старше себя. Зачем ей немолодой и небогатый помещик? Она же далеко не глупа, раз уж с таким умением хозяйством управляет. Что-то тут нечисто, нутром чую.

В горнице к нашему возвращению помощницы стол накрыли, только блюда еще не подавали, а томили в печи, чтобы не остыли. На лавке у окошка, забравшись с ногами, сидела Меланья, с интересом рассматривая книжку с картинками и буквами.

– Грамоте учишься? – Я под села к девчонке, которая так сосредоточенно водила пальчиком по строчке и шевелила губами, проговаривая слоги, что вызывала невольную улыбку и умиление.

– Угу! – Малявка кивнула и продолжила занятие, не обращая на меня внимания.

– А что, ты и буквы уже знаешь? – Для деревенской девочки это достижение, тем более, что я не заметила школы поблизости. – Кто же тебя обучил?

– Во сне увидела. Не мешай! – сморщив лобик, Меланья силилась прочитать длинное слово.

– Здесь написано: «Маша посадила картошку», – подсказала девочке, на что она насупилась. Видно, сама хотела справиться. – А что значит, во сне?

– Каком сне? – Вытаращилась на меня изумленно.

– Ты же сказала, что буквы во сне увидела.

– Нет, не говорила! Меня матушка по вечерам грамоте учит, – заявила девчушка, хлопая честными-пречестными глазенками.

– Меланья! А ну марш на печку, не мешай взрослым. И книгу на место положи. – В горнице появилась Акулина и сразу раскомандовалась.

Мда, снова сны! А ко мне в больнице тоже странные видения приходили. В гимназии они прекратились, а тут в первую же ночь привиделись.

– Акулина Степановна, а ведь Меланья вам неродная? Откуда она взялась? – Раз уж мои проблемы с памятью теперь не секрет, то можно и поспрашивать, удовлетворить любопытство.

– Подкидыш. Ночью подбросили новорожденную к воротам, уповая на жалость и милосердие. А мы ж не звери какие! Забрали к себе на воспитание. Смышленная растет, помощницей станет на старости лет.

Ответить на это ничего не успела. С прогулки вернулись подружки и гурьбой ввалились в дом, наполнив его шумными голосами и веселым смехом.

– Аська, зря с нами не пошла! – Мила первой влетела в горницу и сразу к печке ринулась, подставляя замерзшие ладошки к теплу. – Мы та-ак накатались и нахохотались от души. До чего же это веселая забава. А Марфа, Марфа-то с салазок перевернулась, и в сугроб! Вот смеху-то было! Ее Тимошка с Архипом вдвоем оттуда еле вытащили.

Следом в горнице появилась героиня сегодняшнего дня и молча разложила промокшие варежки, шарф и шапку на полке для просушки вещей. Затем Дарья с Зоей Матвеевной пожаловали, а за ними уже и разругавшийся Костя.

– Разболтала уже? – Марфа сурово зыркнула на притихшую Милу, а после улыбнулась шальной улыбкой. – А мне понравилось! И это она из зависти наговаривает. Молодые люди на эту пигалицу внимания не обратили.

– Не рано ли на парней засматриваться? – пожурила девчонку.

– И чего это рано? За просмотр денег не берут! – фыркнула Мила и первой протиснулась к рукомойнику, чтобы сполоснуть руки перед едой.

– А тебе как, понравилось? – спросила у Дарьи, пока рассаживались за столом.

– Неплохо, да, – поджав губы, ответила подруга. – Детские забавы.

– Врет! – беззвучно прокомментировала Милка и сразу вжала голову в плечи, когда Григорьева погрозила ей пальцем.

– Настенька, нам тебя не хватало! – Костя, усевшийся справа, накрыл ладонью под столом мою руку, лежащую на колене. – Как все прошло?

Я вспыхнула, резко отдернув руку, испепеляя взглядом наглеца. Но он только подмигнул задорно и, раз уж моя ладошка выскользнула из хватки, погладил колени. Со всей мстительностью припечатала по ноге Зорина пяткой, чтобы не повадно было. Парень сдавленно охнул, покраснел и закашлялся, чтобы скрыть неловкость.

Вот, пристал! Липучий какой, как пиявка. Тряхнув головой, нарочито отвернулась и весь обед не обращала на Костю внимания.

Ну а после трапезы, когда вещи у гуляк просохли, мы снова отправились кататься на горку. Ох, и овраги здесь заковыристые! Крутой спуск уходил далеко вниз, петляя среди редких деревьев. И мало того, что следовало держаться за салазки и не слететь с них, так

еще и ногами нужно притормаживать, чтобы в повороты вписаться. Глянув на такое дело сверху, я побоялась съехать одна. Девчонки вон на пару с деревенскими парнями катались, а со мной, разумеется, Костя, уселся. А мы, хоть и в одежде зимней, объемные и неповоротливые, а все ж волнительно, когда ощущаешь сильную руку на талии. Прибавить к этому ветер в лицо и стремительный спуск, от которого дух захватывает и сердце замирает на опасных поворотах, и на выходе получается восторженный коктейль из эмоций. Вдобавок, в самом конце мы еще и в сугроб улетели, откуда меня потом вытащил Костя. Не успела я отряхнуться, как следует, как финальный маневр повторила следующая парочка. Зоя Матвеевна, повизгивая и радостно хохоча, как девчонка, точно также упала в снег. Ей повезло меньше, на нее еще Архип сверху навалился, и они вдвоем так смешно барахтались, пока выбирались, что мы животы надорвали от смеха.

Судя по тому, что каждый спуск заканчивался схожим образом, я заподозрила, что парни нарочно опрокидывают салазки. Однако уличать в хитрости не стала, понимая, что и для подруг это не стало откровением. Ни одна еще не отказалась от катания, разве что Дарья смущалась, когда в партнеры ей доставались поочередно Костя или Архип. А в паре Тимофей и Марфа, позади садилась подруга, у которой хватало сил управлять тяжелыми салазками. Она еще и Милку прихватывала за компанию, которая визжала за троих. Деревенские ребятишки, к слову, катались с другой горки, менее крутой и опасной. Я попробовала там разок съехать и признала, что взрослая намного лучше.

Обратно мы возвращались, когда потемнело на улице. В зимнем лесу вволю не погуляешь, когда, шагнув с тропинки, проваливаешься в снег по колени. От деревни к оврагу проторенная дорога образовалась, мужики расчистили накануне. Заприметив цепочку шагов, уводящих в сторону, заинтересовалась, куда она ведет.

– Охотники наши прошли, – пояснил Тимошка. – Тут повсюду тропы проложены, чтобы силки проверять. Аккурат в обход деревни получается.

– Прогуляемся? – предложила Дарья, с которой мы условились детский тайник проверить.

– У меня сил уже нет, – заныла Милка, состроив жалобную рожицу.

– Я и не настаиваю. Мне хочется пройтись по родным местам. Вдруг получится вспомнить? С собой Дашку возьму, она не так промокла, а вы возвращайтесь. Архип с Тимофеем вас проводят, а мы быстро обернемся, заметить не успеете.

– Одних в лес не пушу, – ожидаемо влез Костя, но я уж и не рассчитывала, что обойдется без сопровождения.

– Акулина Степановна не велела без присмотра оставлять, – поддакнул Архип. – Небезопасно это.

– Так, мы и не одни! – Дарья жеманно закатила глаза кверху. – С нами Его благородие прогуляться изволил. Да и чего тут опасаться? Зверя дикого? В это время они к жилью человеческому близко не подходят. Вот к концу зимы, когда есть нечего станет, тогда и стоит бояться.

– Темнеет быстро, как бы не заплутали впотьмах, – предпринял последнюю попытку парень, на что Костя молча продемонстрировал световой магический шарик.

– Мы недолго, правда же? – Зорин посмотрел на меня вопросительно.

– Верно. Полчаса, может, час. – Я пожала плечами и обратилась к воспитательнице, мечтательно любующейся окрестностями. – Вы же не против?

– Я? Что ты, Настенька, не против, конечно. Прогуляйтесь, свежий воздух полезен для хорошего сна. Да и Константин Алексеевич присмотрит, не даст в обиду.

На том и порешили. Зоя Матвеевна с девочками и ребятами отправилась к деревне, а мы свернули на боковую тропинку и, выстроившись гуськом, потопали в обход. Минут через двадцать молчаливого пути сгустились сумерки, и Зорин зажег магический светлячок.

– Настя, мы уже достаточно далеко ушли, чтобы никто не подслушал. О чем ты хотела поговорить? – нарушил тишину Костя.

– С чего вы взяли? Может, я действительно хочу прогуляться по окрестностям?

– Хм, возможно, мне это только показалось, – не стал настаивать молодой человек. – Но хотелось бы ясности, куда мы направляемся? Развилку, откуда тропинка ведет в обход деревни, миновали пять минут назад. А эта дорога заводит дальше в лес.

Я вопросительно посмотрела на Дарью, которая усиленно крутила головой. Судя по тому, что это она уводила в сторону от деревни, какие-то ориентиры умудрялась находить в незнакомом лесу. Или это он только для меня незнакомый? Если я выросла в этих местах, то изучила тут каждый кустик. Неужели сон был настолько ярким, что Дашка запомнила малейшие детали?

Вместо ответа я только пожалала плечами и двинулась дальше, потому что Григорьева ломанулась по снегу, сойдя с тропинки. Не представляю, как у нее это получилось, но мы нашли кряжистое ветвистое дерево, на стволе которого виднелись зарубки.

– Здесь! – торжественно заявила подруга. – Осталось только забраться наверх и проверить дупло, вон за той толстой веткой. Снизу его никак не рассмотреть.

– Подсадишь? – попросила Костю, который уже ничему не удивлялся. Видно, решил подождать и посмотреть, чем закончится наша затея.

– С удовольствием! Ты только осторожнее, ветви обледенели, скользкие. Может, объяснишь, зачем мы сюда пришли?

– Тайник! – произнесла с заговорщическим видом. – Не знаю даже, есть ли там что-нибудь.

– Так, давай я залезу на дерево и проверю!

– Не-а! – Покачала головой. – Я сама.

Забраться наверх оказалось проще, чем я думала. Костя подхватил за ноги и, как пушинку, подкинул повыше, а дальше я зацепилась за ветки и нащупала опору в виде нароста. Снег только срывался с веточек и сыпал в лицо, а в остальном ничего сложного. За веткой, на которую указала Дашка, я обнаружила темное отверстие в стволе, как раз под детскую руку. На всякий случай я стащила перчатку и, преодолевая брезгливость – мало ли, чем забились дупло за прошедшие годы, просунула ладошку внутрь. Поморщилась, ожидаемо вляпавшись в старую паутину. Успокаивал факт, что пауков тут быть не должно – попрятались еще осенью от холода. Само пространство внутри дерева занимало небольшой объем. Оно забились, конечно, трухой и пылью, так что пришлось покопаться, но труды были вознаграждены. Я наткнулась на продолговатый предмет, ухватившись за который, осторожно вытащила его наружу.

Сначала я почистила об снег руку от налипшей грязи, а после развязала бечевку на свертке. Прежняя я предусмотрительно замотала содержимое в кусок выделанной кожи, которая защитила от намокания и сырости. Или это сделали руны, начерченные на внутренней стороне? Похоже, что второе, ведь кожа от влаги разбухает, а потом ссыхается. Но это не так важно, как найденный внутри деревянный амулет и записка. Костя запустил магический светляк повыше, так что я сумела прочитать текст.

Баю-баюшки-баю, бойся сна в чужом краю.

То не волк, не лютый зверь бродит среди живых людей.

Не смыкай той ночью глаз – Мара ходит среди вас.

Тот, к кому она придет, в сон проникнет, украдет

Твою душу, выпьет жизнь. Будешь вечно ей служить.

Вычислить ее нетрудно, ночью спит так беспробудно,

Что ничем не разбудить. Но не смей во сне убить!

Мара сильно разозлится, в новом теле возродится

И во снах тебя найдет, отомстит, с ума сведет.

Чтобы справиться с бедой, двери в доме все закрой,

Собери в бережный круг всех соседей и подруг.

А когда придет рассвет, призови на помощь свет.

Он изгонит прочь из дома Мару – демона ночного.

Что это? Детская страшилка? – сунув бумажку и амулет за пазуху, я полезла вниз. Не удержалась под конец и сорвалась. Но испугаться не успела, Костя поймал, подхватив на руки. Оступился только, споткнувшись об корень в снегу, и вместе мы бухнулись в сугроб. Зорин даже не поморщился, опрокинувшись навзничь, а я распласталась сверху.

– Ну, что? Отыскала сокровище? – с улыбкой поинтересовался он.

– Э... сомневаюсь, что это можно назвать сокровищем. – Заерзала, пытаюсь подняться, но меня перехватили за талию, прижимая к себе.

– А я свое, наконец-то, отыскал. – Посерьезнев, Костя потянулся к моим губам, пробуя их на вкус.

Глава 10

Я опешила от неожиданности, настолько приятным и необычным оказалось прикосновение. Вот только у нашего близкого общения имелись свидетели. Дашка уже охрипла, намекая своим «кхе-кхе», что мы не одни. Я отстранилась, сохраняя зрительный контакт, а Костя смотрел таким жарким взглядом, что у меня щеки запылали.

– Вы еще долго тут разлеживаться собираетесь? – Не выдержала подружка.

– Нет, – лукаво закусив нижнюю губу, ответила ей, – уже идем, а то хватятся, искать начнут.

Приподнявшись на руках, я сдвинулась в сторону и, уже никем не удерживаемая, поднялась на ноги. После подала руку парню, который так и лежал на снегу с мечтательным выражением лица. Еще и руки за голову запрокинул, намекая, что ему и тут неплохо.

– Константин Алексеевич! – Дарья нарочито притопнула ногой. – В тепле на печке отлежитесь еще, а сейчас пора возвращаться. Замерзла уже, сил нет.

Зорин принял мою помощь, но вместо того, чтобы подняться, дернул к себе, и я снова бухнулась на него с размаху. На этот раз он подхватил меня за талию и развернулся, чтобы самому оказаться сверху.

– Попалась? – Наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание на губах.

– Так нечестно! – Не сдержала улыбки.

Какой же он все-таки мальчишка! Невозможно ведь на него злиться. И влюбиться страшно. Вдруг я ему только для развлечения нужна?

– Константин Алексеевич, вы ведете себя крайне неприлично. – Дарья скатала снежок и запустила в парня, попав точно за шиворот.

Между прочим, и мне за компанию досталось. Я сморщилась, когда на кожу упали холодные снежинки. А Костик улыбнулся, чмокнул меня в кончик носа и стремительно поднялся. Затем помог

мне встать и заботливо отряхнул налипший на одежду снег. В ответ я смахнула снежинки с его пальто, а Зорин умудрился перехватить мою ладошку и оставить на ней невесомый поцелуй.

– Ась, может, покажешь, ради чего мы сюда забрались? Успеете еще наmilоваться, – хмуро наблюдая за нашими нежностями, пробурчала Григорьева.

– Я нашла странную записку. – Посерьезнев, выудила из-за пазухи кусочек бумаги и протянула подруге.

– О! – выдала Дашка после прочтения и задумалась.

– И что там? – Листочек ловко перехватил Зорин и пробежался глазами по строчкам. – Детский тайник, говоришь? Странное у тебя было детство. А больше ничего?

– Амулет еще. – Показала вторую находку. – Кость, а откуда ты узнал об Акулине? Справки обо мне наводил?

– Наводил, – не стал отрицать очевидного парень.

– Зачем?

– Так, я ведь уже говорил. Мне интересно все, что касается тебя.

– Я помню, но не понимаю, почему?

– Потому что ты мне очень нравишься, Ася! – произнес, проникновенно заглядывая в глаза и одновременно прикасаясь рукой к моей ладони и сжимая ее вместе с амулетом. – Я хочу знать о тебе все до последней мелочи.

– Всего о себе даже я не знаю. – Смутилась от пристального внимания и от того, что у личного разговора имелись свидетели. Некоторые вещи я предпочитала не рассказывать никому.

– Пфф! Никто не может знать о человеке все, – пробубнила Дашка себе под нос. – У девушки должна быть загадка, чтобы мужчина не потерял интереса, спустя много лет.

– Никогда не потеряю, Дарья Игоревна, если вы об этом беспокоитесь, – ответил Костя. – Я, может, серьезно настроен по отношению к Анастасии Трофимовне.

– Правда? – Я удивилась. – А мне об этом не сказали.

– Я и говорю сейчас. Настенька, станешь моей невестой? – Для убедительности Зорин еще на одно колено опустился. – Планировал это сделать в более торжественной обстановке, но так уж получилось.

– О! – А теперь я растерялась. Вот так, запросто, связать судьбу с малознакомым человеком? – Мне нужно время, чтобы подумать. Я

ничего о вас не знаю. Вы слишком торопите события.

– Ася, неужели разобьешь мне сердце?

– И в мыслях ничего подобного не было. Поднимайтесь и пойдете обратно, мы и вправду задержались. – Я засунула амулет и записку за пазуху и отвернулась, чтобы никто не увидел смятения на лице. Вдалеке среди деревьев замелькали огни. – Похоже, это за нами, – тяжело вздохнула, – достанется нам по возвращении.

– Я готов принять этот удар на себя. – Подскочив на ноги, Костя запустил магический светильник повыше. – Идете за мной, не отставайте.

Очень скоро мы встретились с деревенскими, которых Акулина направила на поиски.

– Все в порядке, барышни? – Архип с беспокойством окинул нас взглядом.

– Конечно, – ответил за нас Зорин, – увидели лисицу, захотели посмотреть зверя поближе и сошли с тропинки, а после заплутали. Вот, на ваши огни и вышли.

Вернулись мы короткой тропинкой, проложенной от лесной опушки к деревне. В неприступном на вид частоколе обнаружилась неприметная калитка, которая вела сразу к хозяйскому дому. А там уже ждали взволнованные подруги и Акулина Степановна, встретившая укоряющим взглядом.

– Нагулялись?

– Не то слово! – буркнула Дашка, подбираясь поближе к печке.

– Чего это вас в лес на ночь глядя понесло? А если б хищник напал? С кого бы потом спросили? – принялась нас отчитывать.

– Приносим извинения за беспокойство, – миролюбиво ответил Костя. – Такого больше не повторится. Тем более, никто не пострадал.

За поздним ужином обстановка постепенно сгладилась. Вновь послышался веселый смех и радостные обсуждения прошедшего дня. Я не успела предупредить Дарью, чтобы держала язык за зубами, а она, как оттаяла, выдала:

– А Константин Алексеевич нашей Аське предложил невестой стать!

– Какая замечательная новость! – усмехнулась Акулина. – Поздравляю!

– Подождите поздравлять, я еще не давала ответа, – опешила от посыпавшихся здравиц.

– Жених и невеста! – Милка захлопала в ладоши и показала мне язык.

Подруги только хихикали, поглядывая на нас, а Костя и не думал отрицать. Сидел рядышком и улыбался с загадочным видом.

– Настенька, не сомневаюсь, ты примешь правильное решение, – одобрила намерения молодого человека Зоя Матвеевна. – Только вначале гимназию окончить необходимо.

Женщинам только попади на язык, сразу детей распланируют и на внуков прогнозы составят. После ужина и бани, где мы хорошенько пропотели, девчонки собрались у меня, требуя подробностей. Я бы не торопилась с откровениями, но Григорьевой так понравилось быть в центре внимания, что она еще и приукрасила события. И целовались мы жарко, и смотрели друг на друга влюбленными взглядами, и подхватил меня Зорин на руки ловко, а не то бы расшиблась.

– А зачем же ты на дерево полезла? – изумилась Марфа.

– Так, от волка спасалась, – нагнала ужаса Дашка. – Он сначала лисицей показался, чтобы за собой в чащу заманить, а там серым хищником обернулся и напал.

– Откуда же он взялся? Вы же не говорили, что со зверем встретились! – заохала Мила, вытаращив глаза. – Нарочно, да? Чтобы не волновались? А ты что же? А Константин Алексеевич?

– Так, он Аську на дерево посадил, а меня за спину задвинул, да как треснет по оскаленной морде! Как жахнет магическим амулетом! А волк раз, и развеялся черным туманом! – продолжила вдохновенно врать подруга.

– Что же это за зверь? Разве ж такое возможно?

– Дух охранительный, темной ведьмой приставленный тайну оберегать! – шепотом поделилась девушка.

– А как же вы это узнали? Разве ж можно убить дух? Какую тайну?

– Ась, покажи им, – заговорщически подмигнув, попросила Дашка. – И записку, и амулет защитный.

Знала бы, чем это вранье закончится, ни за что бы не повелась. Но девчонки взаправду поверили, хотя первым делом следовало к

эмоциям прислушаться. Ложь гнилым привкусом отдает. Урок будет, что в любой ситуации нельзя забывать, кто ты на самом деле.

Я приложила палец к губам и на цыпочках подкралась к двери. Нарочно так сделала, чтобы повысить значимость информации. Однако, резко распахнув створку, обнаружила отшатнувшуюся в сторону помощницу Акулины. В самом деле, подслушивала?

– Я... это... – Девушка замялась и покраснела. – Хозяйка послала сказать, что чаю с травами заварила для сна. Прикажете подавать?

– Подавай. – Разрешила я, осуждающе цокнув языком. Когда помощница, облегченно выдохнув, умчалась исполнять поручение, развернулась и обвела девчонок многозначительным взглядом. – Вам понятно?

Что именно понятно, я уточнять не собиралась. Каждый додумает в меру собственной фантазии, но даже Дашка прониклась и гулко сглотнула.

– Она следила за нами?

– Кто знает? – Пожала плечами. – Может, да, а, может, и нет.

Затем я достала записку, после прогулки переключавшую во внутренний карман платья, протянула ее подругам. Милка первой выхватила листок и впилась в него взглядом. По мере прочтения ее глаза расширились от удивления.

– Девочки, мне страшно! Асенька, Даша, можно у вас переночевать? – Состроила жалобную рожицу. – Марфу пушкой не разбудишь. А, если эта Мара придет? У тебя хоть амулет есть... ведь есть?

– Угу! – зыркнула на Дарью, понимая, что пора прекращать фарс. – Да только неправда это о волках и ведьме. Бояться нечего. Дашка нарочно придумала дух охранительный, чтобы вас напугать. А в лес мы пошли тайник детский проверить.

– О! Так, ты вспомнила? – обрадовалась Марфа.

– Э... не совсем.

– А как же о тайнике узнала? – Мила исполнилась подозрительности. Моим заверениям, что опасности нет, ни на грош не поверила.

– Я во сне увидела, – влезла с признанием неожиданно посерьезневшая Дарья. – Представляете? Мне той ночью приснилось Аськино прошлое! Разве так бывает?

– Вот теперь у меня мурашки по коже! – призналась Марфа. – Я тоже видела что-то странное, только не запомнила. И это... ночью так жарко сделалось. Знаете, когда кот забирается под бочок и греет? А я вроде бы сплю, но чувствую, как грудь тяжестью сдавило, не вздохнуть. Проснулась в холодном поту – никого. Милка спит, свернувшись клубочком. Значит, не могла случайно перекатиться. Да и как бы у нее это получилось? Я тут же в сон провалилась, а на утро позабыла все. Показалось, будто дурной сон приснился. А теперь заговорили о странностях, и я вспомнила.

– Ася, а когда обратно поедем? – с причитанием спросила Мила. – Я уже по родной гимназии заскучала.

– Может, сейчас уйдем? Пока хозяйева спать легли? Разбудим Зорина, расскажем правду, он тебе не откажет, – предложила Марфа. – Я с воротами справлюсь, открою, а он нас на паромобиле вывезет. Дорога тут одна, не заплутаем.

– А Зоя Матвеевна? Она же с хозяйкой в одной комнате спит! – напомнила Милка. – Как же мы ее тут одну бросим?

– Девочки! Никто и никого бросать не собирается. На ночь глядя тоже бежать не следует. Дорога, может, и одна, да только в темноте пойдешь, разглядишь ее. Давайте подождем до утра и решим, что делать дальше, – предложила разумный вариант.

В этот момент в дверь постучалась помощница и с нашего разрешения затащила поднос с заварником и четырьмя чашками. К чаю прилагались блинчики со сладкими начинками и пирожки. Поблагодарив девицу за труды, выпроводила ее и прикрыла дверь. Затем взяла заварник, подошла к окошку, распахнула створки и выплеснула содержимое наружу.

– Мы же собрались бодрствовать? А чай для сна заварили, – пояснила свои действия, а то Мила уже возмутиться хотела.

– Ну, хоть пирожков-то можно? Вкусные. Когда еще вдоволь наедемся?

Насчет еды возражений не последовало, и мы честно поделили угощение на четверых. Засиделись допоздна, подбадривая друг друга разговорами. Мила клевала носом, но стойко держалась. Я не выдержала и сжалилась.

– Ляг, поспи, а я присмотрю. Девочки, и вы ложитесь. Я подежурю первой и через три часа разбужу Марфу, чтобы сменила, а

после Дарья покараулит.

– Все равно страшно, – прошептала Мила.

– Оберег дам, который защитит от ведьмы, хочешь? – предложила я, и подруга закивала болванчиком.

Стащив с запястья красную нитку, повязала Милке на руку. Амулет же повесила себе на шею, использовав ленточку вместо шнура. На одну ночь сойдет.

Поскольку Марфе первой меня менять, то постелила ей на лавке, а Дашка с Милкой на кровати валетом улеглись. Дополнительные одеяла и подушки из другой комнаты притащили, так что все устроились с удобством. Я облюбовала плоскую крышку вещевого сундука, приглушила свечи и настроилась на ожидание.

Через полчаса подружки размеренно засопели, а у меня мысли крутились вокруг странностей, начавшихся с нашим приездом. Если Акулина воспитывала меня, как дочь, и отношения были теплыми, чего ж тогда приветила настороженно? Так врагов встречают или тех, кому не рады. Я ведь приехала сюда за воспоминаниями. Возможно, я повела себя не так, как обычно? И Акулина догадалась, что со мной что-то не так? А сны эти? А доказательства, что обнаружились благодаря им? Вдруг, Мара – это она?

Неожиданно Милка вскрикнула, забормотала непонятное, завозилась, одеяло на пол сбросила. Приснилось чего? Я подошла, чтобы поправить одеяло и разбудить, ведь явно что-то неприятное увидела. Только тронула девушку за плечо, как она резко перехватила меня за запястье. Видение накрыло внезапно, врываясь в мысли яркими картинками.

Прошлое. Мое. Обрывки детских воспоминаний. Я совсем маленькая. Мне холодно и страшно. Живот сводит от голода. Вокруг полно детей. Они злые, норовят отобрать еду, шпыняют, обзываются. И повсюду мерещатся страшные тени. Некоторые преследуют по пятам, другие только в определенных местах появляются. Жуть, да и только! Но потом появляется защитник, и сразу становится легче. Он старше и не дает в обиду другим детям, не позволяет отнимать еду и держит за руку, когда не получается уснуть. Мальчик тоже видит черные тени и умеет их прогонять. Рядом с ним безопасно. Не хочу, чтобы он уходил.

– Ты не бросишь меня? – спрашиваю ночью, проснувшись из-за кошмара.

– Никогда, Асенька. Мы всегда будем вместе, – отвечает, крепко сжимая мою ладошку. И мне становится хорошо и спокойно. Засыпаю с улыбкой на губах.

Снова скачок во времени, я чуть постарше. Наша дружба стала крепче, другие дети нас со Славиком опасаются и сторонятся. Немудрено! Теперь я знаю, что черные тени – это призраки, души умерших, не нашедшие упокоения и преследующие живых. Мы их видим, другие – нет, поэтому люди считают нас ненормальными. Славик учит, что никому нельзя говорить о призраках. И с ними тоже нельзя говорить, иначе голову заморочат и сведут в могилу.

Но не все призраки плохие. Я это знаю. Один привел в лес, где я нашла раненого ворона. Мальчишки подбили. Они злые, птиц стреляют, живность мучают. Прячу ворона, чтобы никто не нашел, тайком таскаю еду. И Славика не говорю, потому что он не любит, когда я мало ем. Мне ведь не нужно много, а поделиться не жалко. Ворон такой добрый, истории показывает, когда его гладишь. Будто где-то есть родные, которые меня ищут. Они живут в огромном доме, каких я отродясь не видела, одеваются в красивые наряды. Лучше, чем у купчихи Митрофановой, покровительницы приюта! Люди обращаются к ним «ваши светлости» и низко кланяются. В приюте каждый ребенок представляет, что его по ошибке потеряли или забыли, и вот-вот найдут. Но никто не придет и никому мы не нужны. Так сказал Славик, а он никогда не обманывает.

Следующая картинка отдает тревогой. В приюте пропал мальчишка из старших. Вчера Васька отобрал еду, которую я несла ворону, и ударил больно по лицу. Я никому не говорила, даже Славика, но он узнал и разозлился. Взрослые ушли в лес на поиски, а вернулись странные. Сначала запретили спрашивать о Ваське, а потом сказали, что его забрали родственники. Глупости! Не было у него никого. Но никому нет дела, пропал и пропал. А потом Славик вдруг узнал, что я хожу в лес и ношу еду птичке. Ворон клюнул меня в руку до крови, я стерпела, хотя было больно. Славик будто почувствовал, что меня обидели, и прибежал запыхавшись. Первый раз он накричал, обзывая глупой девчонкой. Хотел убить птицу, но я вцепилась в его руку, повисла на ней, умоляя не делать этого. И тогда я увидела! Увидела,

как Славик подкараулил Ваську в лесу и забил до смерти. Я заплакала, спрашивая, зачем он это сделал.

– Потому что он посмел тебя обидеть! Не стоило распускать руки! – И никакого раскаяния в глазах.

Хорошо, что ворон к тому времени поправился и отлетел на безопасное расстояние, спрятался среди ветвей. Несмотря на запрет, я все равно носила еду и оставляла под деревом. Она исчезала на следующий день. Я верила, что это ворон забирает, а не дикие звери растаскивают.

А потом в приюте случился пожар. Славик вытащил меня, но там остались другие дети. Я плакала, умоляя спасти их, и он сжалился. Ушел, наказав мне ожидать на опушке. Я и ждала, пока не появился пернатый знакомый. Обрадовавшись, я побежала за ним и не заметила, как выскочила на дорогу. Кучер еле успел направить лошадей в сторону, иначе затоптали бы. Испугавшись, я присела на корточки, закрыв глаза руками. Тяжелая карета остановилась совсем рядом. Сквозь раздвинутые пальцы я увидела огромное колесо с налипшим снегом и кусочками грязи.

– Что случилось? – Из кареты выскочил пассажир. – Кто это у нас тут? – Наклонился и легко подхватил меня на руки. – Как тебя зовут, маленькая? Что ты на дороге одна делаешь? Потерялась? Родители, наверное, ищут, беспокоятся.

– Не ищут. Не нужна я никому, – пискнула в ответ. – Приют наш сгорел. Теперь и жить негде. Асей меня зовут.

– Ох! Вот оно что! – Мужчина озадаченно оглянулся на зарево, освещающее небосвод.

– Что там такое, Трофим? – Из кареты выглянула миловидная женщина.

– Да вот, сиротку едва не задавили. Говорит из приюта. Думал, домой ее отвести, а, выходит, что некуда. Сгорел приют. И что нам с тобой теперь делать?

И что ему отвечать? Смотрела на него полными слез глазами, кусая губы, чтобы не заплакать. В приюте слезами никого не разжалобишь.

– Барин, что решили? Ехать нужно, – окликнул кучер, поторапливая пассажира.

– Ладно, с собой заберем, а там посмотрим, что делать, – после недолгих размышлений, ответил мужчина и забрался внутрь кареты.

Там меня рассмотрели со всех сторон, расспросили, накормили пирогами. А чего мне скрывать? Родителей нет. Сколько себя помнила, жила в приюте. Никому не нужна. Славик только беспокоиться будет, искать.

– А кто такой Славик? Старший брат? – уточнила женщина. Добрая, с мягкой улыбкой и ласковыми руками.

– Нет, это друг. Он защищает от мальчишек, обижать не дает и еду отнимать. Расстроится сильно, я ведь ждать обещалась. Надо ему сообщить, где я. А куда мы едем?

– Домой, Настенька, – выслушав мою историю, ответил мужчина. – Родители мы твои, папа и мама, а ты – наша дочка. Нашлась вот нам на радость. Да, Валюша?

– Да, родной. – Всхлипнув, женщина распахнула объятия. – Иди скорее, обниму тебя, дочка.

Видение развеялось, и это совпало с тем, что Милка успокоилась и отпустила мою руку. Подружка счастливо улыбнулась, будто увидела что-то приятное, повернулась на бочок и сложила руки под голову лодочкой. А я, огорошенная неожиданными откровениями из прошлого, доковыляла до сундука и рухнула на него, без сил.

Та маленькая девочка – я, это мои воспоминания. Как же получилось, что их увидела Мила? А прежде Дарье открылась часть моего прошлого. Нехорошая догадка царапнула сердце острыми коготками. Раннее детство, приют и удочерение – эти воспоминания достались младшей из подруг. Дарья с ее тяжелым прошлым увидела лучшую часть – жизнь в кругу семьи и любящих родителей. Но ведь есть и третья подруга! Марфа – самая крепкая и выносливая из нас. Возможно, в ее памяти сокрыта оставшаяся часть моего прошлого? Неужели я нарочно сделала это, заместив их воспоминания своими? Девчонки сами рассказывали, что я помогла им освоиться в гимназии. В голове не укладывается, что такое возможно.

Я? Сделала? Нарочно: – осознания этого факта выбило из колеи. – Как? Чтобы проверить такое, необходимы знания. Магия разума? Но я не маг! Гимназистов тщательно тестируют на наличие дара. В личном деле так и записано: «Неполноценное развитие магических

каналов и не раскрытый источник, вследствие чего накопление и преобразование магической энергии не представляется возможным».

Немного успокоившись, я решила проверить теорию и, если она подтвердится, посмотреть оставшиеся воспоминания. Подошла сначала к Дарье, которой досталась счастливая часть. Взяла девушку за руку и сосредоточилась, вгоняя себя в то состояние, при котором способна обнаружить энергетический след событий. Неужели ошиблась? Я ничего не увидела и, кажется, догадывалась, почему. Милка напугалась рассказом о Маре, и под сильным эмоциональным потрясением из подсознания ночным кошмаром всплыли спрятанные воспоминания. Дарья ведь ни на секунду не усомнилась, что ей все приснилось. Во сне человек расслаблен и беззащитен. Кто знает, может, это проделки Мары? Может, она нарочно подстроила так, чтобы свести меня с ума? Столько вопросов и никаких ответов. На всякий случай повторила эксперимент с Марфой, но он также не увенчался успехом.

И что теперь делать? Бросить все и уехать утром? Но ведь я почти вспомнила! А как же девчонки? Из-за меня они подвергаются серьезной опасности. Вдруг эта Мара существует и каждую ночь проникает в сны, чтобы поработить человека или свести с ума?

Но ведь это легко проверить! В детском стишке говорится, что ночью ведьма спит беспробудным сном, пока дух гуляет по округе. Значит, нужно под благовидным предлогом разбудить всех женщин, находящихся в доме. Начала я, конечно, с подруг, потому что оставлять их без присмотра не хотелось. Вот только девушки спали таким глубоким сном, что не удалось их растолкать.

Не могут же они... Нет, это хитрая уловка! – Живот скрутило в тугой ком, а по телу прошла волна холодной дрожи, от которой волоски стали дыбом. В тишине за дверью скрипнула половица.

Глава 11

В гимназии готовили к тому, что видокам иногда открываются вещи, выбивающиеся за рамки морали и норм приличий. Однако всему таинственному и странному найдется рациональное объяснение. Магия предоставляет широкое поле для экспериментов, но большей частью виновниками преступлений становятся обыватели. Или же маги-самоучки, которым мнимая власть кружит голову. Но лучше сто раз схлестнуться с живым видимым противником, чем столкнуться с загадочными необъяснимыми явлениями.

Я обмерла от страха, когда засов на двери медленно сдвинулся в сторону. На выдохе затушила свечу и затаилась. Подтянула ноги к туловищу, обняла их руками и уткнулась лицом в колени. Створка без единого скрипа приоткрылась. В слабом полумраке, где очертания предметов виделись серыми, показалась черная тень. Я зажмурилась, ощущая, как заполошно бьется сердце. В голове набатом звенел собственный пульс.

Нечто потустороннее проникло в комнату и прошло мимо, обдавая стылым холодом. Шагов я не слышала, но чувствовала – оно тут. Еще немного, и нервы не выдержат напряжения.

Внезапно внизу раздался шум. В тишине звук падения на пол чего-то тяжелого показался громким.

Кто-то из мужчин проснулся? – Я машинально вскинула голову и увидела, как к двери метнулась сторбленная фигура с короткими ногами и длинными руками, достающими до пола. На пороге тварь обернулась, пронзив меня взглядом светящихся зеленых глаз. – Неужели почувствовала, что я на нее посмотрела?

Мертвенно-белая морда с приплюснутым носом и свисающей нижней губой. Вместо глаз темные провалы, в глубине которых горит зловещий огонь, кожа морщинистая, длинные волосы свисают грязными паклями. Это она? Мара?

На лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался, и это спугнуло тварь. Она шагнула в коридор и растворилась в темноте.

Дверь сама собой закрылась.

– По... по-мо-ги-те! – я беззвучно зашевелила губами, тщетно пытаюсь закричать. От испуга голос пропал.

– Эй, здесь есть кто? – спросили снаружи, и я облегченно выдохнула, узнав голос Кости. В щели под дверью показалась полоска света. Раздался негромкий стук. – У вас все в порядке?

– Нет! – хотела закричать в голос, а вместо этого вырвался сдавленный сип.

Когда Мара зашла, я так стиснула руки, что мышцы задеревенели. Страх еще не отпустил, и разжать их не получалось, хотя я прилагала титанические усилия. Если Костя уйдет, я снова останусь наедине с жуткой тварью. А она вернется, знаю. Поняла по пронизывающему взгляду, каким Мара наградила напоследок. Беззвучно подвывая от ужаса, принялась раскачиваться, чтобы столкнуть на пол подсвечник.

Зорин, не дождавшись ответа, ушел. Расслышала удаляющиеся шаги, когда мои отчаянные попытки увенчались успехом. Подсвечник мягко упал свечой вперед, звякнул и покатился по полу. Такой звук вряд ли услышишь на лестнице и заподозришь неладное, но Костя не подвел. Подбежал и распахнул дверь, освещая комнату световым шариком.

– Настя? Что тут творится? – Бросился ко мне, касаясь ладоней, лица, щек, вытирая слезы и осматривая на предмет повреждений. – Тебе плохо? Ты ранена? Кто тебя напугал?

Человеческий голос, тепло рук и сочувствие прорвали плотину оцепенения, и я с плачем подалась к парню, который обнял и прижал к себе крепко.

– Ты вся дрожишь! И холодная как лед. Асенька, что произошло? Может, водички? Хочешь пить? Давай, я сбегаю, принесу!

– Нет! – Вцепилась в парня мертвой хваткой. – Не уходи! Не оставляй одну!

– Я никогда тебя не оставлю, Асенька. Мы всегда будем вместе. – Ласково погладил по голове и поцеловал в макушку. – Расскажи, что случилось? Кто тебя обидел?

– Это Мара... – прошептала, уткнувшись лицом в рубашку Костика. – Она приходила. Я видела! И это не человек! Мара похожа на оживший ночной кошмар. До сих пор трясет, как вспомню ее взгляд.

– Ш-ш, все позади. – Костя принялся успокаивать, ласково поглаживая по волосам. – Ведьма тебя не тронет, я этого не допущу. Никто не тронет. Никому не позволю тебя обижать. Не плачь, Асенька, я рядом.

– Эй! Вы чего тут шумите? – сонно пробурчала Марфа. – Дайте поспать.

– Нет! Нельзя спать! Просыпайся! – обрадовалась подруге.

– Чего это? – спросонок, девушка не сразу вспомнила, о чем мы договаривались. Она сладко потянулась и зевнула, протирая глаза. А потом вдруг увидела в комнате Костю, испуганно ойкнула, покраснела и натянула одеяло до подбородка. – Константин Алексеевич, а вы чего тут? Ася, ты плакала? Да что происходит?

– Марфуша, как я рада слышать твой голос. А девочки? Их тоже надо разбудить! – высвободилась из объятий парня и бросилась к ним, намереваясь растолкать.

– Постой! – Костя перехватил за руку. – Может, не нужно пока? Хотя бы Людмилу, пугливая слишком.

– Ты прав, Милке потом расскажем. – Кивнула и потрясла Григорьеву за плечо. – Даша, просыпайся!

– Что? Уже? Я же только прилегла! Еще пять минуточек, – пробормотала она, не размыкая глаз. – Может, без меня на зарядку сходите? А к завтраку ммм...

– Нет. Даш, мы не в гимназии. Поднимайся, пока Мара не утащила.

– Мара? Какая Мара? Не знаю никакой Мары. Я одним глазочком еще немножечко. – Растолкать Дарью с утра та еще проблема!

– Девочки, я не шучу! Просыпайтесь! Она приходила, я видела. Мара существует!

Не сразу, но слова достигли цели. Марфа, пока я тормозила другую подругу, снова задремала. А тут подскочила на месте, как ужаленная, мигом сон слетел.

– Шутишь? Не смешно, между прочим.

– Какие шутки! Я чуть с ума не сошла. Будила вас, но бесполезно. Потом слышу – половица скрипнула, ходит кто-то. Я свечку затушила и затаилась. А дверь сама вдруг открылась, и тварь вошла. Думала, сердце от страха остановится. Не знаю, зачем она приходила, но ничего не успела сделать. Костя внизу зашумел и этим отвлек Мару.

Она бросилась вон из комнаты, но на пороге обернулась, и тогда я ее рассмотрела.

– И что? Какая она? – шепотом спросила Дашка.

– В ней нет ничего человеческого. Мертвецы, и то краше бывают... – описала в двух словах детали, что врезались в память.

– Так, утром уезжаем! – тоном, не терпящим возражений, заявил Костя. – После придем сюда следователей, ищек, тайную канцелярию – всех на ноги поставим. Главное – увезти вас в безопасное место. Асенька, ты до сих пор дрожишь.

Зорин укутал меня в одеяло, но зубы все равно отбивали дробь, а мышцы рук дрожали после перенапряжения.

– Марфа Ивановна, Дарья Игоревна, позаботьтесь об Асе, а я пока вниз спущусь, Нахлебова подниму. И закройте на задвижку. Я, как вернусь, постучу вот так. – Для примера отбил затейливый ритм по крышке сундука. – Не бойтесь. Мара приходит к спящим, если я правильно понял. Пока бодрствуете, вам ничего не грозит.

– А как же Зоя Матвеевна? – Вспомнила о воспитательнице.

– Сначала приведу Нахлебова, а потом схожу за ней. Не бросим, конечно, – согласился Зорин. – Но, если она уже под влиянием ведьмы? Тогда Панфилова будет препятствовать отъезду и представлять опасность для всех.

Марфа быстрее пришла в себя и, когда Костя ушел, заперла дверь. Для надежности еще стулом подперла, потому что засов для Мары не преграда, как оказалось. Пока наш защитник отсутствовал, мы спешно оделись и растолкали Милу. Узнав последние новости, мелкая затряслась, как осиновый лист.

– Я знала! Знала, что нельзя засыпать! Боже, я теперь не усну – бояться буду, – запричитала она.

– Девочки, мы что-нибудь придумаем. – Сказала скорее для себя, чем для них. – В записке сказано... а где она?

Я помнила, как достала листочек, чтобы показать подругам. Первой прочитала Мила. Дашка уже видела текст, поэтому бумажка перекочевала к Марфе. А вот она, кажется, так и не отдала.

– Марфуш, а где записка? Куда положила?

– Я? – Удивленно вытаращилась девушка. – Никуда. Не помню. Тебе отдала.

Мы обыскали вещи, перетряхнули постель, но записка бесследно исчезла.

– Кто-нибудь помнит, что там написано? – Обвела девчонок взглядом.

– Только общий смысл. – Григорьева виновато пожала плечами. – Там упоминалось, что ночью она спит беспробудным сном. И во сне нельзя трогать, иначе вернется и отомстит. А вот днем можно поймать ведьму и сжечь.

– Жечь никого не будем! – Я поежилась, припоминая запах гари в подвале купца Холзмана. – Мы не звери, чтобы так с живым человеком обходиться. Костя прав! Уедем в безопасное место, а дальше пусть полиция разбирается.

Через десять минут вернулся Костя. Один, что странно, без Тараса Григорьевича.

А где? – Уставилась на него с немым вопросом в глазах.

– До рассвета еще пару часов. Вот и предложил чайку крепкого заварить для бодрости. Подойдет скоро.

– Это он вовремя придумал, – поддержала идею. – Так, что решим с Зоей Матвеевной?

– Схожу. – Зорин вздохнул. – Но что-то подсказывает, не поддержит она столь поспешный отъезд.

В дверь постучали. Я невольно вздрогнула, а девчонки затаились испуганно. Вроде не страшно нам вместе, Мара вряд ли сюда сунется, а тревожно вдруг сделалось.

– Не бойтесь! Это же Тарас Григорьевич, – успокоил наш защитник и отправился открывать.

Снаружи действительно оказался охранник с подносом в руках, заставленным чашками, заварником с дымящимся чаем, вчерашними пирогами.

– Доброго здоровьица, барышни, – Нахлебов осторожно переступил порог и бочком протиснулся в дверной проем. – Решил чайком вас побаловать. Глядишь, быстрее скоротаем время до рассвета.

Подружки засуетились, накрывая импровизированный стол, повеселели. Тарас Григорьевич оказался прав, что переключил внимание на знакомые приятные вещи. Могут ведь некоторые

мужчины одним присутствием внушать уверенность, что все будет хорошо. Я тоже соблазнилась кружкой горячего напитка.

– Вижу, вы теперь в надежных руках. Справитесь без меня? – спросил Костя.

– Да, – кивнула, с тревогой глядя на парня. – Возвращайся побыстрее и не рискуй без необходимости. Если заперто изнутри, или спят крепко, что не добудиться, уходи. А, хочешь, с тобой пойду? Скажу, что снова услышала, как кто-то ходит по дому, испугалась и позвала тебя.

– Не боишься больше?

– Боюсь. – Со вздохом отхлебнула из кружки, ощущая, как обжигающая жидкость проникает внутрь и расплзается по телу блаженным теплом. – Но ведь это мой дом. Я привела гостей, не зная, чего ожидать. Значит, в ответе за происходящее.

– Я тут пока ходил, обдумал сложившуюся ситуацию и считаю, опасаться нечего. Мы спугнули тварь, и она теперь затаится, если у нее в башке сохранилась хоть капля мозгов. Да, ты увидела что-то, выбивающееся за рамки привычного. Но кто подтвердит следователю, что это не ночной кошмар? Мало ли чего в темноте привиделось? Зачастую, чудовищ порождает наш разум. Я тебе верю, но и противника нельзя недооценивать. Мара же не вчера появилась и давно научилась замечать следы.

С выводами Кости, скрепя сердце, согласилась. С той частью, где подразумевалось, как сложно будет убедить скептически настроенных людей, что жуткая тварь не плод разгулявшейся фантазии. Может, это связано с возвращением памяти? В детстве мы часто боимся монстров, прячущихся под кроватью. Что, если это детские страхи сыграли дурную шутку? Эмоции уже улеглись, образы потускнели и, глядя на повеселевших подруг, ночное приключение уже не казалось таким ужасным.

А как объяснить видения прошлого, что приснились Дашке? Так, она же самая сильная из нас! Не зря видоки носят перчатки. Не потому, чтобы оградить окружающих от вмешательства в личную жизнь, а, чтобы самим защититься от чужих ненужных тайн.

Могли же мы случайно соприкоснуться во сне, из-за чего подруге отрылся кусочек моего подсознания? Тогда мои нападки на Акулину – верх невоспитанности. Она не служанка, чтобы подчиняться, и вольна

уйти в любой момент. Но не уходит, потому что прижилась в Демьяново и, чего уж тут скрывать, отлично управляется с хозяйством и вверенными в ее подчинение людьми.

Однако идти Косте никуда не пришлось. Едва он подошел к двери, как в нее постучали. Зорин замер в нерешительности, окинул нас недоуменным взглядом, будто кто-то проскользнул, пока он не видел. Но мы до рассвета теперь носа не высунем из комнаты, так что это неизвестные гости пожаловали.

– Кто? – поинтересовался видок, прежде чем открыть.

– Я это! – раздалось возмущенное с той стороны. – И чего вам не спится, молодые люди?

– На ловца и зверь бежит, – пробормотал под нос Костя и открыл дверь Зое Матвеевне.

Заспанная, с недовольным видом кутаясь в теплый халат, воспитательница вошла и огляделась. Увидев еще и Тараса Григорьевича, мирно чаевничающего с гимназистками, женщина удивленно взметнула брови.

– И что тут происходит?

– Э... – девчонки стушевались и посмотрели на меня в поисках поддержки. Ясно, кому отдуваться и объяснять все придется.

– Мне кошмар привиделся. Наяву. А по дому опять ходил кто-то. Я испугалась и разбудила остальных. – Рассказать о Маре язык не повернулся. Костя прав оказался, оправдания выглядят глупо, а доказать существование ведьмы, не имея фактов, проблематично. – В общем, я предложила уехать утром. Девочки поддержали и...

– Что за глупости! – Панфилова всплеснула руками. – Настя, ты себя слышишь?

– Я... я видела что-то ночью! Не человека! Оно проникло в комнату. Мы с девочками нашли старый тайник, и там было предупреждение о страшном существе, которое забирается в сны и сводит человека с ума. Уверена, это оно приходило сюда! Здесь опасно оставаться, поэтому утром мы уезжаем! – выпалила правду, оскорбившись недоверчивым тоном и тем снисхождением в глазах, которым смотрят на больных людей.

– Настенька! – Зоя Матвеевна подошла, ласково коснулась моего плеча. – Вспомни, зачем мы приехали? Чтобы родные места всколыхнули память. У тебя ведь уже получается, так? Ты упомянула

старый тайник. А как вы его нашли? Что-то ведь подтолкнуло к поискам? Навело на мысль?

– Ну, э... да, – сдалась, бессильно выдыхая. – Часть детских воспоминаний вернулась.

– Вот. Во-от! А я, о чем говорю! – торжествующе улыбнулась воспитательница, поучительно потрясая указательным пальцем. – В человеческом разуме заключены сложные механизмы, и никто доподлинно не знает, каким образом они функционируют. Ты вспомнила детство – это прогресс! Возможно, из-за провалов в памяти тебе кажется, что кто-то пытается свести тебя с ума. Поверь, это не так! Мы переживаем за тебя и всеми силами поддерживаем. К тому же, что тут осталось? Два дня? Акулина Степановна от души старается вам угодить. Кормит досыта, развлекает, слова поперек не говорит. Катания вам организовала, зимовье у озера уже подготовила, коньки наказала наточить. У нас одна ночь осталась, не считая этой. Послезавтра вернемся в гимназию.

Пристыженная справедливой отповедью, я опустила глаза. Правду говорят, дневной свет развеивает страхи и прогоняет ночные кошмары.

– Если только девочки пожелают оста-аться... – Не удержалась и зевнула, прикрыв рот ладошкой, а за мной и подружки синхронно повторили жест.

– Давайте попозже об этом подумаем, – сонно пробормотала Милка, прикладываясь к плечу Марфы.

– А чего тут думать, если уже решили? – буркнула Дашка, пальцами раздирая слипающиеся глаза, но в итоге заснула, свесив голову.

– Может, и не нужно пока уезжа... – Марфа, как сидела на лавке, так и завалилась на бок, выронив чашку с недопитым чаем из рук.

– Что с вами? – Борьба с накатившей сонливостью не осталось сил. Глаза сами собой закрылись, и я почувствовала, как плавно соскальзываю с края сундука.

Приходила в себя я с тяжелой головой. Мысли ворочались с трудом, и отчего-то было невыносимо жарко, а еще трудно дышать. Причиной этому был овчинный тулуп, накрывающий меня с головой. Скинула его на пол, и сразу в легкие ворвался свежий воздух с запахом хвои, застарелой сырости и горелой древесины. Соображала я вяло, но

всему этому неоткуда взяться в комнате. И где тогда я нахожусь? Приподнялась на локтях, осматривая помещение.

– О! Барышня проснулась, – обрадовался моему пробуждению Тарас Григорьевич.

Мужчина сидел на корточках и подбрасывал дрова в топку. Жарко мне было потому, что я как раз у нагретой печной стенки на лавке лежала.

– Где мы? Что происходит? – Я резко села, припоминая события, предшествующие крепкому сну.

Деревянная клетушка с потемневшими стенами, низкий потолок, узенькое окошко, затянутое бычьим пузырем, печка и лавки по стенам – не похоже на родительский дом.

– В лесу, – ответил Нахлебов таким тоном, будто бы это все объясняло. – Зимовье, что в двух верстах от Демьяново. Помните? Чудинка замерзла, подруги ваши уже всю катаются. А вас вот, как сморило в сон по дороге, так и проспали до полудня. Видно, вчерашняя прогулка еще аукнулась. Мы не сразу заметила, что жар поднялся. Как прибыли, сразу в тепло вас поместили, чтоб пропотел организм. Я отвару сварил целебного. Примите во здравие, Анастасия Трофимовна. – Подал мне массивную глиняную посудину.

Я взялась за чашу обеими руками, вдохнула травяной аромат, парком поднимающийся над жидкостью.

– Пейте, не бойтесь. – Мужчина легонько пододвинул чашу к моему лицу. – На меду, на травах целебных настояно. От хвори избавит, на ноги поставит. К вечеру, как новенькая, будете.

– А Константин Алексеевич где? – Отхлебнув маленький глоточек, заинтересовалась у охранника.

– Неприятность с ним приключилась. На ровном месте поскользнулся и упал так неловко, что ногу вывихнул. Хорошо, хоть перелома не случилось, Акулина Степановна в том разбирается. Вывих вправила, повязку тугую наложила и наказала отлежаться денек.

– Постойте! Почему я ничего этого не помню? Я бы не отправилась кататься, оставив Костю одного, без присмотра.

– Почему, без присмотра? – Удивился Тарас Григорьевич. – Есть за ним присмотр. Акулина Степановна молодого человека в гостевой комнате уложила, чтобы вниз не спускать и ногу не тревожить. Представляете, половица прогнила и подломилась под господином

Зориним. А он и не захотел никому отдых портить, сам настоял, чтобы ради него планы не меняли и ехали на зимовье, как задумали.

Слова Нахлебова ввергли меня в ступор. Что он несет? Принимает за дурочку? Я же помню, как мы нашли тайник с запиской и амулетом, как ночевали девчонками в одной комнате и как столкнулись с Марой. А вот этот замечательный человек угостил чайком, от которого потянуло в сон.

– Пейте отвар, Анастасия Трофимовна, – вновь напомнил мужчина. – Остынет – уже не тот эффект будет.

Натянуто улыбнувшись, я отхлебнула еще немного. Из рук Тараса Григорьевича я бы впредь поостереглась что-либо принимать. Однако он вел себя с такой уверенностью, будто бы я не помнила событий ночи.

– Простите, известия о Константине Алексеевича меня расстроили. – Под бдительным присмотром вынужденно осушила чашу до дна.

На вкус отвар был приятным, чувствовался мед, травы, но ощущение подвоха не отпускало. Что за странные дела тут творятся? Вернув пустую посудину, я улучила момент и незаметно проверила амулет на шее. На месте! Может, поэтому морок не подействовал? В том, что нас опоили чем-то и обморочили, я уже не сомневалась.

– Понимаю, – закивал охранник. – Только, смею заверить, молодой господин в надежных руках. К нашему возвращению будет как новенький. Завтра уже свидитесь.

– Завтра? А мы здесь заночуем? Тут же места нет.

– А, так это предбанник. Изба просторнее будет, все поместятся. Вас сюда принесли, потому что помещение было натоплено. Сразу в тепло, так сказать.

– Угу. Мне уже лучше, спасибо за заботу. Так, где, говорите, подруги катаются? Хочу к ним присоединиться.

– Да в двух шагах от зимовья, только с пригорка спуститься. Только не торопились бы вы, Анастасия Трофимовна. Побудьте в тепле, отобедайте, чем бог послал. Девушки скоро вернуться с гуляний. Как раз отдохнут, а после со свежими силами вместе и повеселитесь. А вечером в баньку сходите, косточки попарите с мороза, и никакая хворь больше не возьмет.

Вынужденно согласилась с предложением Нахлебова. Но никто ж не заставлял оставаться в предбаннике, поэтому я изъявила желание осмотреться. Мне тут же подали валенки и длиннополый тулуп, которым укрывалась недавно.

– Уж простите, барышня, но ваша зимняя одежда для деревни не годится. Вот! – Достал еще пуховый платок. – Укутайтесь теплее.

Спорить не стала, морозы опустились на землю непривычные для декабря. И заболеть, чтобы задержаться тут еще хоть на день, я категорически не хотела.

Зимовье представляло собой подворье, окруженное частоколом, что сразу напомнило о Демьяново. Одинокому жилью посреди леса необходима защита от зверя дикого или человека лихого. Деревянная изба с просторной горницей, крытым крыльцом со ступеньками и дворовыми постройками. Банька, откуда я вышла через приземистую дверь, пригибаясь, чтобы не удариться головой, расположена правее дома. Слева, ближе к озеру – сарай для разделки рыбы и домашняя коптильня. Отдельно – дровяник, конюшня и сеновал. Под навесом у ворот заметила сани. На них мы, наверное, и прибыли всей шумной компанией. Нахлебов подтвердил, что так и было.

– Такое подворье нельзя оставлять без присмотра.

– Так, и не оставляет никто. Дед Гридяй тут живет и за хозяйством присматривает. Вон он, с утра успел на охоту сходить, кабанчика раздобыл, – указал на крепкого мужика, одетого в холщовые штаны и красную косоворотку с вышивкой, топориком разделывающего тушку животного на деревянной колоде.

Я вздрогнула, увидев алые пятна на снегу, отвернулась. Вроде и понимаешь, что это часть жизни, а все одно – неприятно, навевает дурные мысли. Мужик, между прочим, на деда слабо походил. Только что курчавая голова и борода обзавелись сединой, а так – здоровья Гридяю не занимать. Вон, как мышцы под рубахой бугрятся и перекатываются, а от тела жаром пышет.

Горница в избе походила на ту, что была в Демьяново. Собственно, все деревенское жилье строилось по одному подобию, так что ничего удивительного. Печка только глиной обмазана, да лестницы на второй этаж нет, а в остальном – копия родительского дома.

С высокого крылечка открывался обзор на подворье и на расположенное в низине озеро Чудинское. Расстояние не близкое,

метров пятьсот будет, однако я разглядела, как кружатся по льду девчонки вместе с Зоей Матвеевной, Архипом и Тимошкой.

– А там кто-то живет? – Поодаль, среди темных стволов деревьев на белом фоне виднелось строение.

– Где? – Нахлебов уставился в ту сторону, куда я показывала.

Не будь столь ясной погоды, или же попади мы сюда в другое время года, когда листва закрывает видимость, то вряд ли бы я что-то обнаружила.

– Не знаю. У Гридя надо спросить. Может, сарай какой-нибудь? – охранник пожал плечами.

– Сторожка охотничья. Никто там не живет. Травы в ней сушим, грибы, – неожиданно раздался за спиной басовитый голос, отчего я невольно вздрогнула. – Ступайте в избу, барышня. Простудитесь еще ненароком.

Глава 12

Возле Гридя я почувствовала себя неуютно. Веяло от него непонятной жутью. Еще и странный темный шлейф следом тянулся, будто вторая тень. Только никто этого не замечал, как я позже догадалась.

– Располагайтесь, барышня! – Мужик проявил гостеприимство. – А лучше подсобите на стол накрыть, пока обед из печи достану.

Я молча кивнула и направилась в бабий закуток, где обнаружила фартук, который тут же повязала поверх платья. В рукомойнике сполоснула руки, а после принялась выставлять чашки на стол и раскладывать ложки.

Только управилась, как в сенях раздались звонкие голоса подружек, а после они гурьбой ввалились в горницу. Дашка сразу к печке греться кинулась, а Милка ко мне подбежала, вздох рассказывая о полученных впечатлениях.

– Ася, ты не представляешь, как это здорово! Раз, и покатишься. И упасть боязно, и весело, и дух захватывает. Мне так понравилось! Давай после обеда еще покатаемся? Айда с нами! Даже Марфа на коньки встала. Ребята поддержат вначале, а дальше само пойдет. А к вечеру дед Гридяй мясо на костре обещал пожарить. И баньку с утра еще протопил. Давно я так не отдыхала.

– Пойдем, конечно, – пообещала подруге. – А как добрались сюда, нормально? Я не припомню дороги.

– Ой, Аська, ты как села в сани, так и уснула сразу. А в лесу красота неопишная! Обратно поедем, обязательно посмотри.

Наводящими вопросами постепенно я выяснила, что никто из девчонок не помнит прошедшей ночи. Не сохранилась в памяти и вечерняя прогулка по лесу до тайника. Как и сведений о записке, амулете и Маре, что проникает в сны. Зато подруги наперебой рассказали, как споткнулся на ровном месте Костя, решивший нас проведать с утра. И какая суета поднялась, пока разобрались, в чем дело.

Но я ведь не сумасшедшая? Амулет на шее висит, и Мару я видела так же четко, как вижу черные тени за спиной Гридяя. Детские воспоминания тоже при мне. И они доказывают, что с подобными вещами я сталкивалась с малых лет. Это загубленные души, не нашедшие упокоения, преследуют убийцу. Девчонки неосознанно побаивались и сторонились мужика, только не понимали истинной причины.

Неужели Мара так заморочила головы, что вчерашний день вычеркнут из жизни? А Нахлебов? Вряд ли он по доброй воле стал бы служить ведьме, ведь на верность императору присягал, клялся защищать интересы империи и не посрамить чести. Не похож молчун на предателя. В его словах и намерениях я не ощущала желаний навредить. Тарас Григорьевич мог и не знать, что в чай добавлено снотворное. Как и подругам, им всем внушили ложные воспоминания. Если убедить человека, что он на пользу действует, разве же это предательство? Только мне от этого не легче. Что от меня нужно Маре? Или от моих друзей? Как это выяснить, если единственный человек, не подпавший под влияние ведьмы, выведен из строя? Костя с самого начала отнесся к Акулине Степановне с подозрением. Выходит, что она и есть ведьма?

Эх, знать бы, что скрывается в последней части воспоминаний. Очевидно, в них спрятаны ответы на все загадки.

Я решила притвориться на время, что по-прежнему ничего не помню. Если Нахлебов не обманул, завтра вернемся в Демьяново, а дальше посмотрим, что делать.

После обеда я отправилась вместе с девчонками, Зоей Матвеевной и деревенскими ребятами на озеро. Кататься на коньках и вправду весело. Вроде бы с прошлого года позабылись умения, а только ступила на лед, как тело само вспомнило заученные движения. Катались мы возле берега, дальше ребята запретили заходить. В некоторых местах виднелись островки талой воды, к которым даже приближаться опасно. Со дна там бьют родники, и лед вокруг тонкий намерз, можно легко провалиться. Во время прогулки я изредка поглядывала на дальнейшее строение. Не выглядело оно заброшенным, вдоль озера по снегу вилась цепочка следов, уходящих к дому.

Проверить бы, что там! Но как это сделать, не привлекая внимания, я не представляла.

Остаток дня и вечер прошли, как и описывала Мила. К нашему возвращению Гридяй запалил костер на улице, а когда угли прогорели, пожарил замаринованное в специях мясо. Такой вкуснятины давненько не пробовала. А уж после прогулки, да на морозце, угощение разошлось на ура. Затем была банька и травяной чай, пить который я поостереглась. Внимательная Дарья заметила это и тоже отставила кружку в сторону, позже выплеснув содержимое на пол.

Ночевать нас положили в горнице. Мне и Милке досталось место на печи, Дарью на полати отправили, а Марфе и воспитательнице на лавках постелили. Архип с Тимошкой и Нахлебов легли в предбаннике, а Гридяй дежурить вызвался и не собирался спать.

Пугать девчонок и рассказывать правду на ночь не стала, всполошатся только или не поверят. Дверь я закрыла на засов, но не почувствовала себя в безопасности. Слышала, как снаружи поскрипывает снег под сапогами или же прогибаются доски на крыльчке под тяжелым весом. В окошке, освещаемом серебристой луной, иногда мелькал мужской силуэт. Может, и нет в том ничего предосудительного, что человек не спит и караулит наш покой, но я не могла заснуть, ворочалась с боку на бок.

Внезапно я ощутила пристальный взгляд с той стороны окна. Короткие занавески не закрывали обзор, и оттого я видела застывшее лицо Гридяй за стеклом, заглядывающего в горницу и будто выискивающего кого-то. Но это еще не самое странное. Марфа, спавшая до этого глубоким сном, вдруг поднялась и села. Нащупала сапоги под лавкой и принялась их натягивать на ноги. Вроде бы ничего такого, но не когда подруга двигается с закрытыми глазами, как сомнамбула, а в окно в это время таращится бородатая морда. Следом за Марфой Зоя Матвеевна поднялась, а потом Милка зашевелилась, спустилась с печки, обулась и направилась к двери, где на гвоздиках висела верхняя одежда. Спали мы одетыми, так удобнее. Без единого слова девушки утеплились, отперли засов и вышли на улицу. Я тихонько спустилась и подбежала к опустевшему окошку. Заметила, как четыре темные фигуры направились к воротам.

– Ась, что происходит? – шепотом окликнула Дашка.

– Не знаю, но явно что-то нехорошее. Этот Гридяй – душегуб, девчонок куда-то повел. Надо их остановить!

– Так, давай парней разбудим! Тараса Григорьевича! – Подруга слезла с полатей, ловко запрыгнула в валенки и схватила в охапку полушубок.

– Боюсь, что они на одной стороне. Нас опоили и головы заморочили. Бежать нужно, да только куда? Я не видела, какой дорогой нас привезли. Заплутаем в лесу и сгинем. А справиться с таким, как Гридьяй, мужская сила нужна. Он четверых одной левой положит.

– У Нахлебова мушкет с собой. Я видела – в саях припрятан. – За разговором мы вышли на улицу и добежали до ворот.

Среди деревьев я с трудом различила человеческие силуэты. Еще немного, и потеряю подруг из виду.

– Вот что! Раздобудь мушкет и догоняй. Боюсь, если обе задержимся, упустим девчонок. Ночью нам их вовек не сыскать.

Дашка, кивнув, повернула обратно, а я побежала по натопанной тропинке к озеру, уповая на то, чтобы путники не оборачивались. Сердце пропустило удар, когда сообразила, куда они идут. Четверка спустилась к берегу и направилась в обход к сторожке, которой якобы не пользуются. Обмирая от страха, я кралась по тропинке, готовая в любой момент упасть в снег. Прятаться больше негде, а на открытом пространстве одинокая фигура на белом фоне заметна издали. Но путники так и не обернулись, будто не сомневались, что за ними никто не следит. А вот я вертела головой, высматривая Дашку, которой давно пора появится.

Примерно на середине озера следы резко свернули направо к взгорку и запетляли среди деревьев. На какое-то время я потеряла подруг из виду, а когда поднялась наверх, на улице никого уже не было. Строение мало походило на сторожку, скорее на сарай или скотник с широкими воротами. В щель из-под двери пробивался свет, а изнутри доносились странные звуки, напоминающие завывание ветра. Окна на первом этаже были наглухо заколочены. Я обошла строение по кругу и с обратной стороны на мансардном этаже заметила узкое оконце. Другого способа проникнуть внутрь я не нашла, поэтому полезла наверх, цепляясь за выступы деревянного сруба. Однако в тулупе и зимних одеждах, делающих любого человека толще и неповоротливее, далеко не забраться. Раз пять я срывалась и падала в снег, но упрямо понималась и лезла снова. Тулуп пришлось снять, как и сапоги, постоянно соскальзывающие с обледенелых уступов.

Наконец, я добралась до окошка и ввалилась внутрь. Сапоги я прихватила с собой, заткнув голенищами за пояс, поэтому тут же обулась. А вот тулуп так и остался лежать на улице.

Оказалась я на открытом чердачном перекрытии. Возле окошка как раз обустроили настил длиной в пару метров, а дальше только лаги, на которых держалась крыша. Я подобралась к краю и осмотрелась. С высоты открывался превосходный обзор, и увиденное мне категорически не понравилось.

На земляном полу горели огнем громадные круги. Такой эффект создавали свечи, расставленные по периметру окружностей. В центре, касаясь земли острым краем, парил в воздухе валун размером с быка. Ума не приложу, отчего камень не падал, ведь в верхней части он шире и толще, чем в нижней. Вокруг валуна булыжниками, утопленными в землю, выложена тропинка, закручивающаяся в спираль. Или даже лабиринт, внутри которого запросто пройдет человек.

У входа в лабиринт высятся два гладких столба, к которым прикован Зорин. Обнаженный до пояса парень, свесив голову, стоит на коленях с разведенными в стороны руками. Натянутые цепи до крови врезаются в запястья, но жертва этого будто не замечает и ни на что не реагирует.

Присутствовали здесь и другие участники странного действия. Обряженные в домотканые длинные платья простоволосые женщины с подведенными сурьмой глазами. Марфу, Зою Матвеевну и Милку я обнаружила внутри боковых кругов. В остальных угадывались крестьянки – помощницы Акулины, играющей тут главную роль. Костя не ошибся, назвав ее ведьмой. Она выделялась среди других одеждой, украшенной ручной вышивкой, а еще амулетами, висящими на шее и прикрепленные к веревочному поясу.

Акулина медленно вышагивала по лабиринту, тогда как остальные стояли за внешней частью круга и, взявшись за руки, раскачивались, завывая унылую песню на непонятном языке. Я оторопело наблюдала, как мачеха раскланивается на четыре стороны на каждом витке спирали, как стоит у камня, воздев руки к небу, и шевелит губами, будто бы читая молитву или же взывая к валуну. От него веет силой, тягучей, мощной, порождающей вибрации в теле. Не удивительно, что ему поклоняются, как божеству.

Ну и пусть бы себе били поклоны и водили хороводы. Кто запретит? Возмущало другое, что в свои сети Акулина затягивала людей против воли. Зачем ей понадобился Костя? Вряд ли он планировал повисеть на столбах, выбравшись на природу в выходные.

Наконец, Акулина завершила молитву и направилась обратно тем же ходом, но уже без поклонов. Удивительно, что сверху лабиринт казался единой лентой, закрученной в спираль, а на деле у него имелся вход и выход. Я заметила это, запомнив, что вошла ведьма с левой стороны от камня, а вышла с правой и сразу направилась к Марфе.

– Ты должна уничтожить зло! – Сказала она девушке и вложила в ее руку нож.

Злом Акулина посчитала Костю. Чем не угодил? Не поддался ведьминским чарам? Сразу раскусил, кто она такая? Почему же Зорин не настоял на отъезде? Что заставило поселиться в доме, принимать еду и питье из ее рук? Костя ведь ради меня приехал. Может, в этом причина?

Марфа тем временем подошла к парню, схватила его за волосы и задрала голову кверху. В отблеске свечей глаза у Зорина закружились чернотой, преображая в натурального монстра. Охнув, я закрыла лицо руками, но тут же развела их в стороны, чтобы не упустить ни секунды. Показалось! Взгляд у Кости был человеческим, злым.

Акулина вышла за пределы центрального круга и приблизилась к воспитательнице.

– Смотри! Смотри внимательно! – приказала, ни капли не сомневаясь, что Панфилова подчинится. После этого направилась к Милке, встала позади и схватила за плечи. Тут же поверх женских ладоней легли черные костлявые пальцы Мары. – Смотри-и! – прошептала зловеще и указала на Костю. – Сделай это! – потребовала ведьма у Марфы. – Не медли!

– Нет! – вырвалось отчаянным вскриком, когда подруга замахнулась, чтобы перерезать жертве горло. Я рванулась вперед, прыгая с настила в центр круга. – Не смей! Я приказываю!

Показалось, будто я не с трехметровой высоты сиганула, а с обрыва, головой в омут. Насыщенный магической энергией плотный воздух, как стылый кисель, неохотно принял в свои объятия. Просачиваясь через поры, чужеродная сила подбиралась со всех сторон, преодолевая сопротивление тела, сжавшегося в тугую

пружину. В какой-то момент напряжение достигло пика и взорвалось, проникая в сознание осколками памяти.

Я. Вспомнила. Все!

Произошло это за доли секунды или же время растянулось в бесконечность значения уже не имело. Я осознала, что стою на четвереньках, касаясь ладонями прохладного камня. Медленно выпрямилась и обвела взглядом присутствующих. Вдохнула полной грудью, чувствуя, что прежде и не дышала так свободно. Размяла шею, наклонив голову вправо-влево под ощутимый хруст позвонков, и посмотрела на Марфу.

– Не смей! – Подруга вытаращилась изумленно и отступила на шаг от жертвы.

– Вернулась? – усмехнулась Акулина. – И надолго тебя хватило? Ты же сказала, ноги твоей здесь не будет?

– Не твое дело! – Подошла к Зорину и принялась высвобождать его руку из цепей.

– Ошибаешься, Настя. Очень даже мое! – Акулина зло прищурилась. – Ты еще можешь уйти.

– Я? А мои друзья? – Покачала головой, не соглашаясь на такой размен. – Мы уйдем вместе.

– Ты же понимаешь, что это ничего не изменит? Они вернуться. Сами. По доброй воле. Все возвращаются. – По губам ведьмы скользнула самодовольная ухмылка. – Стой! – окликнула, когда я, сняв одну цепь, занялась второй. – Его нельзя выпускать. Он – зло! Уничтожь, пока можешь.

– Нет!

– Снова боишься запачкать руки? Ничего не изменилось с тех пор. Марфа! Враг. Убей врага! – приказала ведьма, добавив металла голосу.

Подруга, стоявшая до этого неподвижно, вдруг гибкой кошкой кинулась на жертву, замахиваясь для удара. Надо было сразу отобрать нож, но я не успела. Костя по-прежнему стоял на коленях, разминая затекшее и израненное железом запястье. Однако в момент атаки резво отпрыгнул, одновременно ухватившись за оставшуюся цепь и сдернув ее со столба вместе с кольцом, к которому та крепилась.

– Марфа! – Я бросилась к девушке, перехватывая за талию, чтобы оттащить в сторону.

В ту же секунду тишину взорвал оглушительный выстрел, затем еще один. Марфа заполошно заметалась, пытаясь меня сбросить, замахала руками. Я ощутила, как правый бок захлестнуло горячей плетью, отчего по телу вмиг разлилась предательская слабость. Отпустив девушку, ощупала себя и похолодела, когда пальцы окунулись в густую влагу. Медленно подняла дрожащую ладонь, убеждаясь, что она залита кровью. Не верящим взглядом посмотрела на подругу, чей образ задвоился в глазах и поплыл.

Надо зажать рану! – мелькнуло в сознании, прежде чем в поле зрения попало искаженное яростью лицо Зорина, захлестнувшего цепью шею Марфы.

– Нет! Не надо! – сорвалось с губ отчаянным хриплым бульканьем. – Пожалуйста! Помоги...

Сознание затуманилось и ноги вдруг перестали держать. Сквозь пелену сомкнутых век различила яркую вспышку, и сразу за этим надежный плен мужских объятий, не позволивших упасть. Дальше я провалилась в бессознательное состояние, в котором не ощущалось боли, только приятные теплые волны, убаюкивающие и нашептывающие, что все будет хорошо.

Проснувшись под знакомые звуки скользящей по полу швабры, хлопанье дверей и гул чужих голосов. Я снова попала в больницу. Только на этот раз беспмятством не страдала, помнила каждую минуту сознательной жизни. И было в ней много такого, о чем лучше бы никогда не вспоминать. А тут и дознаватели с расспросами скоро пожалуют. Нельзя им правду говорить. Поэтому, как ни прискорбно, а придется обратиться к той части дара, которую я подавляла и скрывала последние два года.

Погрузиться в состояние сна не так сложно, как кажется. Достаточно замедлить пульс и выровнять дыхание. Потом сконцентрироваться и не упустить момент, когда энергетическая оболочка способна покинуть тело. Ненадолго, чтобы погулять по округе и вернуться. Давно я этого не делала, поэтому потребовалось чуть больше времени на подготовку. Минут через пятнадцать накрыло приятное ощущение полета и энергетических вибраций от соприкосновения с тонким планом нашего мира. Приподнявшись над собственным телом, легко соскользнула с кровати. Оглянулась, разглядывая заострившиеся черты, тусклые волосы, разметавшиеся по

подушке, и темные круги под глазами. Болезнь никого не красит, но ничего, скоро пойду на поправку, тогда и вид прежний вернется.

Передвигалась я по воздуху, прозрачным облачком проникая сквозь стены. Для начала подплыла к смотровому окошку на двери, убеждаясь, что снаружи караулит городской. За окнами рассвет забрезжил, город только просыпался, а значит, у меня полно времени, чтобы сделать задуманное.

Я пролетела по этажу, выбирая подходящую жертву. В соседнем помещении лежала Марфа с повязкой на горле. Жаль, что подругу нельзя использовать. Следственный комитет непременно устроит девушке допрос с пристрастием. Ни к чему рисковать. Да и не было у нее тех воспоминаний, которые я прежде искала. Остались другие, вложенные Акулиной.

В медсестре, задремавшей на рабочем месте, я увидела идеальную кандидатуру. Зависнув над девушкой, углубила ее сон, приближая к тому моменту, когда наступит фаза сновидений. И, как только почувствовала, что пора, скользнула в чужое сознание. Долго копаться в мыслях другого человека я не собиралась. У каждого найдутся моменты, о которых хочется забыть, запретить себе даже думать о них. Нырнула поглубже в область детской памяти, отыскала такие и спрятала там опасные знания. Без меня информацию даже магу разума не вытащить, ведь жертва не подозревает о ее существовании. Таким же способом легко подчинить человека: заменить настоящую память ложной, убрать тревожащие события и убедить, что смысл жизни состоит в служении тебе. И также можно свести с ума, заставляя каждую ночь видеть затаенные страхи.

В какой-то степени я тоже – Мара, крадущая чужие сны. Но мой дух не отягощен смертью и не выглядит уродливой старухой, как у Акулины. Мне не нужна власть, построенная на загубленных жизнях.

В поверхностных воспоминаниях медсестры Анфисы Михайловны я увидела, кто доставил меня в больницу, и удивилась. Оказывается, безжизненную и окровавленную, меня принес на руках великий князь Леви. Выходит, та вспышка в сарае – открывающийся портал? Но каким образом канцлер узнал, что нужна помощь? Заинтригованная донельзя, я вернулась к Марфе. Она присутствовала там и видела, что происходило, собственными глазами.

Да уж! В свежих воспоминаниях девушки царил хаос. Акулине требовалось время, чтобы подчинить всех моих друзей. Первыми подпала под влияние Зоя Матвеевна, затем Милка. К Дарье ведьма не успела подобраться, вот и выбрала Марфу на роль палача.

Подруга выросла в приюте, умела за себя постоять. Однако научилась этому не сразу. Будучи рослой и развитой, она выглядела старше, чем на самом деле. И нашелся такой урод, что зажал девчонку в углу. От испуга у нее способности видока проявились. Марфа пригрозила, что расскажет, как сторож пробирается к женским купальням и подглядывает, а после пристает к воспитанницам, когда никто не видит. Обозленный неудачей и напуганный разоблачением, урод отомстил, подстроив девчонке несчастный случай. Но у Марфы сработало предчувствие, в ловушку она не попала, а вместо нее погибла другая девочка. Подруга до сих пор винит себя, что не предотвратила трагедию. Виновника нашли быстро, арестовали и отдали под суд. На заседании Марфа так и заявила, что этот человек – зло, которое необходимо уничтожить. Преступника казнили.

Акулина или ее помощницы видели, как мы разговаривали с Костей после бани, как он проявлял настойчивость в ухаживаниях. Ведьма вложила эти воспоминания девушке, усугубив негативным окрасом. Будто бы он преследовал меня и добивался взаимности, когда я этого не хотела. Хождения по дому ночью, скрипы объяснила тем, что это Зорин с недобрыми намерениями вокруг да около бродил. А, когда не вышло со мной, переметнулся на Милу. Заморочил девчонке голову и выманил ночью из дома. Много ли надо, чтобы сыграть на старых страхах и желании защитить близких подруг? Вместо Кости Марфа видела перед собой сторожа из приюта, и поэтому выполнила приказ. Вероятно, Зоя Матвеевна и Милка требовались, как свидетели, что это Бесфамильная убила парня. Иначе для чего заставляла их смотреть?

Ну а дальше события пошли не по плану. Появилась я, кинувшись на защиту парня. Затем прогремели выстрелы, раздались крики, захлестнула резкая боль в шее и наступило удушье. Порталы Марфа тоже видела, но приняла за галлюцинации. Представить страшно, какую чушь Акулина вложила в головы остальных подруг. Съездила, называется, домой на каникулы.

Я смягчила воспоминания подруги, убрала негатив к Зорину и заложила понимание, что действовала Марфа не по собственной воле, а под внушением. Это отчасти снимет груз вины, который накроет девушку при пробуждении. Ну а мне предстояло разобраться с другими проблемами.

Убийца купца Холзмана! Я вспомнила, с каким энтузиазмом мы с ребятами взялись за расследование. Каждому хотелось попробовать силы и оправдать оказанное доверие. Будь вместо меня другой видок в команде, никто бы не заметил шлейф тьмы в углу подвала. Место там жуткое, и не без причины. Но кто бы мог подумать, что следом за тройным убийством вскроются другие преступления? Мы спустились в подzemелье и остолбенели при виде жертвенного алтаря. Ребят затошнило от избыточного фона смерти и страданий. Мне тоже не по себе сделалось. Пока мы боролись с последствиями, нас и накрыло ментальным ударом. Попадали, как подкошенные. Подобной адской боли я никогда не испытывала, мозги едва не спеклись.

В таком состоянии я была слабее котенка. Почувствовала, как меня перевернули на спину, чтобы проверить, жива или нет. А дальше подхватили на руки и вынесли прочь из дурного места. Видения одно страшнее другого накрыли тогда с головой. Я забила в припадке, пытаюсь убежать, вырваться. Вроде получилось, но далеко не ушла. Всюду, куда бы ни кинулась, был огонь. Я наглоталась дыма и в итоге потеряла сознание. Живых, кроме меня и убийцы, к тому времени в доме не осталось. Получается, это он вытащил меня из пожара.

Но кто? Он? Этого я не знала. Преступник нарочно держался в тени, прятал лицо за черной дымкой. Или маской? Может, иллюзией? Но зачем? Чтобы я его не узнала?

Глава 13

Вернувшись в собственное тело, я поняла, что испытываю невероятную слабость. Будто меня выжали как лимон. Говорят, подобное ощущение присуще магам в моменты истощения. Но я – недомаг! Это подтвердили тесты и проверки, обязательные при поступлении в гимназию. Хотя понимание того, что я неправильный недомаг, наступило, когда подробнее узнала о магах и их особенностях.

Видоки не способны взаимодействовать со стихиями и влиять на мир усилием воли. Магический внутренний источник – это дополнительный орган чувств, лишившись которого человек уделяет больше внимания развитию остальных способов восприятия мира. Например, у слепых в разы обостряется слух.

Я изначально видела больше, чем другие. Призраков, чья души не улетели на перерождение, или темный шлейф смерти, остающийся на местах преступления. А умению выходить из тела и проникать в чужие сны меня обучили приемные родители.

Отец был деревенским ведуном с зачатками мага разума, а мать – травницей, странствующей по миру. Однако вовсе не любовь к кочевой жизни вынуждала Валентину Черногорову ходить от деревни к деревне, предлагая зелья и лечебные настойки. Она скрывалась от черной ведьмы, преследующей ее по пятам. Повстречав Трофима Молчанова, мама впервые нарушила правила и задержалась дольше положенного. Самое большее – неделя на новом месте, пока ведьма не разыскала через сны, а Валентина пробыла месяц. Мама открылась отцу, и он пообещал, что поможет убить ведьму, иначе она никогда не оставит их в покое. И не потому, что ей нужно новое тело для перерождения, а из лютой злобы и мстительного характера. Родители заманили ведьму в ловушку, уничтожили тело и дух, не позволив тому вырваться за пределы магического круга. Из деревни они уехали в ту же ночь, а по дороге встретили меня.

Мы осели в Демьяново и первое время жили в зимовье на берегу озера. Двенадцать лет назад под Новый год случился магический всплеск, всколыхнувший места силы. Тогда же на холме показался из снега тот валун, который земля будто бы вытолкнула наружу. Сложно сказать, стоял ли камень там прежде, или же недавно появился, но отец посчитал это добрым знаком. Возле камня способности увеличивались, а заклинания или снадобья становились сильнее. В сарае, который Трофим Молчанов построил на холме, действительно сушили травы, чтобы те впитали больше магии. Источник, пусть и слабенький, приносил пользу.

Единственное, о чем не догадывались родители, что черная ведьма нашла лазейку для спасения. В ночь убийства они сделали все, чтобы зло не выбралось из ловушки. Однако тогда мама еще не подозревала о беременности. Душа не успела поселиться в новой оболочке, зато ведьме хватило малости, чтобы зацепиться. И пусть она при этом потеряла былое могущество и затаилась до поры, но о мести не позабыла. Магический всплеск и энергия, поступающая из недр земли в Демьяново, сыграли на руку ведьме и подхлестнули ее возвращение. Постепенно она завладела разумом Валентины и взяла под контроль. Мама отчаянно боролась с тьмой, одолевающей изнутри, но тяжелые роды и потеря ребенка ее подкосили. Удаленность от других поселений и отсутствие магов привели к трагедии.

Под влиянием ведьмы мама хитростью и уговорами убедила отца, чтобы обучил меня всему, что знал сам. Так, я постепенно переняла опыт по выходу из тела и взаимодействию с человеческой памятью и снами. Мои путешествия не ограничивались родной деревней. Заснув вблизи камня, я гуляла, где вздумается, за что однажды поплатилась, провалившись в другое измерение. Нить, связующая с родным телом, оборвалась, и я безумно испугалась, что так и останусь бесплотным духом. Ринувшись к людям в поисках своего тела, поняла, что они ничего не знают о магии, а мир, так похожий поначалу, разительно отличался от моего. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем удалось найти одаренную, умеющую выходить из тела. Вот только его хозяйка не собиралась делить собственное вместилище с посторонним духом, пыталась избавиться от подселенки, вытолкнуть. Но у меня тоже не было выбора, поэтому я приходила ночами, проникала в сны и искала любую возможность найти путь домой. Вернулась я внезапно,

когда отчаялась совсем и ни на что не надеялась. Ощутила вдруг, как меня затягивает куда-то, а потом услышала зов и стремглав поспешила к месту, откуда он исходил.

Это отец, обеспокоенный тем, что пять дней не в силах меня добудиться, провел ритуал призыва. Один из многих, на который я все же откликнулась. С тех пор я зареклась надолго покидать собственное тело, а то ведь можно навсегда затеряться во времени и пространстве. Или того хуже, вернуться и обнаружить, что родная оболочка занята. В целом же, опыт по перемещению принес новые знания. Мир, где я пробыла пять недель, развивался по технологическому пути, что накладывало отпечаток на образование и сложившееся мышление жителей. Новые знания подхлестнули мои способности к точным наукам, а еще заставили повзреть раньше срока. Путешествуя по памяти и снам женщины другого мира, я будто бы прожила жизнь вместе с ней.

Визита дознавателей я ожидала с волнением. Первым, как и в прошлый раз, навестил Эдуард Францевич. Целительная волна живительным глотком наполнила меня силой и бодростью. Однако доктор отметил физическую слабость и истощение.

– Зачастили вы к нам, Анастасия Трофимовна. – Мужчина осуждающе покачал головой. – Не бережете себя. Разве можно молодой девушке доводить себя до такого состояния? Денек еще полежите под наблюдением, а завтра решим, выписывать или нет. Раны уже затянулись, но в том не моя заслуга, а амулета, который Его светлость применил. И так уж вышло, что этим спас вам жизнь. Пуля разрывная попала, много внутренних повреждений причинила.

– Пуля? А я думала ножевое. – Нахмурилась, припоминая последовательность событий.

Два выстрела раздалось один за другим. У Марфы в руках мелькнул нож, которым она опасно отмахнулась.

– А Марфа? Что с ней? Мы рядом находились. Ее не задело? – Я хоть и видела ее недавно в соседней палате, но фактически знать этого не могла. Беспокойство выглядело логичным.

– Подруга ваша жива, не переживайте. Ее по касательной задело, осколки только в мягких тканях застряли. Их уже вытащили, скоро и следа от ран не останется, – успокоил доктор.

– Уф! – Выдохнула с облегчением. – Гора с плеч упала. А Мила с Дарьей? Зоя Матвеевна? Константин Алексеевич? Никто больше не пострадал?

– В больницу только двоих доставили. Об остальных участниках мне ничего не известно, – слукавил мужчина, но я не подала виду, что догадалась, и вымученно улыбнулась.

– Хорошо, если так.

– Тогда не прощаюсь. – Эдуард Францевич поднялся с кровати, на которую присаживался во время осмотра. – Рекомендации неизменны: полный покой и усиленное питание.

Ага, покой нам только снится! – В дверном проеме мелькнули знакомые силуэты Лутецкого и Запрудова. Не иначе по мою душу пожаловали.

Господам из Следственного комитета не повезло столкнуться на входе с Эдуардом Францевичем, который живо развернул мужчин восвояси. Но, может, они и не ко мне пришли? Я расслышала, как хлопнула дверь соседней палаты. Бедная Марфа! Я уже испытывала на себе методы их допросов.

Однако рано я обрадовалась, что меня оставили в покое. Не прошло и получаса, как в палату вошел великий князь Леви.

– Доброе утро, Анастасия Трофимовна, – приветствовал скупой улыбкой.

– Д-доброе, Ваша светлость. – Я неожиданно разволновалась. Впившись пальцами в край одеяла, нервно натянула его до подбородка. – Позвольте поблагодарить за спасение. Доктор сказал, если бы не вы... а как вы узнали, что нужна помощь?

– Скажем так, я присматривал за вами.

– Следили? – И почему я не удивлена?

– Нет, в том не было необходимости, ведь рядом с вами постоянно находился сотрудник полиции, – ответил князь, пожимая плечами. – Однако магическая метка сообщила о физическом уроне и послужила ориентиром для портала. Благодаря этому вам вовремя оказали помощь.

– В любом случае, Алим Осипович, я перед вами в долгу. Спасибо. Честно говоря, не представляю даже, чем отблагодарить.

– Быть может, хорошими новостями? Вы ведь неспроста поехали в родные места? – Уставился пытливо, будто пытался прочитать

мысли.

Хотя почему будто? Он же сильнейший в империи маг разума. Кто знает, удастся ли на этот раз скрыть ту часть моей жизни, что не предназначена для посторонних.

– Да, поездка не была напрасной. Память вернулась. Но, к сожалению, я мало чем могу помочь следствию. Преступника не рассмотрела, – подробно описала тот день и ощущения от соприкосновения с убийцей.

Слушая мой рассказ, канцлер прошелся до окна и замер там, заложив руки за спину. Вот так, не видя его лица, мне легче было говорить. Под пронизательным взглядом я терялась и думала, что, должно быть, ужасно выгляжу.

– Значит, преступник входит в круг знакомых, – подытожил мужчина, когда я умолкла. – Придется уделить пристальное внимание вашему окружению. Однако же к вам меня привело не только дело купца Холзмана. Я хотел побеседовать об убийстве мещанки Купыревой, крестьянина Космачева и покушении на жизнь Зорина Константина Алексеевича.

– Акулина мертва? – я подскочила, в ужасе уставившись на князя. – Но кто? Дашка? Только не это! Я... я, выходит, виновата, раз попросила взять мушкет. Гридйя увел Марфушу с Милкой, Зою Матвеевну, и я испугалась за них. Боялась, что не справлюсь. Нельзя! Нельзя было ее убивать.

Подтянув ноги к себе, обняла руками колени и уткнулась в них лбом. Если Дарья застрелила Мару, та отомстит и изведет убийцу до смерти. Не следовало брать с собой подруг! Пусть бы обижались потом, злились, зато остались бы в стороне от этого безумия.

– Анастасия Трофимовна! – Я почувствовала, как прогнулась кровать под мужским весом, а плеча коснулась теплая ладонь. – Расскажите, почему вы так всполошились? Что на самом деле произошло в Демьяново?

– Сотрудники полиции наверняка уже опросили свидетелей, и вам лучше меня известно, что случилось, – пробурчала, зная, как работает следствие. – Я не видела, кто стрелял, так что в этом ничего нового не скажу. Да, это я попросила Дарью взять ружье. Сама в это время отправилась за гимназистками Безродной и Реутовой, которые в сопровождении Панфиловой и Космачева ушли в лес после полуночи.

Я проследила их путь до сторожки у озера, забралась в дом через смотровое окошко. Снаружи еще мой тулуп остался. В нем я бы не вскарабкалась наверх. Внутри я увидела жительниц деревни и моих подруг, участвующих в странном обряде. Господин Зорин тоже присутствовал, но вряд ли добровольно. Его привязали цепями к столбам. Руководила процессом Акулина Степановна, она и приказала Марфе уничтожить зло, а остальным, Миле и Зое Матвеевне, велела смотреть. Я решила, что Марфу опоили, ведь Костя ничего плохого не сделал, и вмешалась, чтобы предотвратить несчастье. Выстрелы прозвучали, когда мы боролись. А дальше не помню ничего – потеряла сознание.

– Это все? Может, есть еще что-то, о чем вы умолчали? – поинтересовался великий князь.

– О чем? Ваша светлость, лучше задайте прямой вопрос. Быть может, вас интересует то, что мне не кажется существенным. – Схитрила, чтобы не наболтать лишнего. – Скажите, никто из моих друзей больше не пострадал? Что с ними?

– Нет, не пострадали. Григорьева арестована, ею занимаются дознаватели. Реутова и Панфилова вернулись в гимназию. Константин Алексеевич в отцовском имении восстанавливает силы. Кстати, какие отношения сложились у вас с дворянином Зориным?

– С Костей мы друзья, не более. – Нахмурилась, не понимая интереса канцлера к моей личной жизни. Гораздо больше взволновала новость об аресте Дашки. – Дарья не виновата! Если уж на то пошло, меня тоже арестуйте! – Протянула руки, чтобы мужчина надел на них наручники. – Я просила Григорьеву взять мушкет и зарядить его патронами. Я привезла подруг в дом, не зная, что им грозит опасность.

– Опасность? – Уцепился за слово канцлер и, перехватив за ладони, стиснул в руках кончики пальцев. – Какого рода? Кто вам угрожал? Из показаний местных жителей следует, что приняли вас радушно, угодить старались. А то, что Космачев девушек ночью к святылищу повел, так это для свершения обряда по укреплению здоровья. Люди поклоняются месту силы и приходят, чтобы зарядиться энергией, прикоснуться к природному чуду. Зоя Матвеевна предупредила вас о приглашении мещанки Купыревой.

– Обряд? – Уставилась на мужчину непонимающим взглядом. – А как же Костя, привязанный цепями к столбам? Нож, который Акулина

вложила в руку Марфе и приказала ей уничтожить зло?

– Господин Зорин – видящий, и вам известно, с каким негативом и жестокостью ежедневно сталкиваются видоки. Существуют разные способы избавиться от тяжелого морального груза. Почему бы не воспользоваться моментом, если предлагают? Марфа Ивановна не собиралась никого убивать, а всего лишь участвовала в ритуале изгнания накопившейся в душе черноты.

– У Константина Алексеевича тоже такое мнение? – Вырвала ладони из рук великого князя и закусила губу, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – А я, значит, выдумала опасность, потому что ничего об этих обрядах не помнила? Тогда, почему меня не арестовали? – отвернувшись, украдкой смахнула слезинку.

Мужчина потянулся, ухватил меня за подбородок, развернул к себе и вынудил посмотреть в глаза.

– Я не считаю вас виновной. Скорее жертвой обстоятельств. Поверьте, я желаю вам добра и с радостью помог бы вспомнить прошлое, не будь ваш разум похож на слоистый пирог. Никогда не встречал ничего подобного. Что же творится у вас в голове?

– Отпустите Дарью, пожалуйста. Я виновата, понимаете? Я!

В теплых глазах великого князя так легко было утонуть, потеряться. Но меня преследовало ощущение, что для него я любопытная подопытная зверушка, а участливый тон и желание помочь – напускные. Маска, за которой скрывался холодный и расчетливый маг разума.

– Вы мне не верите, – догадался князь. – Зря. Я честен в таких вещах.

– Чего вы хотите? – выдохнула устало.

– Хочу, чтобы талантливая и способная девушка не загубила собственное будущее, не сгорела из-за чувства вины или не помутилась рассудком. Ментальный удар нелегко пережить неподготовленному человеку. Разум в стрессовой ситуации способен на такие вещи, о которых вы даже не подозреваете. И кто знает, какие способы он задействовал ради выживания.

– Отличная попытка! – Покивала, цинично усмехнувшись. – Вы верите в то, что говорите. Какая-то часть верит, добрая и отзывчивая, которая сейчас говорит со мной. Маги разума способны распараллеливать сознание, а вы сильнейший из магов. На самом деле

вам безразлична судьба провинциальной девчонки. Разве что из рациональных соображений поставить мои способности на службу империи.

– Анастасия Трофимовна, зачем вы так? – В глазах канцлера появилась жесткость. – Я далеко не такое чудовище, каким меня называют за глаза. Вам ли не знать, что людская молва склонна преувеличивать?

– Я всего лишь сказала правду, как вы и хотели. – Выдержать укоряющий взгляд было трудно, но я сумела. Наш разговор давно вышел за рамки обычной беседы и мне казалось, что я невольно коснулась чего-то личного. – Вы позволите увидеться с Дарьей?

– Нет! Она преступница, убившая двух человек в присутствии десятка свидетелей.

– У вас есть свидетели, улики, орудие преступления, но каков мотив? Зачем ей это было делать? – Канцлер не ответил, а я продолжила. – Дашка – не бездушный монстр, убивающий людей на досуге. Она бы никогда так не поступила, если бы я не убедила ее, что нам грозит опасность. Иной раз вина лежит не на том человеке, кто спустил курок, а на том, кто его направил. Вам недостает мотива? Так, он есть у меня. Когда я прыгнула в круг силы, то разом все вспомнила, и кусочки разрозненных событий, что мелькали в голове до этого, соединились в одну картину. Детские годы в приюте, встреча с родителями, которых я полюбила всем сердцем, и то, как постепенно их у меня отняли. Сначала мама ушла, а потом и отца не стало. Акулина влезла в нашу семью, рассчитывая занять мамино место, а после завладеть землями и источником. Я ненавидела ее и сбежала прежде, чем она успела разрушить мою жизнь окончательно.

– В приюте? – Неожиданно сделал стойку князь. – В личном деле об этом нет информации. Что за приют? В каком возрасте вас удочерили?

– С чего вдруг такой интерес? – Удивилась. – Лет пять мне тогда исполнилось. Как назывался приют, не помню. В ночь, когда Молчановы подобрали меня на дороге, там случился пожар.

– Анастасия Трофимовна, а вы никогда не задумывались над тем, кто ваши настоящие родители? Не хотели их разыскать?

– Алим Осипович, вы говорите загадками. Зачем нужны люди, бросившие маленького ребенка на произвол судьбы? Знаете, как

страшно мне было? Как одиноко? Я плакала и звала маму. Но в приюте слезами никого не разжалобишь. Старшие дети быстро избавили от дурной привычки, и заодно от иллюзий, что мы кому-нибудь нужны. – Тяжелые воспоминания окончательно испортили настроение. – Молчановы стали моей семьей. Самые счастливые годы связаны с периодом, когда мы жили вместе. Но довольно об этом. Все-таки, что вы скажете насчет Дарьи?

– Я подумаю, что можно сделать, – смягчился и не стал сразу отказывать князь. Ну хоть не категорическое «нет», и то хорошо. – К сожалению, мне пора. Возникли неотложные дела. – Алим Осипович резко засобирался, подскочил с места. – Обязательно навещу вас в ближайшее время. Поправляйтесь, Анастасия Ко... Трофимовна. – Уже в дверях мужчина замер и вернулся, снимая с мизинца перстенок с желтым камнем. – Возьмите на время. Это амулет. Он защитит, если вдруг что-то произойдет в мое отсутствие.

– Простите, с какой стати мне принимать подарки от постороннего мужчины? – Оторопело уставилась на украшение, которое вблизи оказалось весьма изящным. Явно непростая безделица.

– Это и не подарок, а временная мера. Убийца купца Холзмана до сих пор на свободе, а вы умудрились снова попасть в больницу. Если хотите, считайте кольцо служебной необходимостью. Главное, носите, не снимая. Давайте-ка я сам надену! – бесцеремонно схватил мою левую ладонь и водрузил колечко на безымянный пальчик.

Спасибо, хоть не на правую руку!

Когда канцлер в спешке покинул палату, я покрутила ладонью, любуясь колечком и заставляя лучики света преломляться в гранях. Камешек непростой, вон как искрит на солнце. И веет от него надежностью.

Раз уж великий князь решил таким способом меня защитить, зачем же препятствовать? Мне моя жизнь тоже дорога. И с чего вдруг канцлер всполошился, узнав о приютском прошлом? Вот будет фокус, если он биологических родителей найдет. Но не на ту напали. Никакой власти надо мной они не получают. Через полгода мне восемнадцать исполнится, а в начале лета состоится выпуск из гимназии. Ну а после никто больше не посмеет распоряжаться моей жизнью.

После завтрака меня навестили господа дознаватели, чтобы записать показания по делу Холзмана. Я уже настроилась на

ментальную проверку и неудобные вопросы, однако беседа прошла в мирном русле, будто бы старые приятели разговорились за чашечкой чая. Что на них нашло? Если бы не прошлый болезненный опыт общения, я бы не поверила, что эти господа могут быть жесткими и беспринципными. Может, так повлиял визит канцлера? Или... взгляд невольно соскользнул на кольцо, которое я машинально крутила на пальчике от волнения.

Неужели они подумали?.. Ну, нет! Это же смешно!

Отогнав подальше крамольные мысли о князе, я отправилась навестить Марфу. Охранник у входа встрепенулся при моем появлении.

– Барышня, вы куда собрались? Нельзя выходить, Эдуард Францевич наказал никуда не выпускать.

– Доброе утро, э... простите, как вас зовут? – с улыбкой поинтересовалась у молодежавшего полицейского.

– Паша. – Мужчина расплылся в ответной улыбке. – Ой! Садков Павел Романович. И вам доброго здравия, барышня.

– А меня Анастасия Трофимовна зовут. Павел Романович, я далеко и не пойду. Вот, только в соседнюю палату загляну подругу проведать, и сразу обратно.

– Не велено же! – со вздохом произнес мужчина. – Вернитесь, пожалуйста.

– Я на пять минуточек! – Состроила жалобную рожицу. – Умоляю.

– Ну, что с вами делать? Выговор получу ведь. Нельзя без разрешения доктора выходить.

– Так, давайте спросим у Эдуарда Францевича, можно или нет? – Не хотелось мне самовольством подводить человека, находящегося на службе. – Вон он, пациентов на перевязку принимает. – Указала на процедурный кабинет в конец коридора.

– А вы?

– А я тут постою и подожду ответа. Клянусь, что в ваше отсутствие с места не сдвинусь.

Мужчина кивнул, соглашаясь, и быстрым шагом направился к доктору. У меня возник соблазн в это время юркнуть к Марфе, но раз уж пообещала, слово надо держать. Садков отозвал доктора из процедурной на минуточку и в двух словах объяснил, зачем пожаловал. Доктор Гельберг бросил на меня возмущенный взгляд и

погрозил пальцем. На что я упрямо вскинула голову и посмотрела с вызовом, скрестив руки на груди. Покачав головой, мужчина что-то сказал Садкову, и тот поспешил обратно.

– У вас ровно пять минут, барышня, – обрадовал охранник по возвращении.

– Спасибо! – Еще раз улыбнулась и, постучавшись, заглянула к Марфе. – Привет! Как ты тут?

Глава 14

Ошейник, фиксирующий шею девушки, стеснял движение и мешал говорить. Однако по измученной улыбке, скользнувшей по губам, я догадалась, что мне рады.

– Я так волновалась за тебя. Доктор говорит, что скоро поправишься. А я рядом, за стенкой отдыхаю. Тебе чего-нибудь нужно?

– Нет, – сильным голосом ответила Марфа. – Говорить. Трудно. Нельзя.

– Понимаю. – Сочувственно погладила подругу по руке. – Я поддержать пришла, сказать, что ты не одна, что все в порядке.

– Ка-ак. Девчонки? – Марфа перехватила мою ладонь.

– Я их не видела, но меня заверили, что живы и здоровы. – Отвела взгляд, умалчивая о Дарье. Вот только господа из следственного комитета вряд проявили деликатность.

– Пра-авду! – стиснув мою руку крепче, попросила подруга.

– Мила и Зоя Матвеевна вернулись в гимназию. Зорин уехал домой, а Дарью... ее арестовали за убийство Акулины и Гридя, – рассказала, как есть, раз уж попросила.

– Нет! – огорчилась Марфа. – Зачем?

– Защищала. Гридяй по приказу Акулины в меня целился, вот Дашка и пальнула по нему, чтобы спасти, а этот гад успел из дуствольного мушкета шарахнуть. Попал, зараза! – Потерла ноющий бок. – А тебе еще от Зорина досталось.

– Зря. Остановила, – просипела девушка.

– Марфуш, не зря, иначе ты бы грех на душу взяла и сейчас в тюремной больничке лежала. За убийство дворянина не пощадили бы. Прости, что втянула тебя в это. Я помогу, чем смогу. Поговорю с Костей, чтобы не выдвигал обвинение.

– И чем с ним за это расплатишься? Нет, не нужно помощи. Такой.

– Марфуш, ты чего? Костя никогда не позволял себе лишнего...

– Ты же сама! – Сверкнула глазами девушка. – Жаловалась, что приставал.

– Давай поговорим, когда ты поправишься. – Не стала развивать тему и беречь старые раны. – Мне пора! – Расслышав легкий стук по двери – напоминание от Садкова, что время вышло, я поднялась.

Наклонившись к подруге, чмокнула ее в лоб, затем поправила подушку и смахнула невидимые пылинки с постели.

– Я еще забегу, – пообещала на прощание.

Вернувшись в палату, прилегла, расстроенная неутешительными результатами. Марфа убеждена, что Зорин приставал ко мне. Причем, я сама на это пожаловалась. Не знаю, что она сказала дознавателям, но вряд ли скрыла ту правду, в которую верила. Врать не в ее привычках. Можно не сомневаться, что остальные участники событий придерживаются схожего мнения.

Никаких процедур мне в течение дня не назначили, только усиленно пичкали витаминами и сытно кормили. Эдуард Францевич заходил пару раз, чтобы подстегнуть выздоровление магическим исцеляющим импульсом. К сожалению, за один сеанс нельзя тратить на пациента больше сил, чем это требовалось для поддержания эффекта регенерации, ведь тогда их не хватило бы на остальных. Но одаренные тем и отличаются от обычных людей, что способны к самовосстановлению за счет магической энергии. До магов мне далеко, но повышенный иммунитет и крепкое здоровье уже плюс.

После обеда приехали ребята из гимназии в сопровождении Панфиловой и Савушкина. Конечно, гурьбой их в палату не запустили, не поместились бы, а по трое-четверо поднимались ко мне и Марфе, чтобы пожелать скорейшего выздоровления.

– Снова отличилась, Молчанова! – фыркнула Полина Малевская, оглядывая обстановку в палате. – А ты неплохо тут устроилась. Внизу палаты на шесть и восемь коек, а тебе персональную выделили, как барыне.

– Нравится? Можем поменяться. – Цокнув языком, закатила глаза кверху, понимая, что есть вещи, которые остаются неизменными. Например, спесь девиц, возомнивших себя выше других.

– Обойдусь, пожалуй. А ты уже познакомилась с новым охранником? Или только дворянам на шею вешаешься? – язвительно поинтересовалась девушка.

– За языком следи! – рыкнула на обнаглевшую гимназистку. – А то в соседнюю палату с переломами загремишь. Хотя, тебе и внизу койки хватит.

Хорошо, что визиты ограничивались по времени, иначе мое терпение быстро бы закончилось. Еще Олег Гончаров пытался что-то из себя строить, бахвалясь успехами в учебе и прочими достижениями, которые в итоге сводились к дворянской родословной. Как по мне, нечего хвастать, если на родовом гербе красуется лента незаконнорожденного.

Ну и самым неожиданным и неприятным стало общение с Зоей Матвеевной, обвинившей меня в недостойном поведении и ханжестве. Я понимала, что она говорила чужими словами, но не могла избавиться от неприятного чувства гадливости.

Милка держалась на расстоянии, следуя хвостиком за воспитательницей, и смотрела на меня с осуждением. Собственно, выслушав от Панфиловой, какая я неблагодарная и двуличная особа, стало понятно, почему одноклассники ведут себя так настороженно. Даже Савушкин, и тот держался подчеркнуто вежливо и прохладно. Вот так, неподтвержденными слухами и разрушается репутация, создаваемая годами. Обидно, особенно, когда ты и в мыслях не допускала вольностей.

– Демид Иванович, – обратилась к директору, когда тот уже собрался уходить. – Можно на пару слов?

– Конечно, Анастасия Трофимовна. – Мужчина задержался и присел на стул. – Внимательно вас слушаю.

– Не понимаю, чем вызвана антипатия со стороны Зои Матвеевны, которая удивительным образом распространилась среди учеников. Я ничего лишнего себе не позволяла, поэтому оправдываться не собираюсь. Однако и терпеть в дальнейшем неуважительное отношение не хочу. Поэтому прошу вас рассмотреть заявку на досрочную аттестацию по учебным дисциплинам.

Насмотревшись на сокурсников, я не видела смысла им что-то доказывать или разубеждать. Весь смысл побега из дома в эту гимназию состоял как раз в ее закрытости и строгом контроле за учениками. Ведьма не сумела бы подобраться ко мне, учитывая еще и плохую восприимчивость будущих видюков к внушению. А тут, по

незнанию, я сама привезла кучу народа и дала время, чтобы подобрать ключик к каждому.

Ближе к вечеру прибыл с визитом Зорин. Персональный целитель с помощью магии и амулетов за сутки поставил его на ноги, заживил раны и срастил сломанную кость. Костя даже передвигался самостоятельно, опираясь на трость. Взглядом я так и прикипела к дорогому аксессуару, который неммым укором напомнил о недавних событиях. Из-за меня друзья и знакомые подверглись опасности. Я знала только один способ, как им помочь. К сожалению, после этого мне придется исчезнуть.

– Доброго дня! Доктор рекомендовал мне пару дней не перегружать ногу, но я не мог оставаться в неведении. Сразу примчал, едва разрешили вставать. Асенька, как ты? Всего ли хватает? Может, хочется чего-то? Я вот гостинцев привез! – Вручил пакет, пахнувший печеными яблоками с корицей и имбирными пряниками.

– Спасибо! Не бережете вы себя, Константин Алексеевич. – Машинально приняла подарок, чувствуя, как зарделись щеки. – Кормят тут хорошо, и Эдуард Францевич регулярно навещает с осмотрами. Возможно, завтра выпишут.

– Асенька, мы же договорились, что наедине...

– Простите, Константин Алексеевич, никаких «наедине» больше не будет. – Жаловаться или обвинять Зорина в разошедшихся сплетнях я не собиралась, только пресечь их дальнейшее распространение.

– Настя, в чем дело? Что-то случилось? – Костя, прежде сияющий улыбкой, нахмурился. – Я тебя чем-то обидел? Или это из-за того, что случилось в поместье?

Я молча покачала головой и вернула пакет с гостинцами.

– Не стоило беспокойства. И вмешивать вас в личные дела – тоже не нужно было. Я готова компенсировать затраты на лечение. У меня скопились кое-какие сбережения. Не знаю, хватит ли...

– Да, что с тобой? – Отложив пакет на тумбу, Костя схватил меня за плечи, встряхнул. – О каких деньгах речь? Разве я хоть словом заикнулся об этом? Я же сам вызвался помочь, и ничуть не жалею об этом.

– Пожалуйста, отпустите. – Высвободившись из рук Зорина, отстранилась. – Я благодарна за помощь и бесконечно сожалею, что вы пострадали. Если я что-то могу для вас сделать, только скажите...

– Можешь! – вновь перебил Костя. – Ася, ты сделаешь одолжение, если расскажешь, что происходит!

– Возможно, вам следует побеседовать с господином Лутецким?

– Та-ак! – Молодой человек скрипнул зубами. – Кажется, я догадываюсь, откуда ветер дует. К тебе уже приходили из следственного комитета?

Отрицать было бы глупо, поэтому я кивнула.

– Настя, что бы они там ни наговорили, не верь! Знаю я их методы. Ты ни в чем не виновата, и я подтверждаю это под присягой, – с жаром заверил Костя. – Сейчас же отправлюсь в контору Кальмана и найму адвоката. С моими показаниями он разобьет обвинения в пух и прах, вот увидишь.

– Нет, постойте! – Ухватила Зорина за рукав. – Мне никто не угрожал и не предъявлял обвинений. Но я бы хотела нанять защитника для Дарьи Григорьевой. Ее нужно освободить!

– Что это? – Костя прикипел взглядом к кольцу на моем безымянном пальце. – Откуда оно взялось? – процедил ревниво.

– Князь Леви выдал для защиты, – ответила, пожав плечами. – Убийцу купца Холзмана еще не поймали, а я прохожу по делу, как единственный свидетель.

Подхватив мою руку, молодой человек поднял ее повыше, придирчиво разглядывая княжеский подарок.

– Значит, канцлер тоже здесь побывал сегодня. И чего он прицепился? Я в состоянии тебя защитить! Асенька, ты подумала над тем, чтобы принять мое предложение?

– Простите, Константин Алексеевич, но мой ответ – нет! Не портьте себе жизнь, связываясь со мной. Вы еще встретите приличную девушку из дворянской семьи и с безупречной репутацией, которая полюбит вас и составит достойную пару.

– Вот уж нет! Не нужна мне другая! И что это за оговорка насчет репутации? – насторожился Костя. – Асенька, расскажи-ка подробно, кто наговорил подобных глупостей? – Присел рядышком и обнял за плечи. – Клянусь, ты не услышишь и намека на осуждение. Я должен знать, кто посмел тебя расстроить. Ты можешь мне доверять, ведь я искренне желаю помочь.

Ну как тут устоять? Тем более, что одной не справиться с тем делом, что я задумала. Костя и сам пострадал от ведьмы, поэтому не

осудит за желание ее поймать и уничтожить. Я хотела в это поверить, как и разделить груз навалившихся проблем.

– Ася, почему же ты засомневалась во мне? – изумился Зорин, выслушав сбивчивый рассказ. – Конечно же, я помогу разделаться с тварью! Я все устрою, не переживай. И первым делом заткну злые языки, посмевшие усомниться в твоей добродетели. Анастасия Трофимовна, – вдруг перешел на официальный тон молодой человек. Опустившись на одно колено возле кровати, Костя выудил из-за пазухи коробочку с кольцом и протянул мне. – Вы согласны стать моей женой?

– А что здесь происходит, позвольте полюбопытствовать? – В этот момент в палату заглянул Эдуард Францевич с очередным осмотром.

– Вы вовремя, доктор Гельберг. Будьте свидетелем моих честных намерений в отношении барышни Молчановой. В прошлый раз у меня не было при себе кольца, но сегодня я подстраховался и безумно надеюсь, что Анастасия Трофимовна примет предложение руки и сердца.

– Ах, как же это мило и романтично! – всхлипнула медсестра, сопровождающая главврача. – Всегда плачу на свадьбах.

– Но я... – растерялась, когда в дверях скопилась толпа, пожелавшая увидеть, что же так растрогало коллег.

– Клянусь, что помогу убить ведьму, кем бы она ни оказалась, – прошептал Костя еле слышно. – Обещаю сделать все, чтобы ты была счастлива. Хочешь, уедем отсюда, когда все закончится? На другой конец империи, где никому не будет до нас дела? Или за границу, где купим титул и будем жить припеваючи? Мне нужна только ты! Я приму тебя любую, какую бы тайну ты не скрывала.

– Константин Алексеевич, вы же обещали дать время подумать? – так же шепотом задала вопрос.

– Обещал, но только так моя помощь и частые встречи не будут порочить твою репутацию, – возразил молодой человек. – Статус невесты оградит от скандалов. Ну же, Асенька! Неужели я тебе ни капельки не нравлюсь?

– Нет, что вы! Нравитесь. Но помолвка – ответственный шаг, выбор на всю жизнь, и я опасаясь совершить ошибку.

– Зато я ни капли не сомневаюсь и точно знаю, что ждал именно тебя! – произнес, проникновенно заглядывая в глаза. – Ася, дай же мне

шанс заслужить твою любовь! Я все для этого сделаю. Ты ведь ничем не рискуешь, соглашаясь на помолвку. В крайнем случае, ее можно расторгнуть, чего я, конечно же, не хотел бы. А дату свадьбы сама назначишь, когда будешь готова.

Последний аргумент с расторжением помолвки оказался решающим. В одиночку с ведьмой мне не справиться, помощь Кости пригодится. Нельзя недооценивать и дворянское происхождение Зорина, и семейный достаток, сулящий обеспеченное будущее.

– Я согласна. – Взяла из коробочки золотое колечко с дорогим камешком и примерила на средний палец левой руки.

– Это лучший день в моей жизни! – Просиял улыбкой молодой человек и приложился губами к моей ладони. – Асенька, ты не пожалеешь. Клянусь, что сделаю тебя счастливой.

– Молодые люди, позвольте первым поздравить вас с помолвкой! – Доктор Гельберг подошел поближе, пожал руку жениху, а мне отвесил учтивый поклон. – Однако вас, Константин Алексеевич, вынужден попросить удалиться, пока я провожу осмотр Анастасии Трофимовны. Девушке необходим отдых, не стоит утомлять ее длительными визитами.

Как оказалось, самым сложным было решиться и сделать судьбоносный выбор. А дальше оставалось только плыть по течению, принимать поздравления, знаки внимания и подарки. Костя пообещал, что наймет адвоката для Дарьи и добьется для нее оправдательного приговора. Обвинений с нашей стороны предъявляться не будет, а показания самого Зорина поставят в этом деле точку. Ведьма не сумела навести морок на опытного видока. Он запомнил наш поход к дереву, найденную в дупле записку и ночной сбор в комнате, когда нас опоили сонным зельем. Костю подручные Купыревой вначале оглушили, затем переломали ноги, чтобы не сбежал, а во время ритуала едва не убили руками Марфы. Когда же план провалился и вмешалась я, Акулина приказала Гридюю застрелить обоих, чтобы устранить неудобных свидетелей и завладеть наследством. Так что Дарья нам жизни спасла. Ее наградить нужно, а не наказывать.

В гимназию на следующий день я приехала в сопровождении Зорина и Савушкина. Кольцо на моем пальчике удивительным образом переменяло отношение директора, да и остальным сплетникам рот заткнуло. Вот только удовлетворения я не получила, зная, чем вызвано

заблуждение на мой счет. Выговор Панфиловой от начальства меня тоже не порадовал. Как и пустующие койки Безродной и Григорьевой. Марфе еще пару дней в больнице лежать. С Дарьей тоже пока непонятно. Одна Мила – добрая душа встретила искренней улыбкой.

– Ура, Ася вернулась! – Распахнув объятия, Милка бросилась навстречу. – Ой! А что это за колечко блестит? Неужели ты приняла предложение Зорина? Как здорово! Поздравляю! А я смотрю в окно и думаю, чего это вы вместе приехали? А теперь, оказывается, Константин Алексеевич твой жених. Ух, не верится, что скоро ты выйдешь замуж. Расскажи, как это было? Что он сказал? – затараторила без умолку, засыпала вопросами.

– Ну, ты и болтушка! Вечером расскажу, – пообещала подруге. – Мне к директору нужно.

Савушкин как раз должен был обсудить с педагогическим составом досрочные экзамены. Он и сказал мне подойти попозже, чтобы дать ответ. Учитывая поддержку в этом вопросе со стороны жениха, я уже не сомневалась в положительном решении. Осталось только выяснить условия. Я спустилась к кабинету и постучалась.

– Демид Иванович, можно?

– Да! Входи, Настя, – отозвался директор. – По учебному плану мы с коллегами уже пришли к общему знаменателю, осталось выяснить кое-какие нюансы.

– Здравствуйте! – Я вошла, поприветствовала присутствующих преподавателей книксеном и замерла в ожидании.

– Так вот, Анастасия Трофимовна, у нас возник ряд вопросов. И главный из них, собираетесь ли вы в дальнейшем трудиться по специальности? – Мужчина уставился пытливым взглядом. – Вы изначально оплатили учебу, что в дальнейшем позволило бы вам самостоятельно выбирать место службы. Однако предстоящее замужество и новый статус открывают перед вами иные перспективы. С одной стороны, я рад, что вам выпал шанс избежать проблем, связанных с нелегкой профессией. Но с другой, мне бесконечно жаль, что империя в вашем лице потеряет ценного специалиста. У вас превосходные показатели в учебе, блестящие способности к видению тонких материй. Быть может, вы согласились бы в будущем поработать внештатным сотрудником, привлекаемом в сложных случаях? Если так, то я бы рекомендовал пройти полный практический курс и

наработать навыки, которые наши выпускники получают на дежурствах в полицейском управлении.

– Демид Иванович. – Жаркая речь директора произвела должное впечатление, но ответ у меня был давно готов. – Я не знаю, как сложится жизнь в дальнейшем. Возможно, вы окажетесь правы, и я полностью посвящу себя семье, позабыв о профессии видока. Однако я не привыкла бросать дело на полпути и хотела бы закончить гимназию, как положено, и получить диплом со всеми допусками.

– Что же, я рад, что не ошибся в вас, гимназистка Молчанова. – Савушкин расплылся в довольной улыбке. – Тогда предлагаю поступить так: до конца календарного года вы постепенно сдаете экзамены по профильным предметам и параллельно отбываете положенные часы дежурств в полиции. От ежедневных занятий, разумеется, выпишу вам освобождение с правом свободного посещения. Ну и график экзаменов определим после сдачи контрольных.

– Спасибо за предоставленную возможность, – от души поблагодарила директора. – И раз уж все преподаватели в сборе, позвольте уточнить, возможно ли сразу пройти аттестацию по устным предметам?

– Хотите сказать, что уже готовы к проверке знаний? – поразился преподаватель словесности.

– Вполне! Можете задавать вопросы, – ответила с улыбкой.

В течение четырех часов меня гоняли по истории, географии, экзаменационным билетам русского языка, литературы и словесности. Откуда преподавателям было знать, что их каверзные вопросы и уловки, применяемые на экзаменах, я изучила еще на первом курсе через сны старших ребят? Учитывая особенности моего дара и превосходную память, умение выбирать главное из громадного потока информации и делать соответствующие выводы я развивала с самого детства. Приемной комиссии во главе с директором ничего не оставалось, как признать, что я овладела тем объемом знаний, который гимназия предоставляла ученикам в течение трех лет.

– Хм, Анастасия Трофимовна, если вы и по остальным предметам продемонстрируете такие же блестящие результаты, то вам прямая дорога в академию, – посоветовал Савушкин. – Я полагал, что для аттестации потребуется больше времени, но теперь вижу, что вы и за

неделю управитесь. Однако давайте не будем спешить? Предлагаю для оставшихся предметов выбрать определенные дни, чтобы провести открытые экзамены. Ученикам будет полезно на вашем примере увидеть, каких показателей можно достичь, если сильно захотеть.

– Как вам будет угодно, Демид Иванович. – Я склонила голову, скрывая довольную улыбку. – Присутствие зрителей меня ничуть не смущает.

Вы еще о половине моих способностей не подозреваете, – хмыкнула мысленно. – И лучше бы вам о них, вообще, не знать.

Остаток дня и вечер я провела за учебниками, притворяясь, что готовлюсь к экзаменам. На самом деле я размышляла, каким образом собрать в Демьяново всех девушек, на кого ведьма оказала влияние. Во второй раз директор вряд ли отпустит учениц. Единственный выход – следственный эксперимент, назначаемый в редких случаях, чтобы восстановить ход событий. Надо будет поговорить с адвокатом, которого Зорин обещал нанять для Дарьи, чтобы он поднял этот вопрос. Я ведь слышала два выстрела, а по факту их было минимум три. А еще придется выставить в невыгодном свете Зою Матвеевну и Марфу, чьи показания расходятся с нашими. Но с Марфой я уже поработала, зародив сомнения насчет моих взаимоотношений с Костей. Помолвка только подтвердит, что подозрения были напрасными. Ну а в сны Милки я намеревалась навестись сегодня ночью.

Вечером мы поболтали с Реутовой, обсуждая помолвку и предстоящую свадьбу. Девчонка затронула важную тему знакомства с семьей жениха. О дворянине Алексее Зорине я слышала лишь то, что он крупный судовладелец. Помимо барок владеет торговыми лавками в городе, складами, лесопилкой и причалом на пристани. Особняк Зориных располагался в верхней части Большой Стрелецкой улицы, подворьями и крестьянскими домами спускаясь к реке. В низовье раскинулись склады, работала лесопилка. Костя – единственный наследник состояния. Ни братьев, ни сестер у него нет – умерли во младенчестве. О матери ничего толком неизвестно, кроме того, что она болела и много времени проводила в загородном имении Дубравино. Во всяком случае, на городские светские мероприятия Зорин-старший являлся в сопровождении молодой вдовы Екатерины Дальвиг, либо в одиночестве.

Костя получил превосходное домашнее образование, блестяще закончил Александровское училище и сдал экзамены по дисциплинам нашей гимназии на видока, когда обнаружилась соответствующая предрасположенность. За особые заслуги перед ведомством был пожалован чином титулярного советника, что в таком молодом возрасте нечасто происходит. Злые языки поговаривают, что не без отцовых денег Зорину удалось так быстро взлететь по карьерной лестнице. Но это зависть в людях бурлит, которые ни капли усилий или труда не приложили к собственному возвышению. Мне, например, по окончании гимназии присвоят гражданский чин коллежского регистратора. Через девять лет выслуги я тоже до титулярного советника дорасту, было бы желание.

Ночью я, как и планировала, проникла в сны Людмилы Реутовой и заложила в ее воспоминания сомнения в трактовке недавнего происшествия. Если два свидетеля заявят о внушении, а мы с Костей будем настаивать на другом варианте развития событий, то кому из нас поверят? Прежде всего, примут во внимание факты, а они играют в мою пользу. Бедной Зое Матвеевне придется несладко, конечно, но в данном случае я бессильна. Одно только упоминание о манипулировании сознанием тут же привлекло внимание Следственного комитета. Работники гимназии уже щеголяют с дополнительной защитой от ментального вмешательства. Так что я не рискнула даже приблизиться к Панфиловой, чтобы не навлечь подозрений. Однако в целом день прошел плодотворно. Насчет аттестации я не переживала, и даже практика в управлении полиции не так беспокоила, как новый статус невесты и дальнейшие взаимоотношения с Зориным.

Глава 15

Ранний подъем с утра, зарядка и водные процедуры взбодрили и настроили на рабочий лад. Режимом пренебрегать не стоило, как и общением со сверстниками. Прав оказался Костя: помолвка переменяла ко мне отношение и вмиг восстановила порушенную репутацию. Зависти только прибавилось от некоторых, но они и раньше находили поводы для недовольства.

После завтрака, когда у гимназистов начались занятия, я получила у директора предписание на прохождение практики, собралась и отправилась пешком до полицейского участка. Однако не успела отойти на десяток метров от здания гимназии, как возле меня, взвизгнув шинами на обледенелой дороге, притормозил паромобиль.

– Асенька, что же не дождалась меня? Запрыгивай скорее! – Костя помахал рукой в окошко. – Подвезу до участка и тоже на службу поеду.

– Доброе утро! – поздоровалась, устроившись на мягком сиденье. – Не стоило беспокойства, Константин... – осеклась, поймав нахмуренный взгляд жениха, и тут же исправилась. – Костя. Тут всего пару кварталов, я бы и пешком прогулялась.

– Доброе, Асенька. А я проснулся сегодня и понял, что безумно соскучился, захотел тебя увидеть. До вечера не выдержал бы ожидания, вот и воспользовался шансом перехватить тебя по дороге. – Молодой человек подмигнул и лихо выкрутил руль, объезжая зазевавшегося прохожего. – Пообедаем вместе? Я приглашаю! – предложил Зорин, когда мы притормозили во дворике перед участком. Ехать тут всего ничего от гимназии – пять минут.

– Ммм, почему бы и нет? – согласилась, понимая, что отговорки не подействуют и мне пора привыкать к регулярным встречам. – Костя, а что насчет адвоката для Григорьевой? Есть новости?

– Вчера я заезжал в контору Кальмана, обрисовал ситуацию, предоставил материалы дела. Мне пообещали, что сегодня дадут ответ. Не переживай, думаю, к обеду я получу необходимую информацию, – отчитался Зорин.

Выбравшись из машины, молодой человек открыл мне дверцу, как и положено кавалеру, а на прощание обнял и невесомо поцеловал в щечку.

– Заеду в час дня. Никуда не уходи без меня, хорошо?

– Да! – Кивнула, смущенно отводя взгляд. Так непривычно ощущать себя в роли невесты. – До встречи!

Попрощавшись с женихом, я направилась в здание участка. Окна в кабинетах выходили во двор, рабочий день начался, так что нашим любезностям с Зориным оказалось полно свидетелей.

В полутемной приемной, где за отгороженной стойкой сидел дежурный, витал запах казенного заведения с примесью табака, сырости и чайной заварки. На смену сегодня заступил давний знакомый, который заулыбался мне еще с порога, подкручивая пальцами заливчатские усы.

– Доброго здравия, Анастасия Трофимовна! – Горлунов поднялся с места приветствуя. – Какими судьбами к нам? На практику? Добро! Видоки завсегда в участке пригодятся. Да только я смотрю недолго вам в видоках щеголять, – кивком указал на перстенок, красующийся на моем пальце поверх перчатки. – Ох, и пострел господин Зорин, везде поспел. Поздравляю! Дело молодое, правильное.

– Благодарю, Авдей Таврович! И вам доброго здравия. Как семья? Как Агафья Кузьминична поживает? Не хворают ли детки? – полюбезничала со старым воякой, с которым душевно чаевничала в прошлые дежурства.

– Так, живы потихоньку. Агафья Кузьминична привет велела передать и пожелания скорейшего выздоровления. Переживали мы за вас, как в больничку забрали.

– Ничего! Обошлось, – успокоила мужчину. – Подскажите, Павел Елисеевич у себя?

– А где ж ему быть? Посидите тут, пока я доложу. – Дежурный исчез в глубине здания, а я расстегнула пальто, сняла фуражку и пристроилась на скамье у стены. Заодно бумаги подготовила, на которых надлежало поставить визу околоточному надзирателю.

Минуты не прошло, как Горлунов вернулся и сопроводил к кабинету Лыткаря Павла Елисеевича. Начальник встретил радушно, тут же распорядился подать чаю. Ознакомившись с бумагами и, сообразив, что ближайший месяц я чуть ли не каждый день тут буду

появляться, он распорядился выделить отдельный стол в кабинете, где работали околоточные.

– Вовремя вы к нам, Анастасия Трофимовна, – порадовался Павел Елисеевич, потирая руки от удовольствия. – Наш видок штатный вымотался за последние дни, на тень ходячую походить стал. Шутка ли, три поножовщины и пять бытовых преступлений раскрыл. Народ разгулялся за праздники, распоясался. Оно ведь, кому-то отдых да веселье, а кому-то работы непочатый край. Благодаря вам, дадим пару дней выходных Караваеву. Пусть отоспится, сил наберется перед новогодними гуляньями.

– С удовольствием помогу, – заверила я.

– Бросьте! Какое там удовольствие юной барышне чужие пороки каждый день наблюдать? – посочувствовал мужчина. – Оно ведь не мы решаем, каким даром судьба наделит. Нелегкая вам доля выпала, однако ж полезное дело для общества, важное. Тем и утешаем себя, когда молодых парней и девчонок на места преступления приводим.

День до обеда пролетел в разговорах и чаепитиях. Околоточных ноги кормят, вот и бегают по околотку, за порядком наблюдая, да по вызовам. С мороза же хочется побыстрее согреться, так вот чай с малиновым вареньем – наипервейшее средство. Да и новое лицо в участке – повод развеять скуку, навеваемую неиссякаемой бумажной работой. А уж человек, связанный с тайной, вдвойне интересней. Если бы не гриф секретности, точно бы не отстали от меня с расспросами, пока не вывели подноготную по делу купца Холзмана. Работали тут мастера, которые так выстраивали беседу, что человек, сам того не замечая, выбалтывал всю информацию.

Я уже готовилась к встрече с Костей, оделась заранее и спустилась в приемную, когда во двор влетел запыхавшийся городской.

– Скорее! Группу на выезд! Видока! – выкрикнул, залетая в дежурку.

– Что стряслось? – подорвался с места Горлунов. – Мирон Кузьмич, доложи по форме!

– Убийство! – произнес на выдохе мужчина. – В Грузовом переулке из квартиры запах нехороший пошел. Соседи пожаловались, будто жильцов давно не видно. Вот я и пошел проверить. Вместе с дворником вскрыл дверь, а там погром, кровища, тело на полу. В

общем, заходить не стали, только с порога осмотрелись, и я сразу за подмогой рванул. Митяя сторожить поставил, чтобы никто посторонний следы не затоптал и видок ваш поработал.

Накрылся обед! – Желудок тоскливо сжался, когда городской упомянул о трупе. – И ужин тоже, потому что после таких выездов аппетит напрочь отбивается.

Минуты не прошло, как участок загудел, как пчелиный улей. Еще через пять я уже ехала в служебном паромобиле, мысленно настраиваясь на предстоящую работу.

Трехэтажный многоквартирный дом ничем не отличался от других. Унылый двор с редкими деревцами, расчищенными дорожками и снежными навалами по углам. Лавочки у подъезда, ледяная горка, где резвилась малышня, развешанное на веревках и пристывшее на морозе белье. Только у последнего подъезда толпился народ, обсуждая, что же приключилось с жильцом семнадцатой квартиры. Шофер остановил паромобиль на повороте, не рискнув заезжать в узкую арку. До места преступления мы прогулялись пешком. При нашем появлении голоса ненадолго стихли.

– Ох, такая молоденькая, и уже в полиции. Смотри, перчатки! Видок! Девчонку привезли. А куда ж Каравалева дели? – Посыпались возгласы, когда удивление прошло.

Люди таращились, показывали пальцами и цокали языками. Мне сделалось не по себе от жалостливых и одновременно брезгливых взглядов. Ребята из участка прикрывали меня от поползновений и неуместных вопросов, но этого оказалось недостаточно. Павел Елисеевич шел уверенно, ледоколом рассекая зевак, шарахающихся в стороны. Следом прибыли городские, которые оттеснили любопытных на десяток метров и установили оцепление. В подъезд мы зашли впятером с околоточным надзирателем Лыткарем Павлом Елисеевичем, околоточным Олегом Поликарповичем Матицыным, следователем Аксеновым и городским, обнаружившим тело.

– Вашбродь! – Дворник, вооруженный колуном, вытянулся во фронт и козырнул: – Здравия желаю!

В ответ Павел Елисеевич кивнул, окидывая лестничную площадку второго этажа внимательным взглядом.

– Пройти никто не пытался? Подозрительные личности не крутились тут?

– Никак нет, вашбродь! Кузьмич велел никого не пущать. Так и я того, настороже стою. А наглых морд всяко полно лезет. Оно им, что горе людское, что радость – все одно, коли поглазеть охота.

– Открывай! – распорядился надзиратель. – Глянем отсюда, что и как, а дальше Анастасия Трофимовна к работе приступит.

Из распахнутой двери дохнуло застоявшимся смрадом смерти. Я достала платочек, надушенный мятной эссенцией, и приложила к лицу. Амулеты, перебивающие неприятные запахи, нам не полагались. Редкий гимназист приобретал их за собственные средства, а я не озаботилась этим вопросом заранее.

– Ох, негоже барышне на это смотреть, – посетовал городской Гашков. – А что Михаил Васильевич не приехал?

– Не переживайте, я справлюсь. – Нервно улыбнулась, расстегивая пуговички на пальто. Верхняя одежда мешала работе, да и пачкалась легко. – Пусть отдохнет хоть денек.

Пальто вместе с головным убором перекочевало в руки Мирона Кузьмича, любезно согласившегося присмотреть за вещами. А я заглянула в комнату, приготовившись к неприятному зрелищу. К сожалению, подобные ужасы – часть работы видока. Сколько ни настраивайся, привыкнуть невозможно.

Стараясь не смотреть на останки, я уделила внимание другим деталям. Сколы на мебели, разбитая посуда, сломанный стол, поверх которого лежал убитый. Следы борьбы говорили, что человек боролся за жизнь. Это сигнал для меня, чтобы выбрать правильный угол обзора. Подходящее место нашлось в дальнем углу у окна, где нетронутым стояло кресло и торшер подле него. Стараясь не наступить на кровь, я обогнула распластавшееся посередине комнаты тело и примостилась в узком промежутке между боковиной кресла и стеной. В кресло садиться побрезговала. Здесь даже мебель пропиталась вьедливым запахом, а предметы виделись в черном мареве. Новым хозяевам жилплощади потребуется светоч, чтобы отчистить помещение от скверны.

Я осторожно сняла перчатки и заткнула их за пояс. Присела на корточки, упираясь спиной в стену, прикоснулась пальцами к полу. Используя заученные до автоматизма методики, зажмурилась и замерла сосредотачиваясь. Распахнув глаза, я увидела, что разгромленная комната преобразилась в халупу затрапезного вида.

Будущий труп нервно ходил из угла в угол, тяжело вздыхая и потирая засаленные рукава сюртука. При жизни хозяин квартиры выглядел лет на сорок, нос картошкой, синюшный цвет лица, мешки под глазами.

– Это же... – ахнула, узнав убийцу лавочника Поликарпова.

Из запоминающихся примет фигурировали клетчатый шарф и кепи. Я машинально посмотрела на входную дверь, возле которой на гвоздике висело пальто солдатского кроя, а из рукава торчал кончик того самого шарфа.

Нашелся, значит, Фрол Кузьмичев! – Я сосредоточилась на видении.

Фрол переместился к окошку и, спрятавшись за пыльной занавеской, пристально высматривал кого-то на улице. Вот он облегченно выдохнул и помахал рукой зазывая к себе. Затем спешно принялся наводить порядок, смахивая объедки со стола в мусорное ведро и закидывая грязную посуду в сервант. Заслышав шаги на лестнице, радушный хозяин встрепенулся, бросился к двери и распахнул ее прежде, чем гость постучал. В квартиру вошел незнакомец в шинели и надвинутой на лоб зимней фуражке с длинным козырьком. Раздеваться не стал и, кивком обозначив приветствие, прошел обутым, оставляя грязные следы на полу. В день убийства Поликарпова как раз шел мокрый снег с дождем.

Слово за слово, между приятелями разгорелся спор. Фрол покраснел от натуги, громко кричал, размахивая руками. Пришлый не повышал голоса, демонстрируя хладнокровие и выдержку.

Неужели соседи не слышали? Если только они отправились на праздничные гулянья, где раздавали бесплатное угощение.

Ссора быстро переросла в драку. Незнакомец ловко увернулся от бесплодных попыток хозяина квартиры его достать, а затем выхватил нож, припрятанный в рукаве, и пырнул противника в живот. Фрол взревел от боли и кинулся на убийцу, кидая в него все, что под руку попадалось. Бесплезно! Кузьмичев быстро слабел от потери крови, а настырное сопротивление только злило убийцу. Опрокинув противника на стол, чего хлипкая конструкция не выдержала и сложилась пополам, гость выдрал деревянную ножку и обрушил ее на подельника. Я насчитала десятков замахов, которые размозжили голову Кузьмичева. Уже после второго удара мужчина затих и не подавал признаков жизни.

Выходит, преступник сам стал жертвой? К тому моменту центральные районы города уже оцепила полиция. У каждого городского имелись приметы Кузьмичева, которого непременно поймали бы, останься он в живых.

Невольную зависть вызывало хладнокровие убийцы. Он обыскал труп, забрал удостоверение личности, кошель с деньгами, дешевые часы на цепочке. Затем спрятал в карман грязные перчатки, сполоснул руки в рукомойнике, почистил от крови одежду и спокойно вышел, притворив за собой дверь. За преступником шлейфом тянулись черные тени. Они же опутывали лицо, не давая рассмотреть подробности. Однако же в драке под шинелью мелькнул белый китель, а во время борьбы Фрол сорвал с врага перчатку. На тыльной стороне ладони я заметила шрамы от ожогов – особую примету, которая пригодится для поиска преступника.

Видение постепенно померкло, а я вернулась в реальность. Комната после ухода убийцы не изменилась, только труп подвергся разложению.

– Я закончила. – Вымученно улыбнулась полицейским, терпеливо ожидающим за порогом.

– Как самочувствие, Анастасия Трофимовна? – Павел Елисеевич первым ринулся ко мне, чтобы узнать подробности. – Увидели, кто это был? Что здесь произошло?

– Да! – Придерживаясь рукой за стену, поднялась, разминая затекшие мышцы. – Можно стакан воды? Подробности укажу в отчете, но вскрылось кое-что еще. Где можно перекинуться парой слов без посторонних? – Глазами я обвела комнату, где следователи и криминалисты занялись осмотром места преступления.

– Идемте на улицу, там поговорим. О жертве ничего не выяснили? Хозяева две недели назад уехали в Углынец, а на квартиру пустили постояльца. С соседями он мало общался, появлялся изредка, не шумел и не привлекал внимания. Только в день гуляний ссорился с кем-то. Жильцы снизу писали жалобу Управдому.

– Личность убитого вас удивит. Это Фрол Кузьмичев, помощник купца Холзмана и убийца господина Поликарпова. Пальто! – указала на предмет одежды у двери. – На воротнике осталась кровь. Шарф клетчатый и кепи подходят под описание. Я запомнила приметы, потому что свидетельствовала на прошлом месте преступления.

– Олег Поликарпыч, слышал? – Околоточный надзиратель махнул рукой подчиненному, подзывая к себе. – Посылай за комитетчиками и в Управу дай знать Коромыслову. Организуй тут, чтобы чин по чину. Аксенов! – позвал еще одного.

– Да, Ваше благородие! – Возле нас моментально появился старший следователь.

– Доставь Анастасию Трофимовну в участок и обеспечь охрану. Головой отвечаешь! – отдал приказ Павел Елисеевич.

– Есть доставить в участок и обеспечить охрану! – козырнул Аксенов, явно не обрадовавшись поручению. – А как же следствие? Я тут нужнее буду. Может, городского в сопровождение отправить?

– Разговорчики! Выполнять приказ! – осадил Павел Елисеевич, сурово сдвинул брови и похлопал Аксенова по плечу, покачал головой, давая понять, чтобы не спорил. – Так надо, Василь Николаевич.

– Есть! – уныло произнес мужчина. – Идемте на выход, барышня. – Следак посмотрел на меня с неприязнью.

– Все на выход! – скомандовал околоточный надзиратель. – До приезда Следственного комитета никуда не расходимся и ничего не трогаем.

– И мне на выход? – уточнил криминалист, замерший над трупом с пинцетом и чистой пробиркой.

– Работай, Герман Петрович, не до тебя сейчас. – Лыткарь отмахнулся.

Народ, набившийся в комнату, высыпал на лестничную клетку. Я заметила Гашкова и с трудом протиснулась к нему.

– Спасибо, что присмотрели за вещами. Позволите? – Хотела забрать пальто и засмотрелась на белый воротничок кителя, выглядывающий из расстегнутой шинели.

У городских форма одежды одинаковая. Кого ни возьми, носит шинель, опоясанную портупеей, зимнюю фуражку, перчатки и кирзовые сапоги.

– Что-то не так? – Мирон Кузьмич дернулся, будто лицевые мышцы свело судорогой.

Меня молнией прошибло! Я ведь только что видела похожий тик. Машинально опустила глаза и посмотрела на руки Гашкова. Кожа на тыльной стороне ладоней бугрилась неровностями. Взгляд метнулся

наверх: по шее расползлась красная паутинка шрамов. Вероятно, из-за них Мирона Кузьмича мучили судороги.

– Нет! Все в порядке. Задумалась просто. Так, вы позволите? – Взялась за краешек пальто и потянула к себе.

– Конечно! Я помогу. – Мужчина встряхнул пальто, расправляя, чтобы я просунула руки в рукава.

Будто специально в этот момент полицейские, толпившиеся на лестничной клетке, гурьбой высыпали во двор. Аксенов задержался, но уже преодолел один лестничный пролет. Кроме нас на площадке второго этажа никого не осталось. Я попятилась, понимая, что столкнулась с убийцей.

– Анастасия Трофимовна, куда же вы? – криво ухмыляясь, процедил Гашков, наставляя на меня дуло револьвера. – Идемте к машине! Мне как раз в участок нужно. Доеду с вами. – Взвел курок и ткнул стволом оружия в пальто, намекая, чтобы не ерепенилась. Затем продемонстрировал глушитель и магический усилитель, при помощи которого пули преодолевали защиту артефактов.

Я о таких только читала и не подозревала, что ими вооружили городских. Понятно теперь, почему поиски Кузьмичева не дали результатов, а о жалобе жильцов снизу никто не слышал. Жаловаться-то они к Гашкову ходили, а тот наверняка заявил, что разберется, и никто мешать не будет.

– Что вам нужно? – спросила чуть слышно. – Вы же понимаете, живым вам не выбраться? Тут полно полицейских. Вас схватят. А я не буду молчать.

– Поможешь уйти, тогда так и быть, отпущу, если хорошо попросишь. Быстро оделась и пошла!

С преступника разом слетела маска доброжелательности. Говорил он негромко, спокойным тоном, от которого мороз шел по коже.

– А если закричу? На выстрел сбегутся люди. – Меня останавливало только артефактное оружие. С двух шагов убийца не промахнется. Но спасет ли княжеская защита?

– Только тебе это не поможет. А так, есть шанс выжить, – пообещал Гашков.

Соврал!

– Анастасия Трофимовна, вы скоро? – Аксенов устал ждать и вернулся, чтобы поторопить.

– Это он!.. – крикнула, чтобы предупредить, и бросилась в сторону. Прогремел выстрел.

Уши заложила от грохота. Внутри все оборвалось и время застыло, когда увидела артефактную пулю, вылетевшую из ствола и устремившуюся ко мне, рассекая воздух. Наверное, рывок был слишком предсказуемым или же сработала магия наведения на цель, но наши пути неизменно пересекались. Жалкие секунды отделяли от мгновения, когда смертоносный кусок железа пробьет грудную клетку и поразит в сердце.

– А-а-а! – В страхе зажмурилась, и в тот же миг меня с силой опрокинуло навзничь.

Боль, пронзившая тело, выбила воздух из легких и вышибла сознание. Дальше меня завертело, закружило, и я провалилась в жуткое ничто, зависнув, будто муха в паутине.

Сознание возвращалось медленно, отдаваясь тупой болью в груди. Во рту пересохло, жутко хотелось пить. Однако сил, чтобы попросить об этом или пошевелиться, не было. Меня окружала неестественная тишина, и это пугало. С трудом разлепила веки и ничего не увидела. Вокруг царилась крошечная тьма. Страшно! Из-за непонимания, что происходит, и от вопросов, отбивающими дробь в висках. Жива ли я? Куда попала? Что происходит?

Наверное, только боль при каждом вздохе убеждала, что я не умерла. Полная неподвижность приводила в ужас, как и непонятное ощущение падения, отсутствие опоры под ногами.

Каких только глупостей не передумала за время, показавшееся вечностью! Как позже выяснилось, в ловушке я провела около часа.

Скрежет замка и вспышки света, прорезавшие пустоту, ударили по органам чувств и дезориентировали. Глаза заслезались. Яркий свет проникал даже сквозь сомкнутые веки. Гулко сглотнула, чтобы убрать из ушей пробку. Вроде полегче стало. А уже через мгновение воздушный капкан ослаб, и я рухнула вниз, приземлившись в чьи-то крепкие объятия. Пошатнувшись, едва не упала. Меня подхватили на руки, окутывая теплом и приятным ароматом мужского парфюма. Знакомого, и оттого понятного, безопасного.

– Анастасия Трофимовна! Кажется, у меня входит в привычку вас спасать! – пожурил князь Леви. – Что на этот раз приключилось, раз сработал эвакуационный портал?

– Я... – слова комом застряли в горле. – Я подумала, что меня убили. Темно. Страшно. Не пошевелиться. Куда я попала?

– Кто посмел? – угрожающе процедил канцлер.

– Гашков. Городовой. Я поехала на вызов. Убийство. А там... ай! – Из глаз брызнули слезы.

Неудачно пошевелившись, я потревожила грудную клетку. Дикой болью прострелило в том месте, куда пришелся удар. К счастью, отделалась я лишь ушибом и поврежденными ребрами.

– Ты ранена? Проклятье! Я сейчас! – Князь спешно достал личный амулет исцеления и приложил к моей шее. Активация отозвалась трепетной волной, забирающей боль и приносящей облегчение.

– Спасибо! – Вымученно улыбнулась и всхлипнула, уткнувшись мужчине в грудь. Внутри я содрогалась от рыданий и ничего не могла с этим поделать. Тело в момент опасности сжалось, как пружина, которая вибрировала теперь от перенапряжения. – Простите! Не могу успокоиться, – выдавила из себя сквозь слезы.

– Ничего, это нормальное явление, – успокоил князь Леви. – Так выходит страх. Поплачьте – легче станет, а я пока перенесу вас туда, где сможете отдохнуть.

Я кивнула, не в силах больше говорить.

Переместили меня в соседнее помещение, после чего опустили на пружинистую кровать, устроили на подушках и накрыли теплым одеялом. Удивительно приятно, когда за тобой так бережно ухаживают. И одновременно неловко из-за того, что это делает посторонний мужчина.

– Пожалуйста, можно воды? – попросила, не в силах больше терпеть жажду.

– Конечно, я сейчас. Вот! – Мне в руку вложили платок. – Возьмите. Вам пригодится.

Я промокнула слезы, застилающие глаза, и огляделась. В комнате царил полумрак. Хм, правильнее будет: в спальне царил полумрак. Осознание того, что это мужская спальня, привело к неутешительному выводу: репутации конец. Лучше бы я ошибалась, но мужчинам чаще нравится строгое убранство и минимализм в интерьере. Здесь не ощущалось присутствие женщины. Роскошная обстановка указывала на состоятельность хозяина, его вкус.

А ведь князь наверняка женат! Своим появлением я поставила его в неловкое положение.

Алим Осипович ступал бесшумно, шаги глушил пушистый ковер на полу. Но я кожей почувствовала момент, когда мужчина вернулся со стаканом воды. С трудом приподнялась и села, ожидая новой вспышки боли. Когда же ее не последовало, с облегчением вздохнула. Молчаливо кивнула хозяину спальни в знак благодарности, бережно перехватила бокал и с жадной поспешностью осушила содержимое. Капли жидкости потекли по подбородку и шее. Я хотела их вытереть, но князь, примостившийся на краю кровати, опередил. Провел пальцем от уголка моего рта вниз по подбородку к шее, собирая влагу.

У меня слезы высохли от удивления. Теплая волна, исходящая от мужчины, погасила внутреннюю дрожь. Я не знала, что и думать, как реагировать.

– Извините, не удержался, – без должного раскаяния в голосе произнес князь.

– Извиняю, – пискнула еле слышно, дико смущаясь и избегая смотреть мужчине в глаза, а после сбивчиво затараторила. – Я... я бесконечно благодарна за помощь. Но мне пора! Там следствие по убийству, отчеты. Начальство с ума сходит, не зная, куда я подевалась. Нужно сообщить, что я в порядке. А вы столько сделали: жизнь спасли, заботитесь. Я в неоплатном долгу. Не знаю, чем...

– Ш-ш-ш! – Князь оборвал словесный поток, накрывая указательным пальцем мои губы. – Не переживайте ни о чем. Я все решу. А мне достаточно простого спасибо.

– С-спасибо, но...

– Пожалуйста! – Вновь перебил меня и смахнул слезинку со щеки. – Вам нужен отдых. Поспите! – Коснулся моего лба, отчего сознание поплыло, и я безвольно опустилась на подушки. – Я скоро вернусь, и мы поговорим. – Донеслось сквозь дремоту, обволакивающую мысли. – Обо всем.

Глава 16

Сны мне редко снились. В них я путешествовала и видела сновидения других людей, проникая в сознание и исподволь влияя на поступки. Обычно требовалась подготовка, чтобы поймать пограничное состояние полусна, но сейчас это случилось спонтанно. Тело осталось лежать неподвижным, тогда как сознание отправилось в путешествие. Не самое разумное поведение в доме ментального мага, но удержаться не сумела.

Я застала момент, когда князь выходил из комнаты и запнулся, встревоженный чем-то. Он даже вернулся к кровати и проверил жилку на моей шее, убеждаясь, что та пульсирует, как и положено. Я скользнула в собственное тело и затаилась. Мало ли! Вдруг разбудить захочет, а я не проснусь?

Князь проверил магическую защиту комнаты, затем еще раз воспользовался целительским амулетом. При этом взял меня за руку и скривился, увидев кольцо Зорина рядом с потускневшим перстнем. Мужчина осторожно снял артефакт, спасший мне жизнь, а тот треснул и раскрошился. Князь собрал кусочки и завернул в платок. Затем поднялся и прошел в смежное помещение, отсутствуя пару минут. Подсматривать, что он там делал, не решилась, понимая, что маг ощущает мое присутствие. Вернулся Алим Осипович с изящным браслетом филигранной работы, который закрепил на моем запястье.

Еще один артефакт? Магический импульс активации подсветил металл руническими символами. Они затрепетали яркими светлячками, стоило получить энергетическую подпитку. Свечение быстро сошло на нет, а на руке остался литой медный ободок, какие продаются в каждой лавке с украшениями. Но я видела, что новый амулет не так прост, как кажется на первый взгляд. Самостоятельно снять его не получится, потому что застежка исчезла. Я даже близко не видела ничего подобного и не представляла, сколько такая вещь стоит. С чего вдруг такая щедрость?

Канцлер ушел, а я, выждав время, чтобы ни с кем не столкнуться, отправилась в путешествие по дому. Продираться через стены, пронизанные магией, оказалось безумно сложно. Я просачивалась через лазейки дымоходов или дверных щелей, стараясь не задеть расставленных там ловушек. Какой же гениальный мастер ставил защиту? Неудивительно, что ведьмы держались подальше от магов, если те способны сотворить подобное.

Князя я обнаружила в детской комнате, обставленной в кремовых тонах. Темноволосое чудо лет пяти с глазами цвета горького шоколада сидело на коленях у мужчины, крепко обнимая его за шею. Вслух эти двое не произнесли ни слова, но я готова поклясться, что они разговаривали. У малышки было слишком живое личико, на котором отражались мысли. А еще у нее папин носик, округлый подбородок с ямочкой посередине и золотая печать великого княжеского рода на виске.

– Ингерда, мы договорились? – нарушил молчание князь, отчего я невольно вздрогнула и шарахнулась в сторону.

– Папочка, тут кто-то есть? – Девочка уставилась на меня, и я предпочла сбежать, понимая, что попалась.

– Полагаю, это наша гостья. – Расслышала ответ сквозь стену. – Но ей не нужно скрываться и выведывать что-либо тайком! В доме полно ловушек, на которые можно ненароком нарваться, – предупредил канцлер, повысив голос. – Я ведь пообещал, что позже поговорим обо всем.

Будь я в родном теле, покраснела бы от стыда. Мои уловки и умения ничего не стоили. А я... зачем я здесь? До чего же странно князь себя ведет. К чему эти мимолетные прикосновения, намеки? У него же семья. Очаровательная дочка и, конечно же, ее мама. Дети сами собой не появляются. Видно же, что девочка родилась в законном браке, иначе не носила бы напоказ печать рода.

Пометавшись по дому, который и впрямь представлял собой единый артефакт, я вернулась в тело и сделала вид, что проснулась. Села в кровати, поправила измятое платье и вздохнула.

– Вы позволите, госпожа? – Сердце из груди чуть не выпрыгнуло, когда в шаге от меня раздался незнакомый голос.

– Что? П-позволю... – Я оторопело уставилась на женщину средних лет в униформе служанки.

– Помочь вам, конечно. – Она добродушно улыбнулась. – Хозяин распорядился подготовить для вас ванную и сменную одежду, чтобы переодеться. Ваши вещи я заберу, приведу в порядок и верну. Идемте со мной, не бойтесь.

– Хорошо.

Кивнув, я спустилась с кровати, сунула ноги в тапочки, подготовленные специально для меня. Вряд ли князь носил розовую обувь с меховой опушкой и помпонами. Спальня совмещалась с кабинетом, уютной гостиной и ванной. Однако проходы замаскировали декором таким образом, чтобы они не бросались в глаза. Размером ванная не уступала комнате в общежитии, а уж по роскоши и наличию непонятных устройств превосходила все, что я прежде видела. Женщина оказалась права, я бы нескоро разобралась, что тут и как работает.

Горячая вода, что сама течет из крана, душистая пена, мраморное ложе, косметические средства в хрустальных флакончиках – все это часть повседневной жизни высшей аристократии. И недостижимая роскошь, о которой я даже не подозревала. В моем невольном путешествии в другой мир, вода также текла из крана и встречалось множество других удивительных вещей. Но это не шло ни в какое сравнение с этим великолепием, которое я уже не забуду. Самое печальное, что посреди непозволительной роскоши я чувствовала себя абсолютно чужой.

Испытывала ли я зависть? Только отчасти, ведь я помнила счастливые годы в Демьяново рядом с приемными родителями. Не место делает нас счастливыми и не богатства, а любящие люди рядом. Когда родителей не стало, а ведьма потихоньку захватила власть над жителями деревеньки, я сбежала оттуда и не планировала возвращаться.

Может, мое пребывание в этом доме связано с семьей, что меня бросила? Канцлер задавал наводящие вопросы, но я в тот момент не придала им значения. Видимо, зря.

Платье, что служанка приготовила взамен гимназического, вызвало только восхищенные вздохи. Я в нерешительности потрогала ткань насыщенного зеленого цвета. Шелковистая на ощупь, мягкая, приятная к телу и непозволительно дорогая. Родители не бедствовали и старались дать лучшее. У меня были красивые наряды, но это... это

ведь повседневное платье, и в то же время элегантно и удивительно подходящее к моим глазам. Облачиться в такое не выйдет самостоятельно, лишь с помощью горничной, что для аристократок не проблема. О белье и говорить нечего. В тех лавках, которые я посещала, такое не продают.

Служанка будто под дверью подслушивала и появилась в тот момент, когда я пыхла, пытаюсь справиться со шнуровкой на спине.

– Позвольте, я помогу! – Подскочила она и ловко затянула корсетную основу по моей фигуре.

Затем женщина усадила меня на пуф возле туалетного столика и занялась моими волосами. Нанесла бальзам и просушила, после сбрызнула душистой водой и снова подсушила с помощью бытового артефакта. Прикосновения были приятными, успокаивающими, я невольно расслабилась, наблюдая в зеркало за собственным преображением. Результат мне определенно понравился. Прическа, уложенная волосок к волоску, вызывала искреннее восхищение. Не подозревала, что мои волосы могут блестеть и переливаться, как жидкое золото.

– Спасибо! – поблагодарила служанку. – Слов нет, чтобы выразить восхищение тем, как вы меня преобразили.

– Рада услужить, госпожа, – женщина поклонилась, довольная похвалой. – Идемте, покажу дорогу в столовую. Вас ожидают.

– Кто?

– Хозяин и его гости. На месте узнаете.

Ступая по коридорам дворянского дома, я чувствовала, как нарастает волнение. Через каждые десять метров навтыжку стояли гвардейцы, провожающие нас подозрительными взглядами. Служанка будто не замечала этого и уверенно шла вперед.

Что происходит? Куда мы идем? Князь обещал ответить на вопросы, рассказать обо всем. О чем? Я ведь ничем таким не интересовалась, кроме того, почему сюда попала и за что вдруг такая честь? Не похоже, чтобы канцлер регулярно приглашал на ужин провинциальных гимназисток. Он интересный мужчина, красивый даже. Но слишком велика сословная разница между нами, чтобы надеяться на что-то.

– Анастасия Трофимовна Молчанова? – уточнил лакей, дежуривший перед массивной двустворчатой дверью с золотыми

вензелями.

– Верно, – подтвердила я.

– Хорошо, – мужчина степенно кивнул. – Войдете сразу, как объявлю вас. Отсчитаете ровно четыре шага и сделаете реверанс. Не поднимайтесь, пока не разрешат. И не разговаривайте, пока к вам не обратятся. Запомнили правила?

– Запомнила. – Я ошарашенно кивнула. – Но к чему такие сложности? Если у князя важные гости, я подожду, когда он освободится.

– Вам оказана великая честь присутствовать на ужине с императорской четой, – огорошил лакей. – Мои советы не будут лишними.

У меня глаза округлились, когда услышала, с кем предстоит встретиться. Сердце заколотилось в тревоге и мысли спутались от волнения.

Тем временем, лакей распахнул двери и объявил мое имя. На ватных ногах я вошла, непроизвольно отсчитывая четыре шага, и опустилась в реверансе. В голове зашумело и живот скрутило в предательском спазме, когда мельком заметила за столом десяток высокопоставленных гостей.

– Алим, кто эта девушка и почему ты пригласил ее на семейный ужин? – раздался мелодичный голос молодой женщины.

– Немного терпения, Ваше величество, и вы обо всем узнаете, – ответил князь и поспешил навстречу мне. – Анастасия Трофимовна, поднимайтесь! – Протянул руку.

Я подала дрожащую ладонь канцлеру и выпрямилась, не зная, чего ожидать дальше.

– Не бойтесь Анастасия, – мужчина приободрил теплой улыбкой. – Прошу извинить, что заранее не предупредил о семейном ужине. И позвольте представить вас их величествам. Но сначала я расскажу предысторию нашего знакомства.

Моего разрешения канцлеру не требовалось, да и рассказывать там нечего. Выросла в деревеньке Демьяново под Воронежем, поступила на учебу в гимназию, готовящую видоков, и едва не погибла на практике в полицейском участке, столкнувшись с опасным преступником. Как оказалось, жертвенный алтарь под домом купца

Холзмана устроили последователи уничтоженного двенадцать лет назад ордена Тьмы.

– Как вы понимаете, я лично курирую случаи, связанные с орденом. Конечно, я счел необходимым самому проверить единственного свидетеля, выжившего при столкновении с орденами. Таким свидетелем и оказалась гимназистка Молчанова. Когда девушка пришла в себя, выяснилось, что она потеряла память. Я не сумел проникнуть в сознание юной барышни и оказался бессилем чем-то помочь. Теплилась надежда, что память вернется естественным образом. Для этого Анастасии требовалось окунуться в привычную жизнь, получить эмоциональный толчок, который подстегнул бы возвращение памяти. Гимназия и сверстники не помогли. Оставался родной дом, куда Настя за два года учебы ни разу не наведася. До зимних каникул ждать еще пару месяцев, что непозволительно долго в нашей ситуации. Но тут случилось прибавление в императорской семье и в честь праздника были объявлены всеобщие каникулы.

– Так, трехдневные гулянья, вылившиеся казне в кругленькую сумму, требовались, чтобы эта девушка съездила домой? – удивился император.

Я невольно вжала голову в плечи, не зная, что и думать. Особенно, после того, как канцлер радостно подтвердил:

– Именно так, Иван Иванович! Все случилось, как я и задумал. Анастасия поехала с подругами в деревню, присматривали за девушками наши люди. Хотя, насколько "наши", мы еще разбираемся. Но суть не в этом. В ходе трагических событий, развернувшихся в отчем доме, где девушку едва не убили, память вернулась.

– Алим, история этой барышни занимательна. Но какое отношение она имеет к нам? – поинтересовался белоснежный блондин с холодными голубыми глазами и лицом, выточенным из мрамора.

– Терпение, Артемий Павлович! Я только подошел к самому интересному. Раз к свидетельнице вернулась память, у следствия вновь появились вопросы по делу Холзмана. А также по убийству двух мещан в Демьяново. В разговоре Анастасия упомянула, что является приемным ребенком четы Молчановых. Я проверил подушные реестры губернии, храмовые записи и выяснил, что информация об удочерении отсутствует. В связи с этим к девушке возникло еще больше вопросов. В ходе беседы вскрылись подробности удочерения.

Двенадцать лет назад молодая семья Молчановых прикупила участок земли под Воронежем и как раз направлялась к новому дому, когда их карета едва не наехала на ребенка, выскочившего ночью на дорогу. Девочке было около пяти лет, а в приюте, где она жила, случился пожар.

– Что? – Императрица резко поднялась из-за стола, прикипев ко мне взглядом. Я заметила слезы, блеснувшие в уголках глаз. – Алим, ты нашел ее? После стольких лет?

– Нинуль, ты только не волнуйся сильно. Нельзя тебе, молоко пропадет, – забеспокоился император.

– Настенька? – Следом за Ее величеством подскочила другая женщина. Много старше, с седыми прядями в волосах и сетью морщинок под глазами.

– Верно, – подтвердил Алим. – Прошу прощения, что вывалил такую новость, не подготовив заранее. Но к такому невозможно быть готовым.

– Да что происходит? – не выдержала я.

– А происходит то, что я нашел вашу семью, как и обещал, – ответил канцлер. – Вы родились в законном браке княжны Светланы Агнияровны Шумской и Константина Данииловича Забелина, который, к сожалению, не дожил до этого счастливого дня. Ваше настоящее имя – Забелина Анастасия Константиновна. Рад представить вам старшую сестру Нину Константинову Забелину, в замужестве императрицу Бельскую. Родного брата великого князя Данияра Константиновича Шумского-Забелина. Дядю по отцовской линии великого князя Игната Александровича Забелина и его супругу Елизавету Гавриловну...

– Вы не шутите! – произнесла, пораженная до глубины души и понимая, что никто в здравом уме не будет насмехаться над такими вещами. – Почему же от меня избавились? – посмотрела в глаза князю, затеявшему этот разговор. – Почему бросили в приюте, где старшие дети обижали, отнимали еду? Где так страшно было по ночам? А вы все... – Сквозь пелену слез, застывших глаза, окинула взглядом разодетых дворян, приходившихся мне родней. – Ни у кого из вас в доме не нашлось места для ребенка? – я попятилась, чувствуя, как захлестывает давняя обида.

Кто из брошенных детей втайне не лелеял мечту о том, что его потеряли, а родители непременно ищут? Вот только детские мечты

давно разбились о беспощадную действительность.

– Доченька! – Незнакомая женщина с полубезумными глазами подбежала ко мне и протянула руки, не решаясь прикоснуться. Я дернулась, не желая этих объятий. Матерью я запомнила Валентину Молчанову, а эта незнакомка была чужой. – Прости, если сможешь. – Глотая слезы, она опустилась на колени, но ее тут же подхватил молодой человек лет двадцати, которого канцлер назвал Данияром. – Нас разлучили, когда ты была крохой. Нарочно сделали так, чтобы мы всю жизнь терзались, не зная, где ты и что с тобой.

Я растерялась. Любой на моем месте растерялся бы после таких новостей. Я не знала, что и думать. Жизнь перевернулась с ног на голову. Будто нарочно в мыслях проносились картинки из далекого голодного детства. Глядя на роскошь, в которой жили родственнички, захлестывало обидное разочарование в людях. Дело ведь не в том, что разлучили, украли или что там еще они придумали в оправдание, а в том, что не искали. И приходило горькое осознание, в чем истинная причина, почему о неугодной дочери предпочли забыть.

– Вы избавились от меня, потому что я родилась слабосилком? Недомагом, которому не место среди одаренных?

– Что ты такое говоришь? – изумилась княгиня Забелина, назвавшая меня дочерью. – Конечно же нет! Я никогда от тебя не отказывалась. Ты была желанным ребенком. Все эти годы дня не прошло, чтобы я не думала о тебе.

– Как же так вышло, что я осталась одна?

– Это сделал мой отец. Князь Шумский был против нашего с Костей брака и отказался от меня, когда пошла против его воли. Он не присутствовал на свадьбе, не появился, когда Ниночка родилась, но пришел за Данияром, едва узнал об унаследованной мальчиком стихии огня. Мы отказались отдавать сына, а отец, чтобы его забрать, убил всех, кто находился в доме. Ниночка чудом выжила, а я... я хотела умереть в тот момент, когда погиб муж, но мне не позволили. Позже я узнала, что ношу под сердцем тебя, и только благодаря этому нашла в себе силы жить дальше. Князь Шумский был жестоким чудовищем. Он отнял тебя, как только понял, что ты родилась с даром. И это он поместил тебя в приют, лишив материнской любви и ласки.

– От меня избавился собственный дед? И это оправдание? А мой якобы брат теперь князь Шумский, глава рода? Сестра – императрица,

остальные тоже при чинах и титулах. И только я не ко двору пришлась? Нет! – Замотала головой. – Не нужно мне жалости, снисхождения или подачек. Ничего не нужно! Сама проживу как-нибудь. – Развернувшись, я выбежала из столовой, и никто не окликнул вслед, чтобы остановить.

Захлебываясь от рыданий, я побежала по коридорам дворянского дома, не разбирая дороги. Заблудилась, конечно, и выскочила в зимний сад, поразивший яркой зеленью посреди зимы. Завидев скамеечку в тени кустарника, опустилась на нее без сил и уткнулась лицом в ладони.

Породниться с императорской семьей – шутка ли! Даже в смелых мечтах не могла себе такого представить. Но отчего так горько и больно? Отчего муторно внутри и хочется сбежать подальше? Другой на моем месте радовался, если бы в одночасье выбрался из грязи в князи, и жил бы дальше припеваючи. А у меня все, не как у обычных людей.

– «Привет!» – звонким колокольчиком прозвенело в голове.

Это было так неожиданно, что слезы мгновенно высохли от удивления. Я выпрямилась, смахивая влагу со щек, и осмотрелась. Рядом стояло маленькое чудо в розовом платьице и с пышным бантом на темных локонах цвета шоколада. Носик кнопочкой, длинные ресницы, румяные щечки – изумительный ребенок.

– «А я тебя знаю!» – снова раздался детский голосок, хотя вслух малышка не произнесла ни слова.

– Привет, – нашла в себе силы улыбнуться. – И я тебя знаю. Ты ведь Ингерда? А меня Анастасией зовут.

– «Анасия? Анаста... э...»

Ребенок не сумел выговорить длинное имя, поэтому я поправила.

– Друзья называют Асей. И ты можешь так называть, если хочешь.

– «Ася, – повторила девочка и просияла, довольная, что получилось. Она подошла и села рядом, аккуратно расправив пышную юбку. – Почему ты плакала?»

– Потому что мне грустно. – Я шмыгнула носом и пожала плечами. – Так бывает.

– «Знаю. Взрослые часто грустят и плачут, думая, что никто этого не замечает. – Ингерда вздохнула. – И мама раньше много грустила».

– Почему? – Вот уж не предполагала, что супруга канцлера была несчастна в браке.

– «Думала, папа ее не любит. А он любит, я знаю! И скучает по ней. Мы оба скучаем. Мне ее очень не хватает. Папа говорит, мама рядом, присматривает за мной. Но это не так! Я бы почувствовала, вот как тебя сегодня!»

Я в сомнениях посмотрела на малышку, правильно ли ее поняла.

– А где же твоя мама? Почему надолго оставила такую замечательную девочку?

– «Папа сказал, что на небесах. – Закусив верхнюю губу, Ингерда запрокинула голову, рассматривая голубое небо сквозь стеклянную крышу зимнего сада. – А я смотрю, смотрю – каждый день! Но никак ее не вижу».

Так, вот в чем дело! Князь овдовел недавно? – к горлу подкатил тугой ком.

– Знаешь, моя вторая мама тоже на небе, и папа. Они давно ушли, но я, как и ты, скучаю, – посочувствовала малышке.

Прогоняя подступившие слезы, я часто заморгала и уставилась вдаль, чтобы успокоиться. Неожиданно взгляд выцепил серебристое полупрозрачное облачко, застывшее неподалеку. Прежде я такого не видела, поэтому постаралась рассмотреть подробнее. Бесплотное, потустороннее, не принадлежащее этому миру. В мерцающей субстанции с трудом угадывался женский образ. Если бы облако было темным, я бы приняла его за тень убитой души. Неужели это...

– А ведь папа тебя не обманул. Твоя мама рядом, только ты ее не видишь.

– Где? – малышка встрепенулась, и от волнения заговорила вслух.

– Вон там, над кустом с синими цветочками! – Указала пальцем на облачко и обрисовала в воздухе его контур.

– Ничего там нет, – расстроилась девочка. – Ты ведь не обманываешь? Оно еще там? Почему ты видишь, а я – нет?

– Ммм, если открою секрет, никому не расскажешь? – спросила шепотом.

– Никому! Честно-честно! – Ингерда закивала. – А что за секрет?

– Иногда я замечаю ушедших на небеса – это моя врожденная способность. А еще, если это произошло недавно, вижу, как это случилось. Но чаще так происходит с теми, чья жизнь оборвалась

внезапно. Таких, как твоя мама, я прежде не встречала. Ее душа удивительно красивая.

– Как бы я хотела тоже ее увидеть! Как ты это делаешь? Научишь меня? – загорелась любопытством малышка.

– А как ты общаешься, не открывая рта? Это моя способность, больше я ничего не умею. У тебя же полноценный магический дар, так что научишься, если сильно захочешь. Ну и, конечно, сначала спросим разрешения у твоего папы. Вдруг он не согласится?

– С чем не соглашусь? Ингерда, сколько раз я предупреждал, чтобы не выходила из комнаты, когда чужие люди в доме? – спросил родитель строгим тоном.

– Ну, папочка! – Девчушка капризно сморщила носик. – Ася – не чужая. Я слышала, как тетя Нина называла ее сестренкой. Значит, Ася – тетя, как и она?

– Подслушивать нехорошо, – пожурил князь. – Ты права насчет тети. Только Анастасия сама еще не решила, нужны ей родственники или нет. Мы должны поговорить, чтобы она приняла верное решение. Иди к себе. И, пожалуйста, больше не убегай от охраны.

Малышка подошла к мужчине и распахнула объятия, желая обнимашек. Князь опустился на корточки и крепко прижал дочку к себе. А она обвила папу ручками за шею, положила голову ему на плечо и тяжело вздохнула. Я заметила, как у канцлера легонько дернулась бровь, и он повел глазами в мою сторону. Видно, между отцом и дочерью снова состоялся мысленный разговор. Глупо надеяться, что маленький ребенок что-то утаит от проницательного родителя. Но я уже и не знала, нужно ли скрывать от новой родни свои тайные умения.

Глава 17

Я проводила взглядом девочку, которую увела няня, и посмотрела на князя.

– У вас замечательная дочь.

– Благодарю. – Мужчина кивнул, принимая мои слова как должное. – Но я прошу не давать ей ложных надежд. Моя жена трагически погибла, и мне нелегко объяснить ребенку, почему мамы нет с нами.

– Соболезную утрате. Только я ведь ни в чем не обманула Ингерду. Я действительно вижу умерших людей, в основном тех, кто погиб насильственной смертью. Они похожи на тени, темным шлейфом следующие за убийцей. А у вашей супруги чистая душа, которую что-то держит в мире живых.

– Покажите! – попросил князь, протягивая раскрытую ладонь. – Обещаю, что посмотрю лишь последние воспоминания, касающиеся моей семьи, и не затрону ничего лишнего.

– Хорошо! – Я согласилась, чтобы помочь девочке.

Особые перчатки остались в комнате, с платьем они не сочетались, так что я коснулась пальцами теплой мужской руки, в мыслях обращаясь к потустороннему образу. Серебристое облачко исчезло, стоило появиться хозяину дома. Может, последовало за ребенком? Кто знает? Я отвлеклась и не увидела, в какой момент оно пропало.

– А вы не испугались, когда Инни заговорила, – через минуту заметил канцлер, разрывая контакт. – Неужели прежде сталкивались с подобным?

– Нет. – Я пожала плечами. – У человека, которого считают сильнейшим магом разума, и ребенок должен быть особенным. Что тут удивительного?

– Хм, ничего. Вы правы. Анастасия, вы не отрицали, что Инни видела вас сегодня. Это так? – Я молча кивнула и отвела взгляд. – Но каким образом? Вы же в этот момент спали в комнате, я проверил.

– А как вы читаете мысли? Как Ингерда разговаривает без слов? Я могу во время сна выходить из тела и видеть, что происходит вокруг. Но и только! Больше ничего не умею. Я ведь недомаг.

– Не нужно так говорить и думать о себе. Анастасия, мне следовало заранее предупредить о встрече с семьей. Дело в том, что сегодня я намеревался рассказать о вас Забелиным, подготовить к встрече. А тут вы сами появились в моем доме, напуганная и беззащитная. Последний раз экстренный сбор случился, когда Батуш... – мужчина осекся, нервно закусил нижнюю губу. – В общем, они прибыли сразу, как только получили вызов, и вышло, как вышло. Прошу, не судите о родственниках сгоряча. В вас сильны детские страхи, а брошенные упреки понятны и логичны. Однако жизнь так многогранна и сложна, что одно и то же действие будет благом для одних и преступлением для других. Не отталкивайте близких, дайте им шанс узнать вас и полюбить.

– Мне нужно время, чтобы во всем разобраться. – Я вздохнула. – Вы вернете меня домой?

Князь печально усмехнулся, на секунду прикрыв глаза, покачал головой.

– Двенадцать лет надо мной довлело обещание Нине вернуть потерянную сестру домой. И вот теперь, когда это случилось, вы торопитесь уйти.

– Вы? – Я удивилась. – Искали меня?

– Да. – Алим Осипович кивнул. – Сначала в Воронежском княжестве, затем в соседнем и по всей империи. Приюты, детские дома, школы для одаренных – они все перешли под патронаж императорской семьи. Таких недобросовестных владельцев, как купчиха Митрофанова, наживающихся на сиротах, мы безжалостно наказывали. Благодаря вам, вскрылись злоупотребления властью и факты бесчеловечного обращения с детьми. Виновники уже гниют в могилах или на каторге. Понимаю, это знание не вернет потерянные годы, но, может, смягчит восприятие и наполнит смыслом, что жертва не была напрасной.

– Почему же вы раньше не рассказали все это?

– Столько раз, когда находилась подходящая под описание маленькая девочка, попавшая в приют, мы радовались, что поиски завершены. Но, когда понимали, что это не так, наступало горькое

разочарование и приходилось начинать сначала. Поэтому, когда я услышал вашу историю, то досконально проверил информацию, прежде чем обнадеживать Ее величество.

– Что же, теперь вы вздохнете спокойно, поиски завершены. – Я поджала губы и отвела взгляд в сторону, ощущая неожиданно возникшую неловкость.

Князь погрузился в собственные мысли, и мы какое-то время сидели и молчали, как старые знакомые, которым не нужны слова. Я думала над тем, что теперь жизнь изменится и не будет прежней, а мне потребуется много сил, чтобы привыкнуть к новому положению.

– Идемте в дом, Анастасия Константиновна. – Канцлер очнулся от задумчивости и тронул меня за плечо. – Вы ведь так и не успели поужинать. И потом, императрица... ваша сестра желает поговорить.

Я молча кивнула и поднялась, направляясь к выходу. У дверей я остановилась и резко развернулась, оказавшись лицом к лицу с мужчиной, который неслышно следовал за мной.

– Здесь красиво! – Жестом обвела зеленые насаждения в зимнем саду. – И дочка у вас, Алим Осипович, очаровательная, и дом уютный. Спасибо за все, что сделали для меня: спасли жизнь, искали столько лет и не сдавались.

– Рад стараться, Ваше сиятельство. Мой долг стоять на страже интересов императорской семьи. – Канцлер обозначил почтительный поклон и улыбнулся кончиками губ. – А красоту и уют в доме создавала моя супруга Батуш. Ей было бы приятно услышать ваши слова. С ее уходом здесь поселилась печаль. Если бы не Инни, я давно переехал бы в столичный особняк.

– Мне жаль! – Я коснулась руки князя и посмотрела ему в глаза, понимая, что печаль здесь поселилась задолго до трагедии.

На секунду в голове мелькнул образ милой девушки, в слезах что-то выговаривающей канцлеру. Накрыло непередаваемой смесью одиночества, тоски и чувства вины. Неужели союз действительно был несчастлив?

Отдернув руку, я настороженно посмотрела мужчине в глаза. Маг разума, не контролирующей собственные чувства? Глупости. Тогда зачем это показывать? Или эмоции случайно вырвались? Скорее всего, иных причин я не находила.

– Простите... – пробормотала, ступавшись, и выскочила из оранжереи в коридор.

А там охрана, учтивые слуги, совершенно другая атмосфера. Уже знакомая служанка вызвалась проводить в гостиную, где меня ожидали. Я обернулась и увидела, что князь остался в зимнем саду и подошел к кусту с синими цветами, над которым прежде висело то облачко. До чего же он странный и непостижимый!

– Ваше сиятельство! – окликнула служанка. – Идемте.

Я не сразу сообразила, что это ко мне обращаются. Общение с Ингердой и князем Леви позволило мне остыть и взглянуть на ситуацию под другим углом. Нельзя судить о чужих поступках поверхностно. Алим Осипович прав, я ничего не знала о родственниках, чтобы их осуждать, и повела себя, как капризная девчонка. Выплеснула на них всю боль и раздражение, что скопились за эти годы.

Ох, сомневаюсь, чтобы знаток человеческого разума не просчитал мою реакцию. Как бы я себя повела, заранее зная, с кем столкнусь? Наверняка промучилась бы сомнениями, выяснила причины, почему меня бросили, и затолкала детские обиды в глубины памяти. А князь сразу вскрыл застарелые раны, дал выговориться, чтобы в дальнейшем между нами не возникало недомолвок. Рискованно? Еще бы! Та женщина будто пощечину получила, когда я ее оттолкнула. Пока что она для меня чужой человек. Невозможно ведь в одночасье стать самой близкой и родной.

Появившись на пороге гостиной, я склонилась в реверансе перед молодой женщиной, поднявшейся навстречу. Золотистые волосы и гордая посадка головы, точеные черты с легкой округлостью, присущей молодым мамам, стройная фигура, которую императрица сохранила после рождения четверых детей. Нина Константиновна слыла красавицей. От нее веяло могучей силой и домашним теплом. Она сияла счастливым ореолом любящей матери и завидным благополучием любимой жены.

– Настя! Давай оставим церемонии для официальных приемов, – дружелюбно произнесла императрица. – Я виновата перед тобой и прошу прощения за невольно причиненные страдания.

– Вы? Извиняетесь? – удивилась такому началу разговора. – Передо мной?

– Да. Я не стыжусь признать вину и попросить прощения. Ты должна знать, что это я приказала прекратить поиски. Мне нелегко далось это решение, и я хочу рассказать, что послужило тому причиной. Разговор будет долгий и непростой, поэтому предлагаю сначала поужинать.

– Я тоже хотела извиниться, что была резкой. Мне следовало сдержаться и не кидаться обвинениями. И перед той женщиной неудобно получилось. Я хочу поговорить и с ней тоже.

– Той женщиной? – переспросила Нина, присаживаясь за стол. – Ты о нашей маме? Она будет рада с тобой встретиться. Только я не допущу этой встречи, если ты снова собираешься ее попрекать. Здоровье мамы пошатнулось после тех событий. Ей противопоказано сильное волнение и стрессы.

– Простите, я не знала...

– Прощаю, но лишь потому, что предполагала, первую нашу встречу ты воспримешь в штыки. Гектор любит подбрасывать загадки, и ты самая непредсказуемая из них. Кушай, Насть, не стесняйся. И выкать не нужно, мы ведь не чужие друг другу.

– Наш дед, князь Агнияр Шумский, был редкостной мразью, – продолжила Нина Константиновна после того, как мы перекусили. – Каждый раз, когда смотрю на маму и вспоминаю о тебе, хочется убить его еще раз. Ты тоже возненавидишь, когда узнаешь, какого будущего он тебя лишил. Однако не стоит переносить вину человека, уже понесшего наказание за грехи, на других членов семьи. Наш брат Данияр возглавил род Шумских по праву силы и праву рождения. Ты – княжна Забелина, наша младшая и любимая сестренка. Документы, титул и все, что полагается по статусу, получишь в ближайшее время. У меня все давно готово, осталось только понять, желаешь ли ты принять и полюбить нас.

– А разве есть выбор?

– Есть, конечно! Ты можешь войти в нашу семью с открытым сердцем, или не входить и жить собственной жизнью, как заблагорассудится, изредка появляясь на официальных мероприятиях. Насильно мил не будешь, так ведь? Хочешь учиться дальше – учись, надумаешь работать – пожалуйста. Замуж соберешься – сыграем свадьбу, только избранника выбирай такого, чтобы одного и на всю жизнь. Вижу колечко на твоём пальчике. Кто он? Любишь ли его?

– Костя, – ответила машинально, поражаясь той свободе выбора, что предоставляла сестра. – Зорин Константин Алексеевич. Дворянин и видок, как и я.

– Это все? – Нина удивленно вскинула бровь. – Какой он? Чем привлек?

– Э... добрый, ухаживает за мной и веселит постоянно, помогает, даже если я об этом не прошу. У него приятная улыбка и...

– И этого недостаточно, чтобы выходить за него замуж! – Сестра покачала головой. – Я не вижу в твоих глазах огня, которым загораются влюбленные при упоминании второй половинки. В нашей семье выбирают пару по сердцу, а твое молчит рядом с ним. Не надейся, что любовь появится как-нибудь потом. Если ее не было изначально, то и в дальнейшем ниоткуда не возьмется.

С Ниной мы проговорили всю ночь. Она рассказала о нелегком пути от последней представительницы уничтоженного рода до императрицы. Нелегкий путь, наполненный болью и потерями, но также полный неожиданных находок и подарков судьбы. Удивительно, сколько способен выдержать человек, если им движет стремление к великой цели. Такой, что даже боги поддерживают в трудную минуту.

– Запомни, Ась, судьба не дает испытаний, которых мы не способны выдержать. Чем сильнее дух, тем старательнее его ломают и испытывают на прочность. Если бы не враги, заставляющие сцеплять зубы и идти вперед, превозмогая себя, вынуждающие жертвовать и терять, я бы никогда не достигла того, что имею сейчас. Только работа над собой, постоянное совершенствование, стремление к новым знаниям и вера, что ты можешь больше, приведут к успеху.

– Не знаю, что и сказать. Я и вполнину не такая сильная, как ты.

– А ты и не обязана быть такой же. – Нина накрыла ладонью мою ладонь и сжала крепко. – Сильными нас делают испытания, любовь близких, которых ты не вправе подвести, ответственность за жизнь других и умение оставаться собой в любых ситуациях. Я хочу, чтобы мои дети выросли сильными, способными защитить семью, если потребуется. Но еще сильнее желаю, чтобы они не знали потерь, любили, жили в мире и согласии. А еще помнили о том, что ради этого их беззаботного существования предки заплатили высокую цену.

– Я поняла, что ты имеешь в виду, и постараюсь не подвести, – пообещала императрице. – Если это возможно, я бы не хотела огласки

в ближайшие пару месяцев. Я планировала сдать экзамены экстерном и закончить гимназию, пройти практику, как положено, и получить диплом. Боюсь, что из-за титула ко мне отнесутся предвзято. И с помещьем нужно что-то решить. Думаю, до Нового года управлюсь и заодно привыкну к мысли, что у меня теперь большая семья, дом и все остальное.

– Насть, мы двенадцать лет ждали, – с улыбкой ответила сестра. – Что такое полтора месяца? Не переживай, в газеты ни строчки не просочится. Только боюсь, что Циля за это отыграется. Выпытает подробности и красочно распишет историю потерянной княжны в стиле слезливого любовного романа. Ну и, разумеется, теперь тебя будут охранять, как драгоценное сокровище.

– Это еще зачем?

– Как зачем? Ты – моя сестра, носительница императорской крови. Вопросы безопасности не обсуждаются! Врагов у империи достаточно, чтобы постоянно быть начеку. Постарайся с пониманием отнестись к тому, что Тёма тщательно проверит твоё окружение. А Ромка, уверена, скоро примчит с мешком артефактов. Увешает, как елку, и будет думать, что мало. Ну и впереди главное испытание – испытание семейной любовью, то есть знакомство с ближниками.

– О! Все так серьезно?

– Спрашиваешь! Абигель – младшая сестра Алима, уже в курсе, что ты нашлась. Значит, и Юленька – это наша племянка, – тоже. Ну а где Юленька, там и сестры Снежинские, и Морозовы, и вся их ледяная банда. Теперь с другой стороны зайдем. Игнат уже вводит старшего сына Сашку в управление делами семьи. Соответственно, наследнику о тебе обязательно расскажет, и Костику с Дашкой заодно. Во-от! Мои пострелята уже смекнули, что не зря Танюшку с няней оставила, и по возвращении устроят допрос с пристрастием. А у меня правило: детей не обманывать. Матери Алим напишет сам. Ведь, если новость попадет к Мусечке через Ромку и Савву Никитича, скандала не избежать. Мирьям тут же вернется из санатория в Минеральных водах и возьмется подыскивать тебе жениха. Ну и все! То, что известно первой статс-даме, узнает весь высший свет.

– И как же мне быть? Я не привыкла к повышенному вниманию. Перчатки... – Я посмотрела на оголенную руку, сомкнула пальцы в

кулак и тут же их разомкнула. – Они отпугивают людей. Меня чаще сторонятся.

– Поверь, магов не запугаешь перчатками. Как, например, они защитят от способностей Инни? Нет, перчатки нужны тебе, в первую очередь, чтобы не видеть людских пороков. Если этот аксессуар тебя смущает, попросим Ромку что-нибудь придумать. Он обожает сложные задачи.

– А Ромка – это кто? – уточнила, чтобы подготовиться к неожиданностям. Нина обо всех членах семьи упоминала в разговоре, но я их еще не запомнила.

– Князь Полозьев-Леви Варфоломей Никитич – придворный ювелир-артефактор, гениальный изобретатель и мой кровный брат. Значит, и твой тоже.

– Не верится! – Я покачала головой. – Разве так бывает? Я точно не сплю?

– Нет, и это только начало, поверь. – Сестра зевнула и поднялась. – Светает уже. Мне пора возвращаться к мужу, детям. Ванечка не любит надолго расставаться. И ты иди отдыхай, сегодня еще много дел предстоит.

– Каких дел? – Я тоже зевнула, отгоняя сон. – Нин, я бы хотела вернуться. Там сроки отчетности по преступлению горят, и в гимназии волнуются, наверное.

– Так, это не проблема. По организационным и юридическим вопросам смело к Алиму обращайся. За безопасность у нас Тёма отвечает, в смысле великий князь Стужев Артемий Павлович. И с Варфоломеем встретиться до отъезда необходимо. Насчет остальных – не знаю, кто-то из любопытных обязательно прорвется. Ты у нас в семье – главное событие года, так что общения предстоит много. Готовься пересказывать свою историю сотню или даже больше раз.

Время было раннее, обитатели дома еще спали. Не все, конечно, но большинство. Среди невольных полуночников оказались слуги. Сестра, попрощавшись, ушла порталной тропой, вызвав восхищение таким способом передвижения. А меня знакомая служанка, которую звали Глашей, как оказалось, проводила в гостевые покои.

Большая комната покоев соединяла в себе гостиную и спальню, гардеробную заменял вместительный платяной шкаф, а ванная примыкала отдельно. Глаша обратила внимание, что моя одежда уже

выстирана и отглажена. А также для моего удобства хозяин распорядился доставить вещи из ближайшей лавки. Позднее портнихи снимут мерки и сошьют полный гардероб, необходимый молодой девушке из высшего света.

– Желаете, может, чего-то, госпожа? Вы говорите, не стесняйтесь. Хотите, горячих камней принесу для постели, чтобы не в холодную ложиться? Или ванную набрать? Может, чаю хотите? – Женщина изо всех сил старалась угодить.

– Если можно, чай крепкий заварите, пожалуйста, – попросила, сообразив, что служанка не отстанет. – Спать уже поздно ложится, я пока поработаю. Переоденусь только в домашнее.

Пока Глаша бегала за чаем, я умылась и даже с платьем справилась самостоятельно. Устроившись за дорогим секретером с полным набором письменных принадлежностей, я занялась отчетом по убийству Кузьмичева. Заминка вышла только с указанием причины, по которой меня не убило пулей с магической начинкой. Написать, что подарок от канцлера защитил? Или семейный артефакт сработал?

Господи, Костя же там с ума сходит от неизвестности! А Дарья? До сих пор под арестом? В этой кутерьме я забыла о них. Нет, нельзя больше откладывать! Необходимо вернуться и сделать, что должна. Надо только понять, как далеко от дома занес меня портал. Ясно, что в поместье князя Леви. Но где оно находится? За сколько верст от Воронежа?

Приняв решение, я облачилась в гимназическую форму, захватила с собой отчет для полиции и вышла из комнаты, намереваясь разузнать, как попасть к хозяину. Глаша дремала в коридоре, примостившись на кушетке. Не стала ее будить. Охрана куда-то запропастилась. Видно, с уходом императрицы надобность в повышенных мерах безопасности отпала.

Князя я обнаружила в библиотеке, на которую наткнулась случайно, когда искала дорогу к кабинету. Мужчина сидел за письменным столом и работал с бумагами, периодически делая пометки в блокноте. На мое появление отреагировал не сразу. Я вошла неслышно, дверь даже не скрипнула, легко подавшись внутрь. Не ожидая натолкнуться на хозяина дома, я замерла в нерешительности.

У князя залегла складка на лбу, и едва заметная сетка морщинок расплзлась вокруг глаз. Возможно, неудачно падала тень светильника,

днем я ничего такого не заметила.

Говорят, маги чутко реагируют на внимание, вот и князь встрепенулся, почувствовав взгляд.

– Настя? Вы почему не спите? Поздно уже, или, скорее, даже рано слишком. Случилось что-то? – встревожился он и, поднявшись, поспешил ко мне.

– Нина... в смысле, Нина Константиновна сказала обращаться к вам по организационным и юридическим вопросам. А мне неловко отвлекать вас от государственных дел. Не могли бы вы вернуть меня в гимназию? Там подруги волнуются, руководство. Никто ведь не знает, куда я пропала. И отчет по убийству Кузьмичева нужно в отдел передать. – Показала бумаги, которые сжимала в руках.

– Савушкина я проинформировал сразу, как только обнаружил вас. В полиции тоже в курсе, так что не переживайте. А вот на отчет позвольте взглянуть? – Князь вытащил у меня исписанные листы и пробежался взглядом по содержимому. – Красивый почерк, – отметил мимоходом. – Я перешлю документы в Следственный комитет. Ваши показания добавят ясности некоторым деталям, но в целом и так понятно, что Кузьмичева устранил поделщик.

– А что с Гашковым? Его схватили? Никто не пострадал?

– Поймали мерзавца! – обрадовал канцлер. – Кто бы на него подумал, а? Семьянин, примерный работник, еще и труп «сам» обнаружил. Вы оказали услугу следствию, когда вывели преступника на чистую воду. Жаль только, что рассказать он ничего не успел.

– Как это? Неужели, убили при задержании? – ахнула я.

– Если бы, Настя! Если бы! Задержанный умер на допросе, когда маг разума ломал его защиту, – посетовал мужчина. – Жаль, меня не дождалась. Да только и я, наверное, получил бы схожий результат.

– Клятва сработала?

– Нет, Настенька. – Князь покачал головой. – Клятва иначе действует, и метка остается на ауре. А вот таким жестким способом от стороннего вмешательства раньше защищал своих приверженцев орден Тьмы. Другого видимого объяснения нет. Жертвенный алтарь, ментальный удар, тщательно замеченные следы – это их методы. Если я прав, то в городе окопался сильный враг.

Я невольно поежилась, испугавшись, как близко соприкоснулась с настоящим злом. После рассказов Нины, какого врага победили

двенадцать лет назад, я уже не воспринимала темников, как нечто эфемерное, размытое. Я отчетливо помнила тьму в подвале купца Холзмана, смотрела в глаза человеку, пытавшемуся меня убить, и понимала, какая опасность грозит любому, кто столкнется с монстром в человеческом обличье.

– Напугал? – Алим взял меня за руку и ободряюще ее пожал. – Не нужно бояться. Вы под надежной защитой императорской семьи.

– И все равно мне необходимо вернуться! Я должна помочь Григорьевой. Дашка меня защищала, а ее под арест посадили! И экзамены я намеревалась сдать экстерном. Мне безумно неловко отвлекать вас от дел и злоупотреблять гостеприимством. Но я прошу лишь оказать содействие с возвращением. Я же попала сюда без верхней одежды, денег и документов. Может, если бы вы купили мне билет на дилижанс или на поезд, я бы из дома сразу выслала нужную сумму. Представьте, я ведь даже не знаю, в каком уголке империи нахожусь.

– Анастасия Константиновна! – возмутился князь. – Это ни в какие ворота не лезет! Неужели я кажусь настолько мелочным?

– Что вы, Алим Осипович! Вовсе нет! – замотала головой. – Вы благородный, умный и удивительно добрый. Я не знаю, как... – смутилась. – Как глупо, вы правы! Наверное, я лучше пойду. – Развернулась к двери, пряча взгляд.

Однако канцлер еще сжимал мою ладонь в рукопожатии и легко удержал на месте.

– Анастасия, вы как ребенок. – Снисходительно улыбнулся. – Я всего лишь пояснил, что часть проблем, из-за которых вы переживали, уже решена. Никто не отправит вас трястись неделю в дилижансе, доставим самым быстрым способом – порталом, или летающий корабль снарядим. Вы позабыли, что еще раннее утро и большинство людей спит. Предлагаю подождать пару часов, позавтракать и тогда уже отправляться, если пожелаете. Кстати, вы находитесь в моем поместье Ирбисово в Зауралье. До вашего дома две тысячи верст.

– О! – Вытаращилась на мужчину удивленно. – Так далеко? Вы не шутите, да?

– Я вам больше скажу, до ближайшего города верст пятьдесят будет. Вокруг ни души, только зверье лесное бегаёт и птицы летают. Дом, как вы уже успели заметить, неприступен. Слуги и охрана из

надежных людей набраны. Тут я чувствую себя свободно и за Инни не переживаю, если понимаете, о чем я.

– Понимаю, – я кивнула. – Здесь вы можете быть собой и никому нет дела до ваших особенностей.

– Верно подмечено. А хотите, прогуляемся по утреннему лесу? – предложил князь, удивив еще раз. – Заодно поделитесь проблемами, а я постараюсь их решить.

Кто же откажется от такого предложения?

Глава 18

Согласиться-то я согласилась, а не подумала, что не в чем на улицу выйти.

– Ой, а как же я пойду? Мое пальто осталось в Грузовом переулке. Хотя, скорее, в участке полицейском уже дожидается.

Вместо ответа, князь вызвал дворецкого, наказав тому подать одежду для прогулки, а к нашему возвращению накрыть завтрак. Перед уходом канцлер убрал бумаги со стола в сейф.

Я мысленно фыркнула, что прятать их незачем, посторонние тут не ходят. Лишь позже пришло понимание, что это не от недоверия, а в силу привычки и уважительного отношения к чужим тайнам.

В холле слуга уже подготовил зимние вещи: душегрейку, овчинный полушубок, сапоги на меху, кружевную шаль из тончайшей шерсти и варежки. Алим Осипович тоже приоделся, сделавшись визуально крупнее и выше за счет свободного края плаща, подбитого соболем, и шапки с приподнятой тульей.

Мы вышли через центральный вход и по расчищенной подъездной дороге прошли до ворот. Охрана при нашем приближении распахнула створки, выпуская наружу. Метров на сто по обе стороны забора расстилалась снежное поле, сразу за которым стеной вырастал мрачный лес. Миновав открытое пространство и углубившись по тропинке в сумеречное царство природных исполинов, я покрепче схватилась за локоть князя. Высоченные деревья, припорошенные белым серебром, вздымались к небесам. Могучие кроны зияли просветами между голых веток, которые летом, наверняка, закрывали небо. Дух захватывало от суровой красоты, невероятная тишина оглушала величием, и голова кружилась на пьянящем чистом воздухе. Зверья нигде не было видно. Может, опасалось приближаться к людям? Птицы притихли. И только цепочки следов на снегу намекали, что лес обитаем.

– Нравится? – спросил князь, молчаливо идущий рядом.

– Да, и пугает одновременно, – призналась в нахлынувших чувствах. – Не страшно тут одним?

– А кого боятся? Зверя? Так защита стоит, отпугивающая хищников. И человек сюда не пройдет, если без приглашения заявится. Местным известно, что я не терплю посторонних.

– Но нельзя же постоянно в изоляции жить? А слуги? Где продукты свежие берут и необходимые ежедневно мелочи?

– Как где? Вы еще поместье не видели. Позади дома хозяйственный двор с загонами для живности и другими постройками. Я сам регулярно перемещаюсь в столицу и обратно, а по пути забираю все необходимое. Никто из посторонних даже не догадывается, что я не в особняке ночую, а ухожу сюда.

– А Инни как же? Она ни с кем не общается и отрезана от окружающего мира? – У меня в голове не укладывалось, как можно так жить?

– Почему же не общается? Что я зверь какой? Мы в Левино каждые выходные навещаемся. К нам тоже гости заглядывают регулярно. А в будние дни скучать некогда. Время для занятий, отдыха и принятия пищи расписано по минутам. Строгий режим дисциплинирует. Ингерда еще не научилась контролировать дар и общаться, как обычные дети. Ближники в курсе ее особенностей, и уже не обращают внимания, а остальным ни к чему знать такие подробности. И для дочери есть дополнительный стимул заниматься. Люди предвзято относятся к магам разума. Да вы и сами понимаете, каково это, когда от тебя шарахаются. Я желаю Инни только добра.

– Но она же еще маленькая! – изумилась такой заботе о благополучии девочки и одновременно жестким условиям воспитания.

– Так, магов и обучают с пеленок. Дар – это ответственность, которую маг несет на протяжении жизни. Вас ведь приемные родители тоже обучали с того момента, как взяли на воспитание? Поначалу это происходит в форме игры и несложных поручений, позже задачи усложняются, и вот вы уже незаметно втягиваетесь в процесс, потому что привыкли.

– О! – Я припомнила, что мы действительно много времени проводили вместе. Но только сейчас осознала, что игры и прочие вещи учили тому, чтобы научиться скрывать способности. – А ведь вы правы.

– Так, расскажете, зачем на самом деле желаете вернуться? – ввернул заковыристый вопрос канцлер. – Сдать экзамены в гимназии – не проблема, практику мы вам и в столице устроим. Насчет вашей подруги я уже переговорил с юристом. Уже сегодня, уверен, девушку освободят. В Демьяново отправим управляющего, да и магов, пожалуй, чтобы оценили состояние природного места силы. Людей с насиженных мест сгонять никто не будет, вам предоставят отчеты и предложат варианты с дальнейшим использованием земель. Анастасия, вы теперь не одна выступаете против всего мира. За вами стоит сильный род, умеющий решать задачи, с которыми вы впервые столкнулись, и обладающий необходимыми ресурсами для этого.

– Мне еще нужно привыкнуть к этой мысли. Вы правы, что легче перепоручить дело опытным людям, но я бы хотела сама справиться. И только, если не получится, обратиться за помощью.

– Что же, похвальное желание. – Мужчина задумчиво пожевал губы. – Я, к сожалению, не могу сопровождать вас постоянно. Но выделю человека, который решит любые вопросы. Также дам координаты управляющего из конторы Кальмана и распорядюсь арендовать апартаменты на тот случай, если вам потребуется место, где остановиться.

– Спасибо, но это лишнее...

– Анастасия, это минимум из того, что положено по статусу. Может, вы привыкли к экономии и аскетичному образу жизни, но княжна Забелина обязана следовать общепринятым нормам.

– Как скажете, Алим Осипович, – поблагодарила я, так и не решившись упомянуть об еще одной причине, которая тянула обратно.

По возвращении нас ожидал завтрак, за которым к нам присоединилась Инни и молодой мужчина с горящим взглядом, взлохмаченной шевелюрой и смешными круглыми очками – гоглами, задвинутыми на лоб. Парню подошла бы униформа мастерового с кожаным фартуком и торчащими из карманов инструментами, а не княжеский камзол с белоснежной рубашкой.

– Варфоломей Никитич! – представился он, энергично пожимая мою руку. – Полозьев-Леви. Князь.

– «Доброе утро!» – в этот же момент вклинилась в мысли Ингерда.

– «Доброе, Инни! Как спалось?» – так же мысленно ответила девчужке улыбнувшись.

– Анастасия Тро... Константиновна. Забелина. Княжна, – вслух машинально назвала себя в схожей с князем манере, изумленно наблюдая, как молодой человек трясет мою руку и при этом ее внимательно рассматривает. – Вы семейный ювелир? – вспомнила, что Нина предупреждала насчет Ромки. Чудной такой.

– «Хорошо. А папа показал маму! И сказал, что это ты подсказала, как ее увидеть!» – поделилась новостями малышка.

– «Вот видишь! Я тебя не обманула. Рада, что все получилось», – продолжила мысленное общение с девочкой, одновременно стараясь понять, что делает новый родственник.

– А? Да. И ювелир тоже, – закивал артефактор, надвинув на глаза гоглы и носом уткнувшись в мою ладонь. – Ммм, можно вторую руку? Ага! – Сам же и сцапал ее, не дождавшись ответа.

Я беспомощно посмотрела на канцлера, взглядом спрашивая, что происходит. Но мужчина пожал плечами и жестом показал, чтобы не мешала мастеру.

– А что с магическими каналами? Их же почти нет! Первую инициацию в каком возрасте проходили? – огорошил Варфоломей вопросами.

– Откуда же мне знать, что с каналами? Я же недомаг. Инициации не было.

– «А что такое недомаг?» – тут же возник интерес у ребенка, а я не нашлась сразу, что ответить.

– «Давай, я попозже расскажу о недомагах?»

– «Угу». – Насупилась Инни.

– Как не было? – Варфоломей вытаращился через очки увеличенными вдвое медово-кариными глазами. – Ну, это ни в какие ворота не лезет! Срочно! Срочно в источник. И к светочам не помешало бы заглянуть. Что это тут к ауре прилипло? Как я должен работать, если не проведена предварительная подготовка?

– Все настолько плохо? – Упоминание о светочах насторожило. Нельзя мне к ним, учитывая, что я намеревалась сделать.

– «А почему ты боишься светочей?» – тут же полюбопытствовало маленькое чудо, сверкая глазенкам.

– «Потому что не знаю, чего от них ожидать», – ответила, начиная понимать, что подразумевал князь, говоря об общении и контроле.

– Не переживайте, Анастасия, – поспешил успокоить канцлер. – Варфоломей у нас личность творческая. Не ошибусь, если предположу, что сейчас он решает задачу, чем заменить перчатки видока.

– К чему такая срочность? Не нужно лишних хлопот. Я привыкла к перчаткам, не так уж они и мешают. Может, вернемся к этому вопросу позже? Завтрак остывает, – напомнила, зачем мы собрались.

– Действительно, Варфоломей Никитич, давай сначала покушаем, – поддержал хозяин дома. – А после выдашь княжне артефакты и сделаешь необходимые замеры.

– А я уже... – Молодой человек тщательно измерил длину моей руки от ладони до локтя. Затем сомкнул пальцы вокруг запястья, определяя обхват, и, наконец, отстранился. – Закончил. Чем сегодня кормят в этом доме? – Развернувшись к столу, окинул его взглядом и, подхватив пустую тарелку, принялся накладывать себе еду.

– Позвольте я поухаживаю! – Канцлер поспешил подойти ко мне. – Не обращайтесь внимания на странности этого молодого гения. Когда Ромка в таком состоянии, его лучше не трогать. Присаживайтесь! Что вам подать? Омлет? Может, блинчиков желаете? У нас тут пять видов начинок приготовлено.

Ошеломленная знакомством с такой оригинальной личностью, я молча кивала, соглашаясь на все, что предлагал князь. И также молча опустошила тарелку. Разговор с мужчинами не клеился, зато с Инни мысленно поболтали о всяких мелочах.

Ну а после настало время волшебных подарков. Сестра не обманула, что Ромка увешает меня артефактами, как елку. Тут и сережки с записывающими кристаллами, и пуговичка, которую нужно оторвать, если попаду в беду. Удивил и защитный артефакт с встроенным амулетом исцеления в виде браслета. Его мастер лично надел на мое запястье и активировал вместе с иллюзией, которая делала украшение невидимым для окружающих. Еще подарил шкатулку для магической почты, одноразовый портал в виде колечка, похожего на тот перстенок, что перенес меня сюда. Каменную пирамидку с подвижной верхушкой, которая накрывала защитным куполом любое помещение. И это только обязательные артефакты, без которых даже из дома не рекомендовалось выходить! А были еще

бытового назначения, обеспечивающие комфорт: согревающие, охлаждающие, убирающие грязь с одежды, очищающие тело, если вдруг оказалась в стесненных условиях.

Как недомагу, большинство вещей из тех, что у одаренных считались обыденными, мне были недоступны. Например, быстро высушить волосы после купания или одежду после дождя. Разжечь огонь в камине или подогреть остывшую еду. Взбодриться после бессонной ночи и не заболеть, промочив ноги на улице. Я чувствовала себя восторженным ребенком, у которого разом исполнились все желания, загаданные в течении нескольких лет.

– Спасибо, Варфоломей Никитич! – поблагодарила мастера за королевские подарки. – Я и не мечтала даже о подобных артефактах. Вы настоящий чудесник, раз способны создавать такие удивительные вещи.

– Ну, что вы! Не стоит благодарности, – смутился молодой человек. – Это же так, на первое время, пока я не сделаю индивидуальную защиту. Но для этого необходимо пройти процедуру принятия в род. Позже мы подберем природный накопитель, усиливающий ваши способности, и уже на его основе сделаю что-нибудь особенное. Хочу сказать, что рад вашему появлению и буду счастлив называть сестрой, как и Нину.

– А у меня никогда не было брата, да еще такого талантливое. До сих пор тянет ущипнуть себя и проснуться. Но я не делаю этого из страха выяснить правду и узнать, что ничего этого не происходило на самом деле.

Попрощавшись с князем Полозьевым, который умчался порталом воплощать свои гениальные идеи, настал и мой черед уходить.

– «Придешь к нам еще?» – спросила Инни, повиснув у меня на шее.

– «Приду, если пригласите, – пообещала девочке. – Сама не умею преодолевать большие расстояния, а живу далеко отсюда».

– «Скажу папе, чтобы почаще тебя приглашал», – заявила малышка со всей серьезностью.

Для переноса мы с князем отправились в специальную комнату, где был установлен стационарный портал. Я прежде не подозревала, что такие существуют, и ничуть не удивилась, узнав, кто создал такое чудо. Варфоломей на основе способностей Нины перемещаться

тропами разработал гигантские артефакты, соединяющие точки выхода в единую сеть. Например, из Ирбисово портал вел только в столицу, а уже оттуда в другие части империи.

Сеть порталов соединяла между собой крупные города, а сами артефакты устанавливались в юридических конторах Кальмана. Но лишь единицы пользовались этим способом преодоления расстояний. Большинство не подозревали даже о самой возможности перемещения. Индивидуальные порталы по-прежнему требовали много денег. Для их изготовления требовались драгоценные камни и магия мастеров-портальщиков. Чем чаще я соприкасалась с новым миром, тем больше удивительных открытий поражали мое воображение. В голове не укладывалось, как такое возможно, перед завтраком прогуливаться в заснеженном лесу Зауралья, а после оказаться в центре Московии. Меня княжеское поместье поразило роскошным убранством, а что говорить о столичном особняке?

Слуги уже ожидали нашего появления и подготовили на выбор четыре варианта зимней одежды. Судя по этикеткам, новой, только доставленной из модного салона. Ну, как тут выбрать неискушенному человеку? Я прежде не подозревала, что бывают вещи подобной красоты. Разве что видела похожие издавна, на женах или дочерях провинциальной аристократии. А где в этом появляться мне? В гимназии? Или в полицейском участке?

– Анастасия, что вы решили? – Канцлер отвлек от созерцания и мучительного выбора, а я посмотрела на него беспомощно, не зная, что ответить. – Неужели, ничего не понравилось? Вы не стесняйтесь! Если что-то не подойдет, вернем в лавку. С этим не возникнет проблем.

– Вернете? – Расстроилась, испытывая жгучее желание обладать шубкой серебристо-голубого меха и кашемировым пальто с соболиной оторочкой, мантильей с золоченым кантом и стеганой подкладкой, модной пелериной с капюшоном. – Жаль! В жизни не встречала ничего подобного.

– То есть, вам понравилось? – уточнил мужчина.

– Конечно! Вы еще сомневаетесь? Только эти вещи не по карману гимназистке Молчановой. Если я появлюсь в такой одежде, возникнут вопросы, домыслы...

– Ясно! – Князь тряхнул головой и потер пальцами переносицу. Затем подхватил пелерину и накинул ее мне на плечи, бросив слугам: –

Остальное запаковать и отправить багажом по адресу... ммм, позже пришлю адрес. Все, Анастасия. Идемте! Нас уже ждут.

Подхватив меня под локоток, повел к порталной площадке. Через минуту мы уже знакомились с управляющим конторой Кальмана в Воронеже Львом Соломоновичем Гольдманом.

– Гад, чгезвычайно гад знакомству! – Вызвал невольную улыбку картавым говором худощавый мужчина с черной бородкой.

– И я рада с вами познакомиться, Лев Соломонович! – С осторожностью ответила на рукопожатие, ожидая реакции на перчатки. Но ее не последовало, что сразу расположило меня к человеку. – Расскажите скорее, как там Дарья Григорьева? Когда ее отпустят?

– Я ознакомился с матегиалами дела и уже подал ходатайство об освобождении из-под стгажи в виду откгввшихся обстоятельств.

– Каких же?

– Ну, как же? Пгежде дело гассматгивалось в мещанском ведомстве, а тепегь, согласно вашему статусу, пегедано в двогянский суд. И здесь уже господа убиенные выходят пгеступниками, замыслившими згодеяние пготив хозяев и их гостей согласно показаниям двогянина Зогина и вашим. Освобождение Гтигогьевой – вопгос бумажной бюгокгати, но мы его обязательно гешим.

– О! Это замечательная новость! Спасибо вам большое. А можно увидеться с Дарьей? Она ведь пятый день томится в тюрьме, без поддержки.

– Думаю это можно устгоить, – ответил управляющий после недолгого размышления. – Пгедлагаю сначала опгеделиться с жильем, я уже пгисмотгел несколько вагиантов, а потом вместе отпгавимся в Упгавление. Мне к одиннадцати назначено. Думаю, вам пгятно будет сообщить подгуге новость об освобождении.

На княжеском паромобиле мы проехали по адресам, где сдавались квартиры, подходящие для одинокой девушки. Мне понравился флигель, примыкающий к дому помещицы Гурьяновой в Никитинском переулке. Двухэтажная пристройка с гостиной и летней кухней на первом этаже и спальней с кабинетом – на втором. Отдельный вход позволял приходить и уходить, когда вздумается, не беспокоя хозяев. А для частных визитов Степанида Васильевна любезно предоставляла чайную гостиную собственного дома. Мы

вроде проживали под одной крышей, соблюдая приличия, и в то же время не мешали друг другу. Раз в неделю в комнатах наводила порядок служанка, а на кухне всегда имелась свежая еда.

Алим Осипович одобрил мой выбор и предупредил, что сегодня же флигель оснастят магической защитой. Оформление договора, разумеется, ложилось на плечи господина Гольдмана. Далее вместе со мной канцлер прокатился до Управления Следственного комитета, намереваясь лично переговорить с Лутецким Степаном Аверьяновичем. Тайны тайнами, но высшему руководству следовало знать, что теперь я не безвестная гимназистка, а княжна, за жизнь которой они несут ответственность. Также князь намеревался известить о моем статусе полицмейстера Богушева и директора гимназии Савушкина.

– Но вы же обещали? – Представив на минуточку, какой ажиотаж после этого начнется, возмутилась я.

– Обещал, поэтому рассказываю, кто будет в курсе вашей тайны. Эти люди присягали на верность империи и императору. Они получают соответствующий приказ о неразглашении, будут негласно вас охранять и содействовать решению любых вопросов. Не переживайте, никакой огласки не случится, пока вы не будете готовы, – пояснил Алим Осипович. – Нижестоящее руководство полицейской Управы и Следственного комитета, рядовые сотрудники и преподаватели гимназии, с которыми вы привыкли общаться, ничего не узнают. Согласитесь, это разумный компромисс, учитывая происшествие со стрельбой в Грузовом переулке. Подобных ситуаций не должно повториться. Одно дело, проходить практику, совершенствуя навыки видока, и другое – подвергать жизнь опасности, сталкиваясь с преступниками.

– Но ведь будет только хуже! Кто мне теперь серьезное дело доверит? – я расстроилась, понимая, что тот же Коромыслов или Лыткарь, получив указание сверху не привлекать гимназистку Молчанову к расследованию, перестанут брать меня на вызовы.

– Анастасия, вы всерьез желаете регулярно иметь дело с человеческими пороками? – нахмурившись, уточнил мужчина.

– Я желаю помогать людям!

– Прекрасно! Есть сотни других способов для помощи, и нет нужды для этого жертвовать собственным душевным здоровьем, – с

легкостью парировал Алим Осипович. – Кажется, это за вами. – Указал на господина Гольдмана, заглянувшего в приемную начальника Следственного комитета, которую тот любезно предоставил в наше распоряжение.

– Нина Константиновна, прошу следовать за мной и этим молодым человеком, – указал на конвойного. – Он сопроводит нас в следственный изолятор. Я как раз подпишу бумаги, а вы сообщите Гтигогьевой об освобождении.

Обрадовавшись долгожданной встрече, я поспешила за управляющим. Изолятор, где содержались подследственные, представлял собой защищенное унылое место с решетками на окнах кабинетов и железными дверьми с маленькими смотровыми окошками. Мы миновали десяток запертых дверей, прежде чем попали в комнату для свиданий. Конвойный вошел первым, проверяя безопасность, а после пропустил меня. Гольдман предупредил, что последние формальности займут около получаса, так что у нас предостаточно времени для общения.

Григорьева, исхудавшая и осунувшаяся, сидела на лавке, отрешенно уставившись в пол полубезумными глазами и не реагируя на посторонних. Одежда на девушке осталась та же, в которой она выскочила из избушки зимовья. Волосы, прежде заплетенные в косу, давно выбились и торчали засаленными космами.

– Привет, – выдохнула, испытывая невероятную жалость и сочувствие к страданиям несчастной. – Дашка, как ты тут? Я за тобой пришла. Прости, что так долго.

– Ася? – подслеповато щурясь, посмотрела на меня подруга. – За мной? А-ха-ха, смешно! – расхохоталась сухим лающим смехом. – Думаешь, я снова поверю? Нет, больше не куплюсь. Сгинь!

– Даш, это не сон! – Я под села к девушке, схватила ее за руку и крепко сжала. – Это действительно я, Ася. Я помогу справиться с ней, слышишь? Ну, посмотри же на меня! Я не позволю ей свести тебя с ума. Мы уничтожим ведьму. Вместе!

– Ты опоздала. Она уже добралась до меня. – Григорьева скривилась, будто хотела заплакать, но не смогла.

– Нет! Ничего не поздно! – Порывисто обняла подругу, прижала к себе и прошептала на ухо. – Ей нравится мучить жертву и изводить в отместку за гибель оболочки. Теперь она вынуждена занять новое

тело, которое заранее приготовила на такой случай. Пока ведьма не освоилась и не обрела прежнюю силу, есть шанс запереть ее в нем и убить.

– Аська, это правда ты? – всхлипнула Дарья и прижалась ко мне, вздрагивая от сотрясающих тело рыданий. – Мне так страшно. Я боюсь засыпать. Она приходит каждую ночь и сводит с ума. Никто ее не видит. Мне не верят. Считают, что крыша поехала. Я больше не выдержу.

– Даш, это я, правда. И я тебе верю! Скоро мы уничтожим ведьму. Она не будет больше приходить, и тебя перестанут изводить кошмары.

Глава 19

В таком состоянии везти Дарью в гимназию я опасалась. Ей требовалось время, чтобы прийти в себя. А мне следовало подготовиться и собрать тех, кто столкнулся с черной ведьмой. К счастью, Лев Соломонович предложил приемлемый вариант. Для начала, показать девушку доктору Гельбергу, а дальше действовать по обстоятельствам.

– Нина Константиновна, вынужден откланяться. Государственные дела не ждут, – канцлер извинился, что не сможет меня сопровождать и ушел порталом, поручив заботам управляющего.

Я поблагодарила князя за помощь и пообещала сразу обращаться к нему, если что-нибудь понадобится. С Дарьей, которая ни на минуту не желала расставаться, мы получили верхнюю одежду и личные вещи. Затем подписали кучу бумаг и, наконец, вышли на унылый морозный двор Управления. Небо, как назло, с утра хмурило и нависало свинцовыми тучами. И все равно, Дашка замерла с блаженной полуулыбкой, вдыхая колючий воздух свободы.

– Ася? – донесся изумленный возглас Зорина. – Асенька, глазам не верю. Ты!

Молодой человек стоял возле паромобилия, общаясь с сослуживцами, когда заметил нас. Жених стремглав подлетел ко мне, сгреб в охапку и крепко стиснул, приподнимая над землей.

– Я извелся от переживаний. Как ты? Что ты? Куда исчезла из проклятого переулка? Места себе не находил. Все пороги оббил, чтобы узнать новости. – Обхватил мое лицо ладоням и покрыл поцелуями.

– Костя, на нас смотрят, – прошептала ошеломленно. – Я в порядке, правда. Княжеский артефакт защиты сработал, и меня порталом далеко выбросило. Я не знала, как сообщить, что в порядке. Давай попозже встретимся? Я все расскажу. Мы с Дарьей в больницу едем.

– Так, давайте я отвезу! – предложил помощь. – Только у руководства отгул попрошу на сегодня.

– Костя, нас Лев Соломонович любезно согласился подвезти...

– На княжеском паромобиле? Ну, разумеется! – Зорин вспыхнул обидой. – Чем еще облагодетельствовал великий князь? – Разжал объятия и демонстративно поправил сбившуюся пелерину. – Обновки появились? Тебе идет.

– Зачем ты так? – я расстроилась. – Алим Осипович – благородный человек. Жизнь мне спас. Он что, по-твоему, должен был меня раздетой назад отправить? Пальто у Гаршина осталось.

– Прости, я глупость сказал! Волновался ведь, не спал, переживал. Рад, что ты в порядке. Вы к Эдуарду Францевичу? Поезжайте тогда, а я следом за вами, только в Управление загляну сначала. – Зорин нехотя разжал объятия и сухо поприветствовал моих спутников.

Выезжая со двора, я заметила, как он торопливо направился к зданию.

– Ты выходишь замуж? – поинтересовалась подруга, наблюдавшая за встречей. – Все-таки согласилась? О каком происшествии он говорил?

– Согласилась, – подтвердила, не вдаваясь в подробности, про остальное предпочла промолчать. – Происшествие с практикой связано, позже расскажу.

В больнице Эдуард Францевич осмотрел Дашку, подстегнул организм к восстановлению целительским импульсом, проверил реакцию на рефлексy. Расспросил, с чем связаны возникшие проблемы со здоровьем, и задумался.

– Видите ли, физически барышня Григорьева здорова. Истощение лечится правильным питанием и крепким сном. Но корень проблемы я вижу в моральном состоянии, оценить которое способен только маг разума. Рекомендую съездить в психиатрическую клинику и обследоваться там.

– А потом Дарью поставят на учет и в личном деле появится отметка о психической неустойчивости, – озвучила последствия такого шага. – Может, порекомендуете частного специалиста?

– Рекомендовать я могу, однако быстрее решить этот вопрос через графа Зорина-старшего. Вы ведь скоро станете одной семьей? – указал на сверкающее колечко на моем пальце.

– А разве граф связан с клиникой? – Я удивилась. – Он маг разума?

– Мне довелось познакомиться с Алексеем двенадцать лет назад. Я видел, на что он способен, как хирург и первоклассный целитель. В больницу как раз доставили Евгению Зорину с сыном, пострадавших от взрыва артефакта. Прежнего графа насмерть убило, когда он собой семью закрыл. Больше всех мальчишке досталось – по кусочкам собирали, да и после Алексей его выхаживал. Так и сблизился с Евгенией Павловной. Фамилию он тогда другую носил, но это и неважно. Женившись на графине Зориной, Алексей взял фамилию жены, а сына воспитал, как родного. Только практиковать перестал, семейные дела затянули: торговля, склады, судоходство. Непосредственно в дела клиники Зорин не вмешивается, но входит в состав Попечительского совета. Он известный в городе меценат. Полагаю, с протекцией графа у вас не возникнет сложностей получить консультацию специалиста.

– О! Не знала об этом. Костя скоро подъехать должен, сразу и спрошу. А вы не могли бы предупредить господина Савушкина, что Григорьевой необходима помощь мага разума?

– Разумеется! Отправлю вестник и подготовлю бумаги об осмотре. Заберете их после обеда, или же направлю документы нарочным.

Мы устроились в фойе больницы, ожидая появления Зорина. Господин Гольдман уточнил, за чей счет будет производиться лечение и рекомендовал указать плательщиком его контору.

– Гастогоннее будут и лишнего за услуги не возьмут, – поделился опытом управляющий. – Анастасия Тгофимовна, я уполномочен выдать сгедства на текущие гасходы. Если угодно, заедем в контогу, где вы забегете наличность.

Я подумала, что деньги не помешают. Охота на ведьму потребует финансовых затрат. Поэтому согласилась по пути в клинику заехать на работу к Льву Соломоновичу.

Костя прибыл с небольшим опозданием, предусмотрительно забрав из полицейского участка мою верхнюю одежду. А еще не забыл купить букетик цветов и прихватить коробку сладостей из кондитерской. Так мило и трогательно с его стороны. На просьбу о помощи с визитом в клинику пообещал сегодня же все устроить.

– Вы к господину Гольдману после больницы собрались? Если подождете, пока договорюсь насчет консультации, то сразу и поедем

оттуда.

– Спасибо! – поблагодарила жениха за помощь.

– Что ты, Асенька, не благодари. Твоя улыбка – уже награда. Я для тебя что угодно сделаю. – Зорин оставил невесомый поцелуй на ладони, а после прижался к ней щекой с довольным видом.

Я смущенно улыбнулась в ответ, наливаясь румянцем оттого, как смело Костя выставлял чувства напоказ. Его внезапная влюбленность походила на одержимость. Это пугало и притягивало одновременно. Волнительно осознавать, что для другого ты – идеал и предмет мечтаний.

– И когда свадьба? – провожая взглядом видока, поинтересовалась Григорьева.

– Я еще не выбрала дату, просила дать время, чтобы разобраться в чувствах.

– Аська, ты где-то умная не по годам, столько всего знаешь, много читаешь, а в любви ничегошеньки не понимаешь, – хмыкнула подруга, напомнив этим прежнюю Дашку. – Если уж Зорин окольцевал тебя за пару дней, поверь, со свадьбой затягивать точно не станет.

– Вот уж нет! – насупилась, подсознательно чувствуя правоту девушки. – Я выйду замуж только, когда буду уверена, что жить без этого человека не смогу.

– Ох, и почему мне кажется, Зорина ждет огромное разочарование? – Девушка цокнула языком и закатила глаза вверх.

Развивать эту тему я не стала, переключившись на более важные вопросы. Из больницы Лев Соломонович любезно подвез нас до конторы. Мы вместе почаевничали и полакомились пирожными, которые подарил Костя. Язык проглотить можно, как вкусно. А Григорьевой после тюремной еды, десерт показался пищей богов. Озорничая, девушка томно постанывала от удовольствия, смакуя каждый кусочек. Засмутила бедного управляющего. Оставив Дашку наедине с остатками пиршества, я отлучилась ненадолго, чтобы получить наличность.

– Здесь десять гублей. – Лев Соломонович выдал холщевый увесистый мешочек. – Восемь монет золотом, а остальное сегобгом и медью на мелкие тгаты. Если потгебуется больше, пгедупгедите заганее, и я подготовлю необходимую сумму. У вас неогганиченный кгедит.

– Благодарю, вы очень помогли, ускорив освобождение Даши!

– Ну, что вы! Это моя работа!

Зорин обернулся за час, когда мы уже по второму кругу чаевничать начали. Тепло попрощавшись с господином Гольбергом и договорившись держать с ним связь, я вместе с Дашкой пересела в паромобиль Кости и отправилась в клинику.

Ничем не примечательное двухэтажное здание виднелось в глубине парка, начинающегося сразу за кованым забором. Миновав калитку, которую открыл дворник, возникло ощущение, будто попала в другой мир. Прогулявшись по аллее до центрального входа, я невольно поймала себя на мысли, что захотелось свернуть на боковую дорожку и подольше насладиться тишиной и живописными зимними пейзажами. Однако мы прибыли сюда не ради любопытства или прогулок, а потому зашли в фойе. Миловидная медсестра сопровождала нас к ведущему доктору клиники.

– Семенов Глеб Валентинович, – представился маг, радушно встречая на пороге кабинета. – Рад знакомству, Анастасия Трофимовна. О! – обратил внимание на перчатки. – У вас с Константином Алексеевичем много общего. Уверен, из вас получится прекрасная пара. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Дарья Игоревна, вам лучше сюда, – указал подруге на кушетку. – Не бойтесь, я к вам даже не притронусь, мы только побеседуем.

– Глеб Валентинович, я не буду мешать. Пойду с господином Тынянским поздороваюсь, – Костя тактично покинул кабинет, чтобы не смущать Дарью своим присутствием.

– Ну-с, барышни, давайте разберемся, что вас тревожит. – Маг разума почему-то посмотрел на меня.

Я не боялась, что Семенов узнает лишнее. Если уж канцлеру не удалось проникнуть дальше поверхностных воспоминаний, то у рядового доктора подавно ничего не получится. Вон, даже с Дашкой проблематично будет работать из-за способностей видока. Однако мы сами обратились за помощью. Отбросив скептицизм в сторону, я кратко описала события в Демьяново.

– Полагаете, некая мещанка без должного образования и навыков, сумела одновременно заморочить столько народу? Я слышал о талантливых самоучках, но им редко удавалось постичь вершины мастерства и при этом нигде не засветиться. Говорите, через сон

приходит? Так, человек в этом состоянии беззащитен и воздействовать на него проще всего. Это лишь доказывает, что магичка не получила навыков, чтобы пользоваться даром в любое время и по собственному усмотрению. Я попробую смягчить восприятие кошмаров и поставлю защиту от внешнего воздействия. В доме не помешают и обычные защитные амулеты, которые отразят негативное воздействие.

– А сколько...

– Глеб Валентинович, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы нейтрализовать или уменьшить последствия, – перебила Дашку, которая заикнулась насчет оплаты за работу. – Расходы я беру на себя. Дарья спасла мне жизнь, я перед ней в долгу.

– благородный поступок! Так, у нас тут героиня? – расцвел довольной улыбкой маг. – Ну-с, тогда приступим...

После сеанса у Семенова подруга ожила, воспрянула духом. Это вселяло уверенность, что и с остальными проблемами мы разберемся также легко. Но для этого необходим план действий. Костя предложил пообедать в ресторации и заодно обсудить, что предпринять для уничтожения ведьмы.

– Времени на подготовку мало, – предупредила я. – Не надейтесь, что Мара отступит. Выждет время, чтобы притупилось чувство опасности, найдет лазейку и добьется цели.

– Жуть какая! – Дарья поежилась. – Вот уж не думала, что такое зло существует в мире. А почему бы не сдать ведьму комитетчикам?

На этот вопрос у меня не было ответа. Учитывая возможность напрямую обратиться к канцлеру или главе Тайной канцелярии, внутри меня зрело убеждение, что не нужно этого делать.

– Ведьмы чаще происходят из простого народа. Думаю, столкнувшись с нестандартным проявлением способностей, власти решат поставить их на службу империи, не интересуясь желанием ведьм. Не все из них вредят и наживаются на чужих страданиях. Есть такие, кто помогает людям, избавляя от хворей и недугов. Пока ведьмы держатся в тени, большинство людей не подозревает об их существовании. Вспомни, как изменилось отношение родных, когда они поняли, что ты отличаешься от них?

– Ася, ты права! – поддержал Зорин. – Думаешь, в империи рождается мало видоков? Почему же их выискивают по селам и отдаленным уголкам империи, забирают из семей, дают образование и

работу? Чтобы они разыскивали убийц и раскрывали преступления! В гимназиях учат, что каждый обязан приносить пользу обществу и верно служить империи. Но что происходит на самом деле? Что мы получаем взамен? Букет болезней, неврозы, помутнение рассудка? Среди видоков высокая смертность. Искалеченные чужими страданиями души. Разве это нормально? Ты хочешь для себя такого будущего? А для детей, которые унаследуют способность?

– Но ведь мы не выбираем, с каким даром рождаться, – робко возразила подруга. – И да, такого будущего я не хочу. Но какой у меня выбор? Я ведь знаю, что могу помочь! Разве помощь людям не благородная цель?

– Благородство заканчивается в тот миг, когда в тебя летит камень из рук человека, ради которого ты пожертвовала собственным душевным спокойствием. – Возразил Зорин. – Наша земля исправно рождает одаренных, сил которых хватило бы, чтобы разобраться со всеми преступниками. Но кто из магов идет работать в полицию? Кто помогает по призванию, а не из-под палки, выслуживая очередной ранг? Где отсиживались хваленые маги, когда гибли ваши друзья? Кто из них не смотрит свысока на тех, кто обделен даром?

Неделю назад я согласилась бы с утверждениями Кости, но после знакомства с сестрой и ее рассказа о выживании, о той пользе, что она несет людям, у меня будто открылись глаза. Не все маги такие, какими их преподносит жених. Перед ними ставятся иные задачи, а народ в силу малограмотности или незнания не подозревает об этом, считая их праздными прожигателями жизни. Встречается и гнилье среди магов, кто ж спорит? Но в нашем случае это не так важно.

– Я понимаю, что вы хотели сказать. – Дарья вздохнула. – Просто боюсь возвращаться в Демьяново.

– К сожалению, другого способа нет. Необходимо собрать вместе тех, кого ведьма одурманила, и провести обряд очищения. Ведьма проявит себя в теле, которое подготовила для перерождения. И в этот момент мы убьем ее, кем бы она не обернулась. Важно понимать, что человек, которого предстоит уничтожить, уже не будет собой. Поэтому никаких сомнений быть не должно, даже если перед нами окажется ребенок.

– Аська, ты что? – ахнула Григорьева. – Ребенок? Думаешь, ведьма готовила для себя Меланью? Я не смогу, нет! – Испуганно

замотала головой. – Кто же мы будем после этого?

– Я тоже не смогу. А если не будет иного выхода? Процесс подготовки новой оболочки занимает много времени. Сначала ведьма проникает в сны жертвы, изучает слабые и сильные стороны, затем исподволь меняет человека, отсекает ненужных знакомых, постепенно переворачивает с ног на голову мировоззрение. В решающий момент ведьма нападает, подавляя волю и поглощая душу, и тем самым ее убивая. Так и появляется Мара! Ведьма, единожды забрав чужую жизнь, уже не в силах остановиться. Однако она хитра и изворотлива, не убивает там, где живет. Во всяком случае, смерти выглядят естественными. Ведьма уязвима в тот короткий промежуток, когда борется с прежним владельцем оболочки.

– Тогда уничтожение твари будет считаться благим делом! – подытожил рассказ Зорин. – Асенька, вместе мы одолеем Мару, ведь я обещал помогать тебе во всем. Сегодня же займусь подготовкой, если составишь перечень необходимых для ритуала вещей.

Я тут же села за список, попросив подавальщика принести бумагу и канцелярские принадлежности. Получился он не таким уж большим. Сложность заключалась в том, чтобы уговорить подруг поехать в Демьяново. Хотя... девчонки сами будут искать способ вернуться, если на них еще действует влияние ведьмы.

После ресторации Костя отвез нас в гимназию. Дарья выскочила из машины первой, а я задержалась, чтобы попрощаться.

– Спасибо, что помогаешь, – в который раз поблагодарила молодого человека. – Я это ценю.

– Асенька, для тебя я на все готов. – Костя подхватил мою руку, стащил перчатку и прижался губами к ладони. – На все, понимаешь? Если ведьма угрожает тебе, я уничтожу ее, в каком бы обличье она не оказалась.

– Но это... ты уверен? – Меня одолевали сомнения. – Даже если ведьма выберет тело девочки? Перед людьми и законом мы будем считаться убийцами. Я не вправе просить о таком. Не представляю даже, как уничтожить Мару и при этом сохранить жизнь человеку. Дашка права, что жить дальше с таким грузом на душе врагу не пожелаешь. Чем же мы от Мары тогда отличаться будем?

– Я слишком долго искал тебя, Настя, чтобы потерять. Никому не позволю встать между нами. – Костя подался ко мне, накрывая

поцелуем губы.

– Ну, что ты! Смотрят же! – Отстранилась, в волнении кусая губы. – Я... я не могу так. Не могу пользоваться твоими чувствами и толкать на преступление. Должен быть другой выход.

– Давай уедем? – Зорин ласково погладил меня по щеке. – Куда захочешь. В другой город, страну, хоть на конец света – не важно, если ты будешь рядом.

– Уехать? Но я не хочу... – замотала головой. – А как же Дашка, остальные? Это ведь я привела девчонок к ведьме.

– Ты не виновата! – с жаром принялся убеждать Костя. – Ты ведь не знала, что ждет нас в Демьяново? Ты – жертва обстоятельств, как и они. Григорьева спасла тебе жизнь, но и свою жизнь также, и остальных. Разве ты не отплатила добром, вытащив девушку из тюрьмы и оказав помощь? А сколько помогала до этого? Достаточно! Пора подумать и о себе! О нас. О более приятных вещах. Например, на какую дату назначим свадьбу?

– Ох, прости, столько проблем навалилось, что я не задумывалась еще об этом. Экзамены, и покушение это, ведьма – голова кругом. Давай позже обсудим, когда разберемся с проблемами?

– Как скажешь, любимая. Теперь я горю неистовым желанием разделаться с треклятой ведьмой, которая отвлекает тебя от меня! – произнес с нотками ревности в голосе.

– Как ты назвал меня? – невольно вздрогнула, услышав такое обращение.

– Моя любимая Асенька. Разве ты еще не поняла, что я влюбился как мальчишка? С первой встречи, как только увидел твои необыкновенные изумленные глаза, не понимающие, что происходит и куда ты попала.

– Это... – ступевалась. – Это так неожиданно. Твое признание. Я просто... я не знаю, что отвечать, и... Я лучше пойду. – Вцепилась в дверцу, силясь открыть, но у меня не получилось, как назло.

Костя шустро выскочил из паромобилия, оббежал вокруг и распахнул дверцу. Подал руку, помогая выбраться, затем снова приложился губами к ладони и порывисто обнял, прошептав на ушко.

– Обычно, на такие признания, отвечают «И я тебя тоже!». Я буду безумно счастлив, когда услышу эти слова. До встречи! Свяжусь завтра

через господина Савушкина. Жаль, что я не подумал приобрести ящичек магической почты. Но я исправлюсь, обещаю. Береги себя!

Признаться, что такой ящичек уже есть, язык не повернулся. Костя на обновки бурно отреагировал, а тут еще дорогие подарки. Интересно, он поверит, если расскажу о богатых родственниках?

– Ну, наконец-то! – Дарья, замерзшая уже ожидать на улице, выдохнула с облегчением, провожая взглядом отъезжающий паромобиль. – Думала, он никогда не уедет. Что так долго? В любви признавался?

– Как ты догадалась?

– О, серьезно? Хотя, чему я удивляюсь? Зорин ради тебя наизнанку вывернется. Ну что, идем? Нас уже заждались, похоже. – Кивнула на окна, к которым прилипли любопытные.

Первым делом, мы направились к директору, сдали бумаги из полиции и выписки из больницы. Демид Иванович передал документы секретарю, а Дарью поздравил с боевым крещением. Ну а что? В полицейском отчете так и записано: «действовала в пределах самообороны, защищая жизни товарищей». Дальше Савушкин направил девушку к Зое Матвеевне за списком тем и домашних заданий, пропущенных за эти дни. Прикрыв дверь кабинета и убедившись, что никто не подслушивает, директор захотел подробностей.

– Анастасия Константиновна, подумать только! Родная сестра императрицы! А ведь чувствуется порода, стать видна и неординарные способности проявляются. Если что-то потребуется, только скажите. В столицу теперь отправитесь? Вы уж не забывайте нас, заглядывайте иногда в гости. Представляю, как будут шокированы остальные, когда узнают.

– Лучше им не знать пока, я еще сама не привыкла. Демид Иванович, я бы хотела сдать экзамены и пройти практику, как мы и договаривались. И еще кое-что... – замялась, раздумывая, как бы это преподнести. – На выходные я бы хотела еще раз съездить в Демьяново. Необходимо разобраться с делами и назначить нового управляющего. Сами понимаете, нельзя оставлять земли без присмотра. Алим Осипович предложил помощь, но я бы хотела сама попробовать.

– Понимаю, похвальное желание! – Закивал мужчина. – С моей стороны препятствий не ожидается. Пропуск на свободное посещение я подпишу с единственным условием, чтобы с вами постоянно находился сопровождающий.

– Насчет этого не переживайте. Константин Алексеевич меня теперь одну никуда не отпустит. Я бы и подруг с собой взяла, если они не будут возражать. И с вашего разрешения, разумеется.

– Я подумаю, что можно сделать. В свете произошедших там событий, нежелательно подвергать учащихся опасности.

Глава 20

Встреча подруг получилась безрадостной. Когда я вернулась в комнату, Дарья сидела на кровати, забравшись с ногами и подтянув к себе колени. Уставившись в одну точку, нахохлилась, как воробей на жердочке. Марфа с Милкой – тоже хороши. Уткнулись в учебники и упорно делали вид, что заняты. Оживились только при моем появлении.

– Привет, чего такие кислые? – поприветствовала и улыбнулась с порога. Все-таки, привязалась к ним, как к родным. – Рано обрадовались тому, что место в комнате освободилось? Не дождетесь!

– Аська, наконец-то! – радостно взвизгнув, Милка бросилась обниматься. – И ничего не обрадовались. Знаешь, как переживали? Марфуш, скажи ей!

– Мы рады только тому, что ты не пострадала, правда, – пробасила Безродная.

– А чего тогда такие хмурые? С Дарьей поссорились, что ли?

– Мы с ней не разговариваем, – бесхитростно выложила Реутова. – Убийца она!

– Да вы чего? Если б не Дашка, Гридьяй бы меня пристрелил. Она поступила так, защищая наши жизни. Марфа, те осколки, что из тебя достали, из гридьяйского мушкета выпущены. Акулина приказала Космачеву меня убить. Он выстрелил, выполняя приказ. Так вы благодарите за спасение? А еще подруги, называются! – пристыдила девчонок.

– Как же это? Правду говоришь? – встрепелась Марфа. – Нам сказали, что Григорьева застрелила обоих и тебя ранила.

– Кто вам такое сказал? Следователи, как только докопались до правды, сразу отпустили Дарью из-под стражи.

– Так, Зоя Матвеевна убедила, что Григорьева разумом помутилась, вот и схватилась за мушкет, – пролепетала Милка, ошеломленно. – Выходит, она тебя с Марфушей спасала? А мы столько обидного наговорили...

– Урок вам на будущее, что нельзя бездоказательно судить человека! – произнесла поучительным тоном. – Вы что, Дарью первый день знаете? Какая из нее убийца? Спасибо скажите, что ей смелости хватило защитить нас, да прощенья просите. Она столько в тюрьме настрадалась, а тут еще от своих оплеуху получила. Тоже мне, подруги!

– Дашунь! – Милка тут же подбежала к Григорьевой, присела рядом, обняла. – Ты уж извини нас, пожалуйста. И за слова злые, и за мысли черные. Ты ведь и слова не возразила против, а мы осуждать сразу кинулись.

– И меня прости, дуру непутевую, – повинулась Марфа, присоединившись к Милке. – Верно Аська сказала, что повелись на чужие наговоры, а у тебя не спросили, как на самом деле происходило. Выходит, чужим людям наперед поверили, чем близкой подруге.

– Ладно вам, – расчувствовалась Григорьева, хлюпнув носом. – Я ж хоть и злодеев пристрелила, а все ж люди были. Чай, не душегубка я, чтобы забыть об этом и спокойно жить дальше. Оттого и не оправдывалась, что на душе тошно осознавать за отнятые жизни.

– Ой, как мне тебя жа-алко, – разревелась Милка. – И за поведение стыдно, в глаза теперь не смогу смотреть. Прости нас, пожа-алуйста.

На слезы тут всех троих прорвало. Реутова уткнулась в плечо Дашке, и Марфа притулилась с другого бока с повинной головой. Григорьева обняла обеих, в который раз повторяя, что прощает их. Я тоже растрогалась, глядя на девчонок. Какие же они все-таки хорошие.

Пользуясь моментом, я активировала пирамидку, которую получила от Ромки. Предстояла вторая часть разговора, не менее сложная. На ритуале требовалось присутствие всех участниц недавних событий.

– Что это? – Марфа обратила внимание на красивую безделушку, которую я бережно поставила на пол в центре комнаты.

– Защитный артефакт, который не даст никому подслушать наши разговоры, а постороннему не позволит приблизиться к нам этой ночью.

– А зачем? В каком смысле? – спросили девушки одновременно.

– К сожалению, история в Демьяново еще не закончилась. Вы должны узнать правду об Акулине и о том, что произошло там на самом деле. Мне понадобится ваша помощь, чтобы спасти Дарью и

уничтожить ведьму. Я сбежала из дома два с половиной года назад, потому что не справилась бы с ней в одиночку. Теперь у меня достаточно сил, чтобы загнать ее в ловушку и уничтожить.

– И что потребуется от нас? – поинтересовалась Марфа.

– Пройти ритуал очищения, чтобы избавиться от частичек тьмы, которыми ведьма пометила каждую. Благодаря им она проникает в сознание, исподволь контролирует воспоминания и подталкивает к нужным действиям, а еще сводит с ума, если вдруг пожелает извести человека.

– Но, если ведьма проникает в сознание, зачем рассказывать, что намерена с ней расправиться? – неожиданно задалась вопросом Дарья. – Получается, ей будет известно о наших планах, и она избежит ловушки!

– Зачем? Я уже подвергла вас опасности по незнанию, когда позвала с собой в поездку. Но тогда я не помнила прошлого и сделала это неосознанно, за что прошу у вас прощения. В ближайшее время снова предстоит отправиться в Демьяново. Хочу, чтобы вы заранее знали, чего ожидать. А о планах ведьма не узнает, если ночью мы будем под защитой артефакта. Не знаю, насколько он эффективен, но медлить или откладывать дело на потом нельзя. Поэтому выезжаем в пятницу, сразу после занятий. Нам бы только продержаться две ночи. Что скажете?

– Мы согласны! – ответила за всех Марфа, а Милка только кивнула, подтверждая ее слова. Дашке и говорить ничего не надо, это в ее же интересах.

Радиус действия пирамидки я проверила опытным путем. Девчонки пытались попасть в помещение из коридора, а я постепенно уменьшала площадь воздействия, чтобы остались только наши спальные места. Это на случай проверки дежурными преподавателями, которые иногда заглядывали в комнату. Внутри они редко заходили, осматриваясь с порога. Но даже если и заметят артефакт, ничего страшного не случится. Его появление легко объяснить беспокойством жениха о моей безопасности. В любом случае докладывать преподаватель побежит Савушкину, а дальше него информация не уйдет.

Первая ночь прошла спокойно, и Дашка впервые за последнее время спала без кошмаров. Утром после привычной разминки, водных

процедур и завтрака, девчонки отправились на занятия, а я в полицейское отделение на практику. За мной приехал Костя, с которым я связалась через Савушкина. Зорин много улыбался, шутил и норовил сорвать поцелуй, используя каждый подходящий момент.

– Надеюсь, сегодня обойдется без происшествий? – спросил он, прощаясь у дверей отделения. – Заеду за тобой в час дня и заберу на обед. Постарайся никуда не исчезнуть.

– Этого больше не повторится! – заверила жениха. – Сам понимаешь, в той ситуации от меня ничего не зависело.

– Вот это и пугает. – Зорин тяжело вздохнул. – Далась тебе эта практика? К чему рисковать жизнью, если в будущем...

– Что? – Прищурилась подозрительно, когда молодой человек запнулся. – Не позволишь мне работать?

– Отчего же? У тебя будет лучшая в мире работа, – Костя выдержал многозначительную паузу и добавил, – быть обожаемой женой и воспитывать наших детей.

– Вот как? – изумилась. – Считаешь, я ни на что не способна, кроме как сидеть дома и рожать?

– Любимая, я не это имел в виду, – Костя пошел на попятную. – Занимайся, чем пожелаешь. Я только хотел сказать, что есть и другие специальности, кроме службы в полиции. Я изведусь от переживаний за любимую жену, если она будет ежедневно подвергать себя опасности.

– Ясно! В мои планы тоже не входят смертельные риски, так что не переживай. Мне пора. До встречи!

В отделении давно уже срисовали мое появление. Едва я вошла, как на меня тут же обрушился шквал приветствий, внимания и вопросов. Я еще раздеться не успела, как меня вызвали к Лыткарю Павлу Елисеевичу.

– Ну и задали вы жару, Анастасия Трофимовна! – пожурил околоточный надзиратель. – Такой нарыв гнойный вскрыли в ведомстве, что я уж думал – места лишусь. Из столицы комитетчики вороньем слетелись, даже Тайная канцелярия отметилась. А шумиха какая началась? Преступник прикрывался доблестным именем полиции и безнаказанно творил злодеяния. Хлынула череда проверок и комиссий. Сколько должностных нарушений вскрылось, вы даже не представляете. Но на пользу пошло, определенно. Встряхнулось

управление, сотрудники работать усерднее начали и сразу показатели повысились. А как же так вышло, что у вас защитный амулет высшего уровня оказался? Слышал, вы протеже самого великого князя Леви?

– Павел Елисеевич, вы же знаете, что покровительство канцлера возникло исключительно на почве расследования по делу купца Холзмана, – напомнила Его благородию причину особого ко мне отношения. – Остальные события – цепь совпадений.

– Несколько странных, согласитесь? Если бы не железное алиби и кристальная репутация, я бы посчитал вас соучастницей. Но речь не об этом. В вашем рапорте об убийстве Кузьмичева указано, что в видении вы не рассмотрели внешность убийцы. Гашков выдал себя, когда решил, что вы его узнали, и поэтому напал, верно?

– Так точно!

– А как вы считаете, Мирон Кузьмич причастен к событиям в доме на Базарной горе?

– Вряд ли Гашков принимал личное участие в делах Холзмана, – предположила я. – Однако ж водил знакомство с другими городовыми и знал о следственных мероприятиях. За взятку запросто мог предупредить об облаве или розыскных операциях. Не зря же прибежал к подельнику, как только узнал, что Кузьмичева по всему городу ищут. За собственную шкуру боялся, вот и уничтожил свидетеля, способного его опознать.

– Верно рассуждаете, Анастасия Трофимовна, – покивал околоточный надзиратель. – А раз так, понимаете, что над Гашковым стоял кто-то еще, кому он исправно доносил информацию? Нам крайне важно понять, что это за человек. Возможно, вы дадите зацепку?

– Какую? В отчете указаны малейшие подробности видения. А вы производили обыск в доме Гашкова?

– Обижаете, Анастасия Трофимовна. – Мужчина шутливо погрозил пальцем. – Первым делом наряд по адресу отправили и задержали членов семьи. Их Выдров в паре с Остромысловым отработал и выпотрошил из памяти, что только можно. Преступление городского бросило тень на все Управление, так что следаки без сна и отдыха землю носом рыли в поисках доказательств. И маги на этот раз не остались в стороне, раз уж прозевали шпиона у себя под носом. Семья Гашкова не подозревала о деяниях главы семейства, а тот не

держал в доме улик. Но мы вычислили тайное убежище, где Мирон ценности и деньги держал, что получал от хозяина.

– Павел Елисеевич, позвольте ознакомиться с протоколом обыска? – попросила, сама не знаю, зачем. Не давали мне покоя те сапоги, что видела на главаре.

Лыткарь кивнул, достал из сейфа папку с делом, порылся в ней и вытащил листы протокола.

– Здесь посмотрите, пожалуйста, на вынос не дам.

Я пробежалась глазами по записям, задержавшись на перечне изъятого добра.

– А где личные вещи? В комнате вещдоков?

– Помилуйте! Хранилище не резиновое, изъяли только ценности, а на остальное составили опись и опломбировали. Когда следствие и суд завершатся, оформим конфискацию и интенданту сдадим.

– Павел Елисеевич, разрешите одним глазочком взглянуть на жильё Гашкова? Может, поездка ничего не даст, но вдруг поможет? Бывает, что какая-нибудь незначительная деталь не воспринимается сознанием, пока не сталкиваешься с ней в другом месте.

– Хм, отдельного разрешения я бы не выдал. – Околоточный надзиратель вздохнул и потер переносицу. – Однако в отдел посыпались заявления о незаконном изъятии Гашковым личных вещей у граждан. Подпишу Матицыну ордер на вскрытие пломбы, а вы за компанию съездите. Аксенова с собой возьмите и пару городских, кто свободен, в качестве поддержки.

На этом разговор с начальством завершился, и я поспешила в отдел к Олегу Поликарповичу, где меня встретили, как родную. На выезд отправились через час, когда ребята закончили с текущими делами, и мы дождались машину с оперативного выезда. Схрон Гашков оборудовал в квартире одинокого жильца, уехавшего на заработки. Куда уехал, на какой срок – этого выяснить не удалось. Жилец бесследно исчез. В подвальном помещении этого же дома прозябала конторка по сезонному найму рабочих, так что вокруг постоянно толклись подозрительные личности, случались ссоры, драки. Городового регулярно вызывали усмирять буйных, да и сам он частенько наведывался с проверками, так что ни у кого не возникало вопросов, зачем Мирон Кузьмич захаживал на Гвардейскую улицу.

Квартирка оказалась крошечной: комната десяти метров, санузел и кухня с кладовкой. На какой же внутри устроили бардак! Мебель перевернули вверх дном, обивку на диване вспороли, стены пробиты в нескольких местах, деревянный пол зиял дырами. Даже бедный фикус из плоски вытащили, рассыпав землю по подоконнику. Повсюду пыль, грязь, мусор. Сразу понятно – старались полицейские, тайники искали. Я огляделась в поисках удобного места, попыталась войти в состояние полутранса, когда приходят видения. Однако тут не происходило ничего сверх эмоционального, чтобы остались следы. Так что усилия пропали даром, и осмотр обуви ничего не дал. Зря только проездила.

На обед с Зориным я успела вовремя. В ресторации, куда мы отправились, в отдельном кабинете нас ожидал накрытый стол, изобилующий аппетитными блюдами. Еды подали столько, что двоим не осилить. Девчонок бы сюда, они бы запищали от восторга. Когда разберемся с ведьмой, надо будет собраться вместе и отметить.

Отдавая должное мастерству повара, мы с женихом обменивались дежурными фразами. Ну а под чай с десертом поговорили о более важных вещах. Костя отчитался, что уже закупил все по списку, а в Демьяново отправил пару надежных людей, которые осмотрятся, разведают обстановку и доложат, какие настроения бродят среди крестьян.

А еще Костя прознал, что я проявила инициативу и побывала на выезде, и пожурил за это слегка.

– И зачем? Что хотела увидеть? Там же стадо баранов пробежало и затоптало следы. Ты превосходно отработала по делу Кузьмичева, я видел рапорт. Дальше уже не твоя забота. В управлении служат следователи, дознаватели, опера, натасканные на розыск преступников.

– Ты прав, конечно. Но я считаю необходимым помочь следствию в поимке мерзавца, что убил ребят из гимназии, – призналась жениху.

– Асенька, ты никому и ничего не должна. – Костя накрыл мою ладонь, лежащую на столе, своей. – Твоей вины в их гибели нет, ни к чему корить себя и мучиться угрызениями совести.

– Я знаю, что не виновата. Тут другое. Хочу понять, что же там произошло на самом деле.

– Следствие разберется, нужно только набраться терпения. Обещаю, буду держать тебя в курсе событий, – заверил жених и не упустил момент, чтобы похвалить. – Между прочим, не каждому

видоку удастся проявить себя во время учебы в гимназии. С твоей помощью уже раскрыли два преступления. Это ли не повод для гордости? В отделе ребята завидуют и каждый день донимают вопросом, когда же свадьба? Полагаю, хотят погулять за чужой счет. Скажи, ты уже подумала над датой? Мне кажется, весна – прекрасная пора для праздника.

– О! Но это же так скоро? Нет, не успеем подготовиться. К тому же мне еще не исполнилось восемнадцать, не будем торопиться.

– Насчет не успеем – не переживай, я все устрою. Ты только скажи, чего бы ты хотела? Пышное торжество и невероятное количество гостей? С гуляньями и катанием на тройках, с песнями и ряжеными скоморохами? Или же семейную церемонию и торжественный бал, на котором ты бы затмила городских красавиц? Может, оба варианта? А платье? Его заказывают заблаговременно. Хочешь, слетаем на выходных в Московию и прогуляемся по столичным лавкам?

– Это слишком... расточительно, – я испуганно замотала головой. – Давай позже решим? Неизвестно ведь, чем закончится наше противостояние с Марой.

– Мы ее уничтожим, даже не сомневайся! Никто не посмеет безнаказанно тебя обижать!

Я невольно вздрогнула от просквозившей в интонации Зорина решимости и хищного блеска в глазах. Поежилась из-за посетившего чувства дежавю. Точно так же Славик в приюте рвался защищать меня от обидчиков. Но я бы узнала его, если б встретила.

– Ася, – Зорин исполнился торжественности, – на следующие выходные приглашаю на семейный обед. Матушка хочет с тобой познакомиться, и отец, конечно.

– И я тоже буду рада познакомиться с ними. – Нервно стиснула в руке салфетку, что лежала на коленях. Хорошо, что под столом этого никто не заметил. – Скажи, а как они отнеслись к новости, что я из мещан, да еще со способностями видока?

– Любимая, неважно, какое у тебя происхождение. Родители желают мне счастья, а я буду счастлив только рядом с тобой.

– Надеюсь, что я им понравлюсь. – Смутилась от пылкого взгляда Кости и фанатичного обожания, разгоревшегося в его глазах.

Слишком сильные эмоции жениха, сменяющие одна другую, пугали, и я не знала, как реагировать. Закрадывались подозрения, что Костя не отпустит, если надумаю уйти. Его планы на совместную жизнь и разговоры о свадьбе не подразумевали отказа. На помолвку я согласилась под давлением обстоятельств, когда попала в трудную ситуацию. Симпатия, поддержка, приятное обхождение и ухаживания создали ложные впечатления привязанности и взаимных чувств. На тот момент я считала брак с Зориным единственным выходом. У видоков с личной жизнью большие проблемы. Сложно найти партнера, похожего на тебя, понимающего с полуслова. Но я ведь теперь не одна! Родные брат и сестра, тети и дяди, племянники – все с магическими способностями, облеченные властью. Может, в этом и кроется подвох? Мне легче находиться среди недомагов, а не безнадежно проигрывать могущественным магам.

– Конечно, понравиться! Асенька, ты же у меня такая красавица. Я каждую минуту в разлуке думаю о тебе и считаю дни, ожидая того момента, когда ты станешь моей женой.

– Костя, ты ведь обещал дать мне время? – мягко намекнула, что не желаю торопиться.

– Обещал, и сдержу обещание, даже не сомневайся. – Жених приподнялся, подхватил мою руку и приник к ней губами. – Но это не отменяет душевных страданий от невозможности быть с тобой. Я знаю, мы созданы друг для друга. Ты поймешь это, когда мы познаем друг друга, как муж и жена.

– Мне жаль, если я доставляю страдания. Но именно поэтому не хочу спешить. А что, если ты ошибаешься? Что, если я не избранница, предназначенная судьбой? Ты говоришь, что думаешь обо мне постоянно, жаждешь встреч и... поцелуев. – Судорожно вздохнула, когда Костя развернул мою ладонь и опалил губами чувствительную кожу. – А я не чувствую того же.

Зорин проложил дорожку поцелуев от ладони до локтя, пересел поближе и добрался до плечика, потом выше, до оголенного участка кожи над воротничком. И, наконец, поцеловал в губы, умело сминая их и проникая внутрь языком. Его рука легла мне на затылок, придерживая голову, а вторая ласкающим движением огладила спину и переместилась вперед.

– Я бы мог доказать, пробудить твою чувственность и подарить удовольствие, которого ты прежде никогда не испытывала, – прошептал разгоряченно на ушко и поцеловал его, и впадинку за ним, отчего у меня закружилась голова. А, может, тому причиной смелые объятия и откровенные признания, которые не пристало слушать неискушенной девушке. – Не оставил бы без внимания ни одного местечка на твоём теле и любил бы так, как никто в мире. Но я нарочно сдерживаю порывы, чтобы ты познала радости семейной жизни в законном браке.

– Костя, остановись, пожалуйста! – Я отстранилась, подхватила бокал с водой со стола и осушила залпом. – Так нельзя, в этом ты прав. Что, если в кабинку кто-нибудь войдет? Что обо мне подумают? К тому же, обед давно закончился, мне пора вернуться в участок.

– Асенька, прости, не удержался. – Жених вновь подхватил мою ладонь и потерялся об нее щекой. – Голову теряю рядом с тобой. Идем, конечно, я тебя отвезу.

Морозный воздух на выходе из ресторации охладил мои пылающие щеки. В машине я молчала, изредка поглядывая на жениха, и пыталась понять, что же на самом деле к нему испытываю. На какой-то миг, когда Костя затронул чувствительную точку за ушком, возникло желание поддаться приятным ласкам. Наверное, так и губят репутацию влюбленные дурочки, не в силах совладать с захлестывающими эмоциями. Но я не одна из них! Да, мужские прикосновения и поцелуи, жаркие объятия и признания кружат голову новизной ощущений и желанием любви, о которой пишут в романах. Только поддавшихся соблазну простолюдинок, как правило, бросают. Зачем жениться на испорченной, когда можно найти другую, чистую и невинную? А уж, если в роли коварного соблазнителя выступил дворянин, то он себе потом ровню в жены сосватает. А куда потом деваться обещанной бедняжке, как не идти в содержанки? Не верю, что Зорин так поступит со мной, но давать повод сплетням и возможным упрекам не собираюсь.

– Вечером заеду за тобой! – Жених приобнял на прощание, когда подвез к участку и помог выйти из паромобиля. – А хочешь в театр сходим сегодня? Или в оперу?

– Нет, в следующий раз. – Я покачала головой. – Мне нужно готовиться к экзаменам. Да и девчонок без присмотра оставлять не

хочу.

– Жаль! – Костя тоскливо вздохнул. – Еще один вечер пройдет в мыслях о тебе. Утешает, что выходные мы проведем вместе.

Глава 21

Остаток дня пролетел незаметно. Вечером Костя приехал с роскошным букетом алых роз и коробкой сладостей, подвез меня до гимназии и, будь его воля, продержал бы в машине до утра. Но я выдержала пять минут, слушая вал комплиментов и сожалений из-за необходимости расставаться. Наверное, это стало последней каплей, после которой я окончательно осознала, что не хочу выходить замуж за Зорина. Только сказать об этом не решилась и трусливо оставила объяснения на потом. Вот разберемся с ведьмой, тогда и поговорим.

С моей стороны эгоистично пользоваться влюбленностью жениха и подбивать его на незаконные действия. Но что делать? Этот поступок останется на моей совести. Я опасалась идти за помощью к великому князю Леви. Или к сестре, которая столько сил отдала борьбе с порождениями тьмы. А кто такая Мара, как не истинное зло? Последователи ордена Тьмы до сих пор отнимают чужие жизни и наслаждаются людскими страданиями. Ведьма делает то же самое. Она не упустит шанса забраться так высоко, где никто не посмеет ее тронуть. Нельзя этого допустить и незачем ставить сестру перед выбором, уничтожить меня или оставить в живых, постоянно ожидая подвоха. Ритуал покажет, кого Мара выбрала для возрождения. И, если что-то пойдет не так, тогда и воспользуюсь теми амулетами, которыми снабдил Варфоломей Никитич.

Определившись с выбором, я почувствовала облегчение. Это решиться бывает трудно, а когда знаешь, чего хочешь, то идешь и добиваешься цели.

Разрешение от Савушкина на выезд для девчонок я получила еще вечером. Зоя Матвеевна с легкостью согласилась нас сопровождать. Ее удовлетворило объяснение, что мне необходимо назначить нового управляющего и перенять дела после смерти Акулины. А еще я сбагрила ей букет, сославшись, что голова разболелась от цветочного запаха.

Днем, пока девчонки корпели на занятиях, я наведальась в квартиру на Никитинском переулке. Неизвестно, чем закончится наше противостояние с Марой, поэтому я посчитала нужным оставить послание для князя Леви, Нины и Зорина. Если поездка в Демьяново пройдет успешно, я вернусь и уничтожу письма. Если же нет – их быстро найдут и, надеюсь, поймут, почему я так поступила. Зорину я сообщала о намерении расторгнуть помолвку. Сестре объяснила причины, по которым не рассказала о Маре, и просила позаботиться о подругах, выделить им часть денег из полагающегося мне наследства, чтобы они ни в чем не нуждались. Остальное потратить на закупку защитных амулетов для видоков и постройку гимназий для детей со способностями недомагов. Князю Леви написала слова благодарности за все добро, что он сделал. И призналась, что считаю знакомство с ним и его семьей самым светлым событием за последние годы. Еще составила подробный отчет, что из себя представляет ведьма и как ее уничтожить.

Письма я запечатала в конверты, подписала и оставила на секретере. Затем прогулялась по заснеженным городским улочкам и вернулась в гимназию. После обеда и сборов мы загрузились в паромобиль Зорина и поехали в Демьяново. Следом за нами выдвинулась машина с наемными охранниками, один вид которых говорил о серьезной подготовке.

– Константин Алексеевич, разве нам что-нибудь угрожает? – удивилась Панфилова.

– Ни в коем случае, Зоя Матвеевна, – с улыбкой заверил Костя. – Это меры предосторожности. Я едва не потерял Асеньку и теперь никуда без охраны ее не отпускаю.

– Перестраховываетесь? Понимаю. – Закивала воспитательница. – А где же Тарас Григорьевич? Отчего с нами не поехал?

– Приболел, вот и не смог, – не моргнув глазом, соврал Зорин.

Если не ошибаюсь, Нахлебов до сих пор находится под присмотром магов разума в изоляторе Следственного комитета. По факту нарушения приказа и сговора с преступниками проводилось внутреннее расследование. Смягчающими обстоятельствами послужили наши показания, что на Тараса Григорьевича оказали ментальное воздействие, иначе его бы уже осудил трибунал. Теперь суду предстояло определить степень вины и меру наказания. Со

службы Нахлебова уже уволили, поэтому я намеревалась предложить ему переехать в Демьяново, чтобы за порядком присматривал, да от лихих людей крестьян охранял.

На этот раз наше появление заметили заранее. Крестьяне распахнули ворота и высыпали встречать на улицу. Зорин въехал на территорию поселения и по главной дороге медленно покатыл к дому. Я отвечала на приветствия, всматриваясь в лица крестьян и выискивая следы неприязни или затаенной обиды. Выдохнула с облегчением, когда не заметила признаков недовольства. Ничего плохого я людям не сделала, поборами не обкладывала, ни к чему не принуждала.

Может, в прошлый раз никто не ожидал моего возвращения? Тогда тут заправляла Акулина, а теперь на меня возлагалась надежда, что сохраню прежний уклад жизни. При отце люди тоже ни в чем не нуждались. Понятно, что не шиковали и работали от зари до зари. Так, не за бесплатно же! Им есть, с чем сравнивать. Избы для большинства семей построили добротные, от припасов на зиму амбары ломились, а в кошельках деньжата часто появлялись, чтобы на ярмарку городскую съездить за подарками детям и женам.

Я понимала, что не обошлось без ведьминского внушения, чтобы ссор не водить, не завидовать и зла на соседей не держать. Сключные бабы или запойные мужики тут надолго не задерживались, оттого и остальные жили ладно, сами богатели и хозяевам прибыль приносили. Разве же это плохо? Я много раз задавалась этим вопросом, но так и не нашла однозначного ответа. Зависит от человека, его характера и цели в жизни. Есть натуры вольные, бунтарские, для которых ограничение свободы смерти подобно. А есть люди, привыкшие подчиняться. Они сами вручат судьбу в руки лидера или хозяина, чтобы только тот решал за них житейские проблемы. Однако свободу каждый понимает по-своему. Кто-то видит ее в стремлении самому выбирать жизненный путь, ставить цели и преодолевать трудности. А кто-то считает, что свобода заключается во вседозволенности, попрании общепринятых законов и моральных норм. Я никого из крестьян насильно удерживать не собиралась, если завтра кто-то захочет уйти, удерживать не буду.

– Добро пожаловать! – Меланья встретила на пороге дома. – Отведайте хлеб-соль, Анастасия Трофимовна. – На вытянутых руках с поклоном протянула каравай.

Девушки, что прежде прислуживали Акулине, выстроились позади девочки и тоже поклонились в пояс.

– Благодарю! – исполнив нехитрый ритуал, я зашла в дом.

Здесь по-прежнему царил чистота, пахло свежей сдобой и томлящимся в печи ужином. Помощницы засуетились, накрывая на стол, Архип с Тимошкой перетаскивали наши вещи из паромобиля. Казалось, что вот-вот спустится Акулина, чтобы поприветствовать и поинтересоваться, как доехали.

Я присела на лавку и подозвала к себе девочку, желая с ней поговорить.

– Скажи, Меланья, а кто вместо Акулины Степановны тут за хозяйством присматривал? Кто за порядком следил?

– Так, Люба с Варей привыкли уже управлять. – Кивнула на помощниц. – А деньги на хозяйство в столе у тети Акулины хранятся. Я оттуда взяла, сколько нужно, и в расходную книгу записала, – похвалилась Меланья.

– Какая умница! Покажешь потом, где деньги и книги лежат? А как успехи с учебой? Что думаешь, если мы осенью в школу тебя отправим? Пойдешь учиться?

– В школу пойду! – ответила с серьезным видом. – А вы теперь с нами жить будете?

– Еще не решила, – слукавила я. – Мне гимназию закончить необходимо, а дальше...

– Дальше – Асенька станет моей женой, и мы уедем далеко отсюда, – влез в разговор Костя. – Ужин готов, идемте. Ася, я распорядился вещи в хозяйскую комнату отнести, а насчет остальных решил у тебя совета спросить.

– Давай после ужина определимся. – Я поднялась и прошла к столу, занимая место во главе.

Во время еды разговор не клеился, да и кусок в горло не лез. Дарья тоже нервничала и девочки, только Зорин выглядел уверенным и пытался шутками сгладить гнетущую атмосферу. Мы еще не закончили, когда я заметила, что Зоя Матвеевна заклевала носом, а у Меланьи глазки слипаются. И помощницы, как вышли в сени, так и не возвращались больше.

– Ох, устала что-то с дороги. – Панфилова украдкой зевнула. – Наверное, от сытной еды разморило. Настя, я бы уже спать легла, сил

нет терпеть.

– Конечно, Зоя Матвеевна! – Я поднялась из-за стола. – Распоряжусь, чтобы вам постелили. Посидите тут пять минут, – помогла женщина встать и довела до лавки у печи.

В этот момент Костя подхватил сонную девочку на руки и перенес ее к воспитательнице.

– А что происходит? – удивилась Мила.

– Как что? – Зорин с недоумением посмотрел на девушку. – Ася же предупредила, зачем мы сюда приехали? Собирайтесь! Нам еще до зимовья добираться.

– А как же Зоя Матвеевна и Меланья?

– А что с ними? Пусть спят. Не тащить же силком? – Молодой человек пожал плечами. – Это уговаривать, объяснять что-то нужно, время тратить. А спящих закутаем в шубы, погрузим на подводу и поедем.

К тому моменту, когда мы оделись и высыпали на улицу, возле порога ожидали добротные сани, запряженные бойкой лошадкой. Огни в крестьянских домах не горели, вокруг царила неестественная тишина. Только молчаливые наемники хлопотали, помогая расположиться в санях и накрывая сверху теплыми полушубками.

– Кость, а где остальные? – вполголоса спросила жениха. – Почему не видно никого из жителей? Недавно же только на улице были?

– Не переживай, я же обещал, что решу проблему, – Зорин усмехнулся. – Всем демьяновцам по чарке за твое здоровье поднесли, проспят теперь до самого обеда. Мужиков в избах уложили, а женщин уже погрузили и вперед отправили. Едем! – дал отмашку вояке, гарцующему на лошади.

Спрашивать, когда успели новых лошадей доставить, не стала. Удивляться тут можно на каждом шагу. Я, если честно, не ожидала такого размаха. Сколько там с нашего приезда прошло? Час? За это время усыпили жителей, растащили часть из них по домам, а другую перевезли в зимовье.

По накатанной колее, освещаемой с двух сторон зажженными факелами, домчали мы минут за сорок. Подворье ярко светилось огнями, ворота были раскрыты нараспашку, а внутри царила суэта.

Наемники спешно перетаскивали укутанных в одеяла женщин из подвод в жарко натопленную избу.

Для ритуала заблаговременно приготовили место за пределами зимовья, для чего вырубili деревья и расчистили ровную площадку. Без магов тут не обошлось.

– Костя, когда ты успел столько сделать? – ахнула я, оценив масштабы. – Ты ведь говорил, что отправил пару человек?

– Магов, Асенька. Я нанял двух магов, иначе мы бы ничего не успели, – самодовольно усмехнулся жених. – Не переживай, от ведьмы только горстка пепла останется.

– Но это ведь так дорого! А девочки, что скажут? – Жених помог мне выбраться из саней, а вот уснувших подруг бережно вытащили наемники. Я сидела чуть впереди, вот и не заметила, когда девушки уснули. Выходит, их тоже опоили? – Зачем? Они же согласились участвовать?

– Согласились. – Зорин кивнул. – Однако лучше им не видеть подробности того, что будет происходить.

– Постой! Но ритуал очищения подразумевает добровольное участие. И после ритуала – тоже, чтобы ведьма не нашла новую лазейку.

– Любимая, не переживай. Помнишь поездку к Глебу Валентиновичу в клинику? Он любезно согласился помочь нам в частном порядке. Завтра утром у твоих подруг останутся смутные воспоминания об участии в ритуале. Ну а крестьянки проснутся дома у мужей под боком и подумают, что провели там всю ночь.

– А что будет с той, кого Мара избрала вместилищем?

– Она исчезнет! – Жених ласково погладил меня по щеке и коснулся губ невесомым поцелуем. – Тебе не о чем будет беспокоиться. Я позабочусь, чтобы никто не узнал правду. А мы уедем, чтобы ничего не напоминало о сегодняшней ночи.

– Кость, я не могу так. – Покачала головой, испытывая мучительное ощущение неловкости и стыда. – Ты должен знать, что я не поеду с тобой. И свадьбы... не будет. – Сняла кольцо и вложила в ладонь оторопевшего парня. – Я найду деньги и компенсирую затраты, не подумай плохого. И я пойму, если ты уйдешь.

– Почему? Асенька, я не понимаю. Объясни! – Вцепился в мою руку, будто опасался, что сбегу. Вторая ладонь Кости так и осталась на

моей щеке, не позволяя отвернуться или отвести взгляд.

– Я не могу ответить на твои чувства, не испытываю столь же сильных эмоций, а потому не вправе обманывать и внушать надежду. Совесть не позволяет использовать тебя в корыстных целях.

– Послушай, любимая, я никогда тебя не оставлю. В беде. Ты волнуешься из-за того, что предстоит сделать, и сама не понимаешь, что говоришь. Может, это и не твое желание, а темной твари, засевшей внутри? Давай представим, что ты ничего не говорила, а я ничего не слышал? Обещаю, завтра мы снова вернемся к этому вопросу. А сейчас пойдем и уничтожим проклятую ведьму!

Слова Кости заставили серьезно задуматься. А что, если взаправду ведьма внушает расстаться с женихом, вбивая клинья между нами? Зорин настроен решительно. С поддержкой магов у Мары нет шансов, вот она и бесится, задействует всевозможные способы.

Ритуальная площадка представляла собой выбитые на ровной поверхности круги, внутри и снаружи которых вычерчены руны защиты, поглощения и очищения. Темные силы, светлые – в ритуале использовались обе стороны для соблюдения магического равновесия. Темные руны напитывали людские тела тьмой, вынуждая проявить себя, а светлые выжигали скверну и очищали от зла. За пределами внешнего круга расположились трое магов, скрывающихся под плащами с капюшонами. За их спинами развели костры, которые освещали поляну и согревали участниц своим жаром.

Мы расположились внутри большого круга. Восемнадцать крестьянок и четыре девочки разного возраста, три моих подруги, Зоя Матвеевна, я и Костя. Я монотонным речитативом зачитывала заклинание, а женщины по очереди подходили к Зорину, который составом рисовал им на лбу руну очищения. Одновременно ритуальным ножом он делал надрез на руках участниц. Затем они ступали во внутреннюю часть круга и активировали его, поделившись капелькой крови. Тотчас малый круг вспыхивал ослепительным светом, пронизывающим фигуру внутри насквозь. Ошметки тьмы при этом сгорали, а свет затухал, позволяя прошедшей через очищение женщине покинуть круг. Такие собирались поодаль и дожидались окончания ритуала под надежной защитой светлой силы.

На самом деле необязательно скрывать от людей участие в подобном ритуале. Наоборот, прошедшие такое очищение убеждались,

что тьма ими не завладела, и могли смело отвергать обвинения в колдовстве. Но у нас имелись резонные опасения, что новым сосудом Мары окажется ребенок. Или кто-то из помощниц по дому. Или я.

Первыми ритуал прошли крестьянки вместе с дочерьми. Из них сильнее прочих подверглись внушению Люба и Варвара, помогающие по хозяйству в доме. А еще дети, влиять на которых легче. Затем настал черед подруг. Марфа на собственном примере показала остальным, что опасаться нечего. А я с сожалением отметила, что мое вмешательство с целью уменьшить чувство вины и сгладить воспоминания прошлого также развеялось. Следом пошла Людмила, а потом и Дарья отважилась. Из подруг Григорьевой больше всех досталось. Внутри круга очищения она пережила неприятные минуты. Когда настал черед Панфиловой, она вдруг заартачилась, замотала головой и попятилась, намереваясь сбежать.

Я, наверное, переволновалась, раз только в этот момент обратила внимание, что никто из участниц не протестовал и спокойно делал то, что от них требовалось. Бунт воспитательницы быстро подавили. Один из трех магов, наблюдающих за ритуалом, вскинул руку, выставив ладонь вертикально, и боевой запал Панфиловой испарился. Неужели, Глеб Валентинович постарался? Силен! Очищение для Зои Матвеевны обернулось ожогами и обмороком от болевого шока. Когда свечение угасло, Костя поспешил к женщине, применил исцеляющий амулет и на руках перенес к остальным. Судя по количеству тьмы, ведьма всерьез намеревалась заполучить оболочку Панфиловой. Остались мы с Меланьей, и я с ужасом ждала, что будет дальше.

– Теперь мой черед! – Подошла к жениху, чтобы он нарисовал знак.

– Нет! Ася, ты пойдешь последней. Мы должны быть уверены, – мягко, но настойчиво отстранил меня и поманил к себе девочку. – Меланья, подойди.

– Но я не хочу! – захныкала она. – Мне будет больно, как и тете Зое?

– Возможно, – не стал скрывать правду Костя. – Уверен даже, но ты справишься. Ты ведь умная девочка и понимаешь, что лучше согласиться добровольно? После ритуала я подлечу тебя и куплю подарок, какой только захочешь.

– Себе оставь! – не по-детски огрызнулась малявка и попыталась сбежать.

Но за пределы круга ей не позволили выйти маги. Меланья усвоила урок Панфиловой и бросилась в другую сторону от мага, что ее остановил. Но два других – тоже не промах. В одно мгновение вокруг ритуальной площадки выросла ревущая стена огня. Нам оставалось только поймать беглянку.

Я держала девочку, пока Костя наносил руну очищения. И мне дико было видеть почерневшие белки глаз и искаженное злобой личико. Неужели действительно придется это сделать?

Зорин поместил брыкающуюся Меланью внутрь малого круга и активировал его, капнув крови ребенка. Я зажмурилась и зажала уши, чтобы не слышать и не видеть стенаний и плача. В душе все переворачивалось от осознания того, что там происходило. Но крики стихли вместе с опавшей защитой. Значит, девочка прошла очищение? Я бросилась к Меланье, чтобы проверить, в каком она состоянии, помочь.

– Не надо, Ася! – Зорин не подпустил меня и сам занялся осмотром.

А я ведь не сразу сообразила, что это означает для меня. В голове странно зашумело, сделалось жарко от полыхающих вокруг костров, лоб покрылся испариной. Как замороженная, я смотрела на хлюпающую носом Меланью, ожоги которой исчезали под воздействием амулета исцеления. Смотрела, как Костя поднимает девочку на руки, выносит за пределы круга и передает кому-то. Как он идет обратно.

Значит, это я? – Прошибло ледяным потом. – Меня ведьма избрала вместилищем? Выходит, не зря я утаила неприглядную правду от канцлера и сестры?

Я не замечала слез, бегущих по щекам. Кривилась только, что расплывается лицо Кости, спешащего ко мне.

Интересно, он догадывался? Знал? Наверняка предполагал. А ведь Зорин меня не убьет! Скорее ведьме позволит уничтожить полмира, чем завершит ритуал, как положено.

Баночка с составом, которым рисовали руны, стояла неподалеку. Я схватила ее, обмакивая палец в красящую смесь и вычерчивая на лбу

нужный символ. Жених сразу догадался, зачем это нужно, и бросился ко мне бегом.

– Ася, не смей! – Перехватил у границы второго круга, впился пальцами в плечи и встряхнул. – Не делай этого, прошу! Не надо. Любимая, не нужно, пожалуйста. Мы найдем другой способ. Договоримся. И ты будешь жива. Прошу, останься со мной. Мы уедем и будем вместе, всегда. С тьмой или без, я люблю тебя так, как никого и никогда не любил.

– Костя, ты так и не понял? Я. Тебя. Не. Люблю! – произнесла, глядя ему в глаза, и с силой оттолкнула от себя, одновременно делая шаг назад.

Я лихорадочно искала, чем порезать палец, чтобы активировать ритуальный круг. Заодно об амулетах вспомнила, которые будут защищать. От кого? От самой себя? Глупо! Стащила браслет и кинула на землю. Следом упали подвески, серьги и пуговица... пуговица разломилась в руке, так сильно ее рванула. Край у обломка острый, егохватило, чтобы поцарапаться и выдавить капельку алой жидкости.

– Настя, не-ет! – Костя, застывший в ступоре после моих слов, очнулся, с ужасом провожая взглядом падение маленькой капли. – Нет! – рванул ко мне, но нас разделил ослепительный столб света, в котором я вспыхнула факелом.

Глава 22

Нестерпимый палящий свет проникал в каждую клетку, заставляя закипать в жилах кровь. Но она тут же охлаждалась маслянистой массой, расплзающейся черными кляксами из внутреннего источника, и сковывала тело могильным холодом. Одновременно с этим кто-то безжалостный атаковал сознание, проникая внутрь ледяными щупальцами. Разрушал воспоминания и поглощал их, заменяя своими – гадкими, полными страданий и худших человеческих кошмаров. В этой неравной битве я проигрывала. Ведьма кусочек за кусочком уничтожала меня и заполняла собой. Я уже отчаялась спастись и только из чистого упрямства барахталась и сопротивлялась распространению тьмы.

Все изменилось в одно мгновение. Меня окутало ослепляющим сиянием, будто кто-то сильный пришел на помощь и крепко обнял, забирая боль и одним своим присутствием внушая, что все будет хорошо. Взамен надо только довериться и принять эту помощь, чтобы уничтожить проклятую тьму. Конечно же, я открылась и всем существом потянулась к человеку, подарившему шанс на спасение. Вместе мы расправились с ведьмой, развеяли каждое гнилое воспоминание, а после лавиной света смели черную мерзость и загнали тьму туда, откуда она пришла. В потаенную часть бессознательного, образовавшуюся одновременно с моим появлением на свет и оттого незаметную, прикрытую щитом беззаветной материнской любви.

– Выходит, я родилась такой? С тьмой, способной вырваться в любой момент? – с грустью осознала неприглядную истину. – Значит, я и есть чистое зло, от которого нужно избавиться? Или посадить в клетку и держать там до конца жизни?

Не хочу уподобляться Акулине, превращаться в Мару или еще кого-нибудь похуже. Что за жизнь ожидает впереди? В страхе? В постоянном ожидании, что темная часть завладеет мной? В одиночестве? – меня захлестнуло отчаянием и нежеланием мириться с

горькой участью, что уготовила судьба. – Конечно, я привыкну со временем, буду искать способы победить тьму, бороться с собой. Я ведь не подозревала прежде, что ведьма так глубоко проникла в сознание. Если бы не ритуал, я бы до последнего пребывала в неведении и не сумела бы ничего противопоставить темной силе, реши она завладеть мной.

– Кто вы? – мысленно обратилась к тому, кто незримо присутствовал рядом и стал свидетелем душевных терзаний. Впрочем, я и так уже догадалась. – Вы не устали меня постоянно спасать, Алим Осипович? Неблагодарное это дело, я ведь еще за прошлый раз задолжала. Мне жизни не хватит, чтобы расплатиться.

– Нисколько не устал. – Меня окутало согревающим светом мощной энергетики князя. Его слова мягко проникали в сознание, убаюкивали и вселяли ощущение крепкого надежного плеча. – Смысл моего существования в том, чтобы служить императорской семье, стоять на страже интересов и защищать всеми возможными способами.

– Сестра несомненно достойна такого верного друга и помощника. Нина рассказывала, что не раз спасала вам жизнь, а взамен вы принесли клятву служения. Выходит, вытаскивая меня из лап смерти, вы возвращаете старые долги? – Нашла объяснение, почему князь постоянно оказывается рядом, когда нужна помощь, и загрустила. Я всего лишь непутёвая родственница великой императрицы. – Что же, примите искреннюю благодарность. Рада, что оказалась полезной. Впредь я не доставлю беспокойства.

Я закрыла сознание невидимой стеной, выстраивая ее заново, как умела. Канцлер и так узнал мысли, какими никто не делится с малознакомыми людьми. В девушке интересна загадка, а я предстала перед князем «обнаженной». С многочисленными недостатками, грузом проблем, наивным восхищением его талантами и разочарованием, что он никогда не обратит внимание на такую, как я. Если раньше нас разделяла стена неравного социального положения, то сейчас – пропасть безграничной любви князя к императрице. Обидно, что я даже в мыслях не позволяла себе думать об Алиме, как о привлекательном мужчине. Не подавала виду, не реагировала на комплименты и проявление знаков внимания. Это ведь банальное любопытство, вежливость, долг – что угодно, только не то, чего бы мне

хотелось на самом деле. И вот теперь ему открылись мои сомнения, страхи и тайные желания. Да я от стыда сгорю рядом с ним!

Я вернулась к пугающей реальности, распахнув глаза и уставившись на опаленного огнем князя Леви. Он держал меня на руках, а во взгляде отражались отблески горящих вокруг костров.

– Спасибо, – просипела, заливаясь краской и мечтая провалиться куда-нибудь. – Вы снова меня спасли. Простите, что я сразу не рассказала о ведьме.

– Асенька! – протянув руки, ко мне ринулся Зорин. Вцепился клещом, выдирая из объятий канцлера. – Какое счастье, что ты жива! Я чуть с ума не сошел, думая, что снова потерял тебя.

– Снова? – переспросил Алим Осипович, вклиниваясь между нами и отгесняя видока в сторону. – Молодой человек, а не вы ли довели Анастасию Константиновну до столь плачевного состояния?

– Мы не представлены! – Костя вмиг ошетинился, прожигая князя колючим взглядом. – Но будет вам известно, что мою невесту зовут Анастасия Трофимовна Молчанова, а то, что тут произошло, семейное дело.

– Я – великий князь Леви-Зельман, и ничуть не ошибся, называя княжну Забелину настоящим именем. Все, что касается семьи Забелиных, я считаю личным делом. А вы, мало того, что обманом вовлекли княжну участвовать в темном ритуале, так еще подвергли ее жизнь опасности. Да по вам каторга плачет! Кстати, обручального кольца на Анастасии я не наблюдаю. Значит, она расторгла помолвку прежде, чем участвовать в этом... ритуале.

– Но я действовал исключительно по настоянию Анастасии Трофимовны, – возмутился бывший жених. – Ее решение разорвать помолвку было спонтанным. Асенька действовала из благородных побуждений. Защищала меня, догадываясь об исходе ритуала. Со стороны могло показаться, будто мы делали что-то плохое, но это не так. Ася, скажи ему!

– Алим Осипович, он говорит правду, – подтвердила слова Зорина. – Это я попросила Константина Алексеевича подготовить место и помочь с проведением ритуала. Вы ведь прочитали мысли и теперь знаете обо мне все! – Признав это вслух, ощутила, как запылали щеки. – Я только хотела уничтожить Мару, пусть даже ценой собственной жизни.

– И в этом стремлении спасти всех, кого только можно, Забелины удивительно похожи, – констатировал канцлер и тяжело вздохнул. – Да, теперь я знаю, что вам требовалась помощь. Но вы обратились не к тому человеку. Господин Зорин воспылил сильными чувствами и воспользоваться ситуацией, чтобы заполучить вас. Анастасия Константиновна, в прощальном письме вы привели подробную инструкцию защитного круга и самого ритуала. Почему же не убедились, соответствует ли площадка требованиям?

– Клевета! – взорвался возмущением Зорин. – Асенька, я исполнил все в точности, как ты наказала. Я не имел права на ошибку и никогда бы не подверг тебя опасности.

Я растерянно огляделась, замечая вокруг дружинников с имперскими гербами, незнакомых магов, новых родственников. Защитные круги и руны были вычерчены безупречно, я еще вначале отметила этот факт. Что не так? Разведенные за периметром костры? Они не влияют на ритуал. Маги? Так ведь они не вмешивались. Наоборот, удержали Зою Матвеевну и Меланью, когда они попытались сбежать.

– Не понимаю. – Беспомощно уставилась на Алима. – Чертеж выполнен идеально, я бы не сделала лучше.

– Анастасия Константиновна, вам раньше доводилось участвовать в магических ритуалах? – уточнил князь и, получив отрицательный ответ, продолжил. – В них важна каждая деталь. Упустите незначительную мелочь, и суть ритуала изменится. Например, в вашей инструкции указано, что необходимо добровольное согласие участников. Вы ведь уже сталкивались с предвзятым отношением простолудинов к тем, кто от них отличается. Достаточно было заикнуться о ведьме, и они бы сами прибежали, чтобы ни у кого из соседей не возникло подозрений в их сговоре с темной силой.

– Ася, на уговоры не было времени! – не сдавался Зорин, ничуть не смущаясь обвинений. – Да и не воздействовал на крестьян никто! Только сонными каплями опоили, чтобы сюда привезти

– Алим Осипович, все участницы в той или иной степени подпали под влияние Мары. Они освободились от него, благодаря ритуалу. Константин Алексеевич не совершил ничего предосудительного.

– Ничего? Варфоломей Никитич, – князь обратился к кровному брату Нины, а теперь и моему тоже. – Что скажете?

– Скажу, что молодой человек лукавит. Неважно, правильно ли вычерчена база для ритуала очищения, если в ее основу заложена темная октаграмма. – Полозьев присел на корточки и легонько стукнул ладонями по земле.

Я изумленно вытаращилась, как от рук мага по земле разошлись волны, словно это не стылая почва под ногами, а зыбучий песок или морская вода. Ровную площадку будто взрыхлили, а затем порывом ветра смели ненужное и наносное. Я оторопела, рассматривая изменения. Под четкими линиями одного рисунка проступили другие, ни на что не похожие, над которыми змеились сгустки черного марева.

– Костя, что это? Что ты сделал? – Меня затошнило от избытка тьмы.

Область солнечного сплетения сковало холодом, будто загнанное в угол зло вырвалось, почуяв родственную силу. Неприятно кольнуло под ребрами. Я охнула от спазма, сдавившего грудную клетку. Обхватив себя руками, согнулась, не в силах вздохнуть от нарастающей боли. С ужасом заметила, как потемнели под кожей вены.

– Настя, тебе плохо? – всполошился князь, устремляясь ко мне. – Целителя сюда! – крикнул кому-то. – Амулеты я уже использовал.

Я упала на колени, боковым зрением замечая, как канцлера отбрасила в сторону невидимая сила. В этот момент Костя подхватил меня на руки. От резкого подъема закружилась голова и потемнело в глазах. Нас укрыла магическая стена, взметнувшаяся кверху черной пеленой. За ее пределами взорвались светом пульсары, затрещали разряды магических заклинаний.

– Костя, что происходит? – прошептала, глотая слезы и слабея с каждой секундой. – Мне плохо. Я умираю?

– Нет, любимая. Разве я могу допустить такое? Поспи, легче станет. Скоро все закончится. Мы уедем далеко отсюда, поженимся и будем счастливо жить только вдвоем. – Перехватившись, чтобы сподручнее меня держать, Зорин задрал рукав камзола, под которым обнаружился массивный браслет с шестеренками, камнями и руническими символами.

Костя выставил циферки, покрутил рычажки и привел в движение миниатюрный механизм, отщелкнул фиксаторы и нажал на кнопку,

после чего воздух вокруг взметнулся вихрем к небу, разворачиваясь воронкой портала.

– Стойте! Остановитесь! – раздался пронзительный женский крик.

Костя вздрогнул и развернулся к незнакомке. Немолодой уже, но привлекательной, как показалось сквозь темную дымку.

– Слава, сыночек! Это ведь ты? Я же чувствую! Сердцем! – с мольбой во взгляде обратилась женщина к Зорину. – Пожалуйста, не уходи. Отпусти девушку! Не поддавайся пагубному влиянию тьмы. Мы обязательно что-нибудь придумаем, найдем приемлемое решение, вылечим тебя. Умоляю, только не исчезай снова!

– Вылечите? От чего? – Молодой человек скривился в язвительной усмешке. – Я не болен, мама. Наоборот, я здоров, полон сил и, наконец, нашел ту единственную, которую так долго искал.

Нас затянуло в порталый переход, в котором тьма облепила со всех сторон. Я будто с головой погрузилась в темную воду и потеряла ориентиры. Легкие загорелись от нехватки воздуха, по телу судороги пошли, когда тьма отступила и портал переместил нас в неизвестное место.

– Мы свободны, любимая. – Костя коснулся моего лба поцелуем. – Теперь все будет хорошо.

– Кто ты на самом деле? – просипела, сглатывая вязкую слюну, чтобы смочить измученное спазмами горло. – Та женщина назвала тебя Славой. Я знала мальчика с таким именем, когда жила в приюте. Но ты на него не похож.

– Ася, а как так получилось, что из приюта ты попала к Молчановым? Никаких сведений об удочерении не было.

– Ты не ответил на вопрос, – прошептала, прикладывая усилия, чтобы не провалиться в сон, вызванный слабостью и переутомлением.

Пока мы разговаривали, Зорин куда-то торопливо шел. Смотреть по сторонам не получалось. В портале я неосознанно сжалась в комочек, обняла бывшего жениха за шею и впилась руками в его камзол. Сил, чтобы разжать сведенные судорогой пальцы, не хватало. Я только чувствовала движение и морозный холод, который скоро сменился на прогретый воздух жарко натопленного помещения.

Я различила звук скрипнувшей под тяжестью веса кровати. Затем меня мягко уложили на подушки и высвободили руки, поочередно разжав пальцы. Неуютный дом! Мне сделалось холодно, без

человеческого тепла. Тяжелое одеяло, придавившее могильной плитой, не согревало. Тело сотрясала внутренняя дрожь, с которой я не могла совладать.

– Выпей! – Костя приподнял мою голову и приставил к губам край чаши. – Это поможет согреться и снимет спазм.

Я послушно опустошила емкость, утоляя изнуряющую жажду и инстинктивное желание согреться. Уснула я раньше, чем опустилась на подушки. Усталость дала о себе знать или сонное зелье – не так важно. Мне нужны были сил для борьбы, потому что я категорически не хотела связывать жизнь ни с Костей, ни с призраком из прошлого.

Сколько времени я провела во сне, не возьмусь определить. Кто-то чутко улавливал момент пробуждения и вновь погружал в сон. Неправильный, подавляющий волю и тягу к сопротивлению. Вероятно, меня куда-то везли. Периодически казалось, что я покачиваюсь на волнах. Воздушных или морских – не знаю. Может, так ощущалось движение паромобиля по дороге. Пришла в себя я уже в незнакомой роскошной спальне, на кровати, застеленной шелковым бельем. Поднялась и, утопая босыми ногами в пушистом ковре, подошла к окну. За ним расстился зимний парк с дорожками, скамеечками и ротондами. По бокам виднелись шпили башен и орнаменты наружной лепнины замка или даже дворца. Архитектура вычурная, непривычная глазу. Будто я уже и не в империи вовсе.

Позади скрипнула дверь, и я обернулась, желая получить ответы. В спальне появилась миловидная девушка в темно-синем платье и белом переднике. Она присела в реверансе, а после заискивающе улыбнулась и жестами попросила идти за ней.

– Кто ты? Как тебя зовут? – попыталась разговорить девушку, но она сомкнула пальцы в замочек, коснулась рта и покачала головой. – Тебе запретили говорить? Нас подслушивают? Нет? Язык проглотила? Ты, вообще, понимаешь, что я спрашиваю? Ты немая? – высказала разные предположений, и только на последнем девушка закивала. – Понятно. Мне жаль. Только как же к тебе обращаться? – Я тяжело вздохнула.

Виновато улыбнувшись, служанка вытацила из передника клочок бумажки, на которой корявым почерком было нацарапано «Жеана». Хм, имя чудное, иностранное, но речь ведь русскую понимает?

– Жеана? – уточнила на всякий случай. – Может, Женя или Жанна?

Молчунья покачала головой и вновь показала листочек.

– Ну, Жеана, так Жеана, – я не стала спорить. – И куда ты меня ведешь, Жеана?

Как оказалось, наш путь лежал в купальню с большим бассейном и всевозможными приспособлениями для массажа и наведения красоты. Внутри ожидали еще три девушки, молчаливые, угодливые и знающие свое дело. Я привыкла сама за собой ухаживать, пользуясь сторонней помощью, только, если полить сверху нужно или в баньке венником попарить. Меня не слушали, с улыбкой забирали мочалку или перехватывали расческу из рук. Спорить с тем, кто тебя не понимает, бесполезно. Вскоре я сдалась, позволив служанкам делать их работу. В небольших перерывах между процедурами, Жеана приносила тонизирующий чай, фрукты. Я бы и от нормальной еды не отказалась. Но не в бассейне же обедать?

Когда они закончили, я чувствовала себя чистой до скрипа. Взгляд радовала сияющая здоровым блеском кожа, отполированные ноготочки, уложенные в сложную прическу шелковистые локоны. Жеана помогла одеться, подбирая вещи, каких я прежде не носила. Начиная от кружевного белья из тончайшей ткани и заканчивая корсетом, к которому крепился подъюбник с металлическими вставками.

– Зачем он мне? – предприняла попытку отказаться от непривычного одеяния.

– «Чтобы платье село идеально. Так надо, госпожа Анастасия», – жестами пояснила девушка.

– Что за платье? Не нужно! Я к такому не привыкла. В корсете вздохнуть невозможно, а в этой громоздкой конструкции из металлических колец никуда не присядешь. Есть что-нибудь попроще?

Но служанка только покачала головой и поманила за собой пальцем. Разумеется, я проявила любопытство в надежде узнать, где нахожусь и что за странную игру затеял со мной Зорин, который на самом деле не тот, за кого себя выдает. Служанка провела через анфиладу комнат на этаже в гардеробную. Среди обилия зеркал и нарядов, на ступенчатом подиуме установили манекен, облаченный в

белоснежное свадебное платье, расшитое жемчугом и драгоценными камнями.

– Что это? Зачем? Жеана, ты ничего не перепутала? Я не собираюсь замуж!

Девушка сложила руки в молитвенном жесте и вздохнула, покачав головой. Затем настойчиво увлекла к платью, предлагая рассмотреть получше, потрогать руками ткань, убедиться в качестве ручной вышивки и оценить роскошь сверкающих бриллиантов. Признаться, в жизни не видела ничего красивее. Материя приятно струилась сквозь пальцы, казалась воздушной, невесомой. Отказаться хотя бы примерить этот шедевр дизайнерского искусства – верх соблазна, перед которым я не устояла. Стоило согласиться, как набежали служанки, ловко сняли наряд с манекена и надели на меня. Пока одна расправляла складки на юбке, другая затягивала шнуровку на корсете, третья струящейся дорожкой выкладывала на ступенях подиума длинный шлейф, четвертая помогала с перчатками, пятая закрепляла фату на прическе. Опомниться не успела, как оказалась на месте манекена, красуясь в ослепительном платье и ошеломленно рассматривая отражение в зеркалах.

Закончив работу, девушки упорхнули, оставив меня в одиночестве. А я еще покрутилась, желая отложить в памяти каждую деталь изумительного образа сказочной принцессы, и со вздохом принялась вытаскивать шпильки, которыми крепилась фата к прическе.

– Говорят, фата защищает невесту от завистливых взглядов и оберегает злых чар. – Появление незнакомой женщины я пропустила, а потому вздрогнула от неожиданности. – Но в этом доме, тебе ничего не угрожает, Анастасия. Если не нравится, то снимай, конечно.

Жгучая брюнетка в красном платье с декольте и открытыми плечами смотрелась ярко. Притягивала внимание порочной красотой, которая сводит мужчин с ума и вызывает зависть женщин. Возраст выдавали лапки морщин в уголках глаз и наметившиеся складочки у губ.

– Мы знакомы? – Я оставила фату в покое, обрадовавшись появлению человека, с которым можно поговорить.

– Заочно. – Незнакомка легко вспорхнула на подиум, чтобы вернуть на место шпильки, которые я успела вытащить. – Костя много

о тебе рассказывал. Теперь вижу, что он ничуть не обманул, описывая твою нежную красоту. Вы будете очаровательной парой.

– Послушайте, графиня, – сообразила теперь, кто передо мной. – я не понимаю, что происходит. К чему это платье? Здесь какая-то ошибка! Я вовсе не собиралась замуж.

– Евгения Павловна Зорина, – назвала себя женщина. – Отчего же вы решили, что ошибка? Костя влюбился и с нетерпением ждет того счастливого момента, когда вы, наконец, будете вместе.

– Но я еще не готова...

– Полно вам, Настенька! – перебила графиня, хватая за руку и успокаивающе поглаживая по ладони. – Все девушки испытывает страх накануне свадьбы. Бояться неизведанного – это так естественно. Поверьте, Костенька любит вас всем сердцем и обязательно сделает счастливой.

– Но я его не люблю! И помолвку мы расторгли, перед тем как... где я? Меня похитили? Что это за место?

– Ох! Ну что за глупости? – Женщина цокнула языком и осуждающе покачала головой. – Как можно не любить моего мальчика? Разве он обидел тебя? Вы поссорились? У вас ведь так хорошо ладилось, Костенька буквально на крыльях летал. Можешь все мне рассказать, и я постараюсь уладить возникшее недоразумение.

– Евгения Павловна, вы верно не услышали? – Я хотела высвободиться из цепкой хватки, но графиня пиявкой вцепилась в руку и не отпускала. – Мы с Костей расстались! Я согласилась на помолвку, оказавшись в стесненных условиях. Но затем я поняла, что не вправе использовать чувства Константина Алексеевича в корыстных целях. Я его не люблю, разве только, как друга. Пусть лучше он найдет другую девушку, которая ответит ему взаимностью.

– Настя, это ты не поняла. – Флер добродушной матери слетел с графини, обнажая жесткую хищницу. – Мой сын тебя выбрал и полюбил. И ты выйдешь за него сегодня же! – Впилась острыми ногтями в кожу, причиняя боль. – Сама же потом спасибо скажешь.

– Нет! – вскрикнула вырываясь. Завязалась борьба. Я пыталась высвободиться, а графиня только сильнее царапала кожу ногтями.

– Что происходит? Дорогая, зачем ты мучаешь бедную девочку? – Появление еще одного гостя я, разумеется, пропустила. Его голос, волнующий и бархатистый, проникал в сознание, обволакивал мысли

сладкой патокой и подчинял. – К чему ненужные ссоры накануне торжества? Женечка, отпусти девушку. Посмотри, какие ужасные следы ты оставила на коже! – Подошел к нам, с легкостью расцепил руки и подлечил царапины магическим импульсом исцеления. – Настенька, ты ведь хочешь выйти замуж за моего сына?

Я со всхлипом набрала полную грудь воздуха, собираясь твердо отстаивать свою позицию. Но замешкалась, потерявшись во взгляде водянистых глаз цвета жженого сахара.

– Хочу! – слетело с губ, вопреки моей воле.

Глава 23

– Вот и умница! – улыбнулся Алексей Карлович, гипнотизируя расчетливым ледяным взглядом. – К церемонии давно все готово. Идем, душа моя! – Галантно приложился губами к моей ладони, чтобы затем положить ее на сгиб собственного локтя. – Я отведу тебя к алтарю.

Ступая под руку с графом Зориным, я чувствовала, как он воздействует и контролирует каждый шаг, заставляя улыбаться и сильнее биться сердце. Тело практически не подчинялось мне, и только в глубине сознания билась мысль, что это неправильно.

Так не должно быть! Даже канцлеру не удалось прочесть мои мысли, пока я сама не открылась. Что же позволило Зорину взять надо мной контроль?

Ответ нашелся, когда мы замерли на вершине мраморной лестницы, а мужчина ободряюще похлопал меня по руке. Кровь! Графиня неспроста вонзила коготки в мою кожу! Алексей Карлович залечил ранки и магией собрал каждую капельку, проступившую сквозь тонкое кружево. Скосив глаза, потому что головой вертеть не получалось, я заметила проколы на ажурной ткани перчаток. Кровь послужила ключом к порабощению сознания.

Но граф еще не сталкивался с такими, как я! – Скривилась, завидев в конце лестницы усыпанную алыми лепестками дорожку к темному источнику, у которого замер в ожидании жених. – Я лучше погибну, чем стану марионеткой в руках последователей Темного ордена.

Граф контролировал часть моего сознания, нарочно или нет, давая понять, что сопротивляться бесполезно. Но что, если сознательная часть меня покинет тело? Граф Зорин – темный маг разума, но никак не некромант, способный управлять бездушной оболочкой. Мне бы только на мгновение перехватить контроль, а дальше я как-нибудь справлюсь.

Я смотрю на покатые ступени и никак не могу решиться. Затем перевожу взгляд на Костю, сияющего счастливой улыбкой, фальшиво улыбаюсь в ответ. Невольно отмечаю массивную чашу источника, над которой клубится черное марево, установленный перед источником плоский камень, пропитанный болью и страданиями жертв. Это место сочтется гадкой энергией и никакими ухищрениями этого не скрыть.

Фальшь, принуждение и обман – вот цена великой любви. Меня не подкупить этим суррогатом! С силой смыкаю зубы на кончике языка. На глазах проступают слезы, рот наполняется кровью. Отрезвляющая боль пронзает до кончиков пальцев, и на миг ко мне возвращается контроль. Я отталкиваю графа и рывком устремляюсь вперед. Но длинный подол путает ноги. Шлейф натягивается, будто на него наступили сзади. Тонкая ткань не выдерживает и рвется, а я падаю и кубарем качусь по каменным ступенькам.

Нина говорила, что чувствует, когда с родными по крови происходит несчастье. Жаль, у меня не осталось при себе амулетов, и я не маг, чтобы отправить зов. Понятия не имею, как это делается. Но в миг, когда мир кувыркается и летит вверх ногами, мысленно кричу и зову на помощь... князя.

Острая боль пронзает висок, я слышу неприятный хруст и тут же с легкостью выскальзываю из собственного тела, освобождаясь от боли, оков чужой власти и страданий. Невидимым облачком воспаряю над фигурой в белом, распростершейся у подножия лестницы, с сожалением наблюдая, как из раны на голове струится кровь.

Костя спешит ко мне с выражением дикого ужаса на лице, и все равно не успевает.

– Ася, нет! – Падает на колени, не зная, с какой стороны прикоснуться. – Что ты наделал, отец? – Трясущимися пальцами дотрагивается до раны и с содроганием смотрит на кровь. – Помоги ей! Вылечи! Сделай, что-нибудь!

Граф спешит, едва не падая. Но ему проще, в брюках легче удержать равновесие, чем в жутко неудобном платье. Еще на подходе, Зорин-старший формирует целительское плетение и запускает в меня разрядами одно за другим. Проходит минута, еще одна, но никаких улучшений не происходит.

– Бесплезно, у нее сломана шея. – Алексей Карлович устало плюхается на ступеньку, широко расставляя ноги в тех самых сапогах

из видения. Вот и нашелся таинственный хозяин купца Холзмана, установивший жертвенный алтарь в подвале под его домом. Кто бы только знал! – Мгновенная смерть, я бессилён что-либо исправить.

– Нет, нет, не может быть! Я не верю. Нет! Она не умерла. Не может умереть. Попробуй еще раз! – Костя подхватил меня за плечи, прижал голову к себе, баюкая и покрывая поцелуями.

Осознание того, что я умерла, приходит не сразу. Ведь вот она я! Относительно живая, хоть и бестелесная. А тело? Его же можно восстановить, или уже нет? Странно наблюдать со стороны за попытками реанимации, за отчаянием жениха и неподдельным горем, с которым он не желает мириться. И за тем, как в его глазах вспыхивает безумная надежда.

– Я знаю, кто способен ее вернуть! Мама! Насте поможет только маг Жизни! Отец, мне срочно нужен порталный амулет.

– Костя, послушай. – Алексей Карлович с притворным сочувствием качает головой. – Вспомни, как тяжело Настя перенесла переход сюда. Магия жизни невозможна без магии света, а ее тело насквозь пропитано тьмой. Я же только что влил прорву темной энергии. После портала тело сгорит при первой же попытке вернуть его к жизни.

– Но я... я ведь могу привести маму сюда! Она не откажет. Не посмеет! Маг Жизни служит императору, а Настя – младшая из рода Забелиных.

– Опомнись, сын! Имперцам здесь делать нечего! Это место единственное скрыто от них так, что ни одно поисковое заклинание не сработает.

– Отец, я прошу! Ася нужна мне. Я без нее не смогу. Я должен все исправить. Вернуть ее. Ты не понимаешь...

– Это ты не понимаешь! – Граф поднялся, сверкая тьмой в глазах. – Источник важнее девчонки. Выбери себе любую другую и делай с ней, что заблагорассудится. А истинных мест силы, подобных этому, больше не существует.

– Плевать я хотел... – процедил Костя, но темный маг вытянул руку вперед, сжимая пальцами его горло.

– Думаешь, что говоришь и кому! Не вынуждай принимать крайние меры.

– Пошел ты! – прохрипел молодой человек, хватаясь за горло и расстегивая тесные пуговицы свадебного камзола. Но не за тем, чтобы свободнее вздохнуть, а, чтобы вытащить из внутреннего кармана жетон видока. – Идите вы все... во тьму!

– Не смей! – страшно кричит старший Зорин, хлестая предателя магией по горлу, будто острым ножом.

Булька и захлебываясь кровью, Костя силится что-то сказать и не может. С ненавистью глядя на темника, он поднимает руку и стискивает жетон в кулаке так, что тот крошится на кусочки. Темный маг в бешенстве вонзает в тело жениха клинки, сформированные из чистой тьмы. Осколки амулета падают на пол, и Костя оседает следом, накрывая меня собой. Сил у парня еще хватает, чтобы показать человеку, который когда-то подарил ему жизнь, фигуру из приподнятого среднего пальца. Затем Костя подползает повыше, чтобы оказаться лицом к лицу со мной.

– Мы все равно будем вместе, любимая. – Целует меня и замирает с улыбкой на губах.

Я вижу, как темная тень отделяется от тела жениха и воспаряет в воздух. Душа чудовища, наполовину обезображенная тьмой. Сильная, кровожадная, жаждущая чужих жизней. Вторая половина еще хранит человеческие черты, напоминающие прежнего Славика, каким я его знала двенадцать лет назад.

Двуликий монстр еще не понимает, что произошло, осматривается и, завидев меня, кидается с такой скоростью, что никто не успел бы его остановить.

– Ас-ся! – Искореженный тьмой потусторонний голос жениха, похожий на скрежет когтей по стеклу, вызывает во мне омерзительную дрожь.

Мне бы сбежать, но я не подумала, что в бестелесном облике меня можно увидеть и даже схватить. Славик вцепился в меня обеими руками. Черной и жгучей клешней, прожигающей бестелесную оболочку, и второй, похожей на человеческую. Я растерялась, не понимая, что делать и как вырваться.

А в это время пространство вокруг взорвалось вспышками десятков порталов, откуда хлынули Забелины в полном составе, Бельские, Шумские, Стужевы и другие. Я распознала лишь некоторые печати золотых родов, с которыми столкнулась недавно. Воздух

раскалился от заклинаний, стало светло, как днем, из-за вспышек магии и плетений света. Он схлестнулся с тьмой, ядовитым клубком свернувшейся вокруг Алексея Карловича, который опрометью бросился к источнику, чтобы черпать из него силу.

Я опомниться не успела, как гигантский зал превратился в поле битвы. В другой раз предпочла бы убраться подальше отсюда, но впившийся клешнями монстр не отпускал. Он еще не освоился в бестелесной оболочке, вот и норовил прильнуть поближе, обнять, а это требовало сноровки и... моего согласия. А я уворачивалась, сопротивлялась и упиралась руками и ногами.

Внезапно что-то дернуло меня и потянуло вниз. Там, у наших со Славиком тел, на коленях стояла женщина, которую он называл мамой. А еще бледный, как мел, князь Леви, Нина и странный человек, внутреннее сияние которого слепило как солнце. Они сражались за наши жизни, концентрируя вокруг колоссальный объем магии света. Тело Славика, пораженное гнилой силой, плавилось и чернело на глазах. Тьма, разлитая вокруг, не желала отпускать законную добычу.

– Я не вытяну обоих! – слышу отчаянный крик женщины. – Их что-то держит там.

– Держит? – Я огляделась и обнаружила, что к Славiku со спины уродливой клешней присосалось темное щупальце.

Имперские маги отгеснили темников к алтарю. Старший Зорин стягивает к себе все ресурсы, чтобы дать отпор. Темная половина тащит Славика прочь, а он намертво вцепился в меня. Черная клешня облепила руку от запястья до локтя и слилась с моей тьмой, откликнувшись на присутствие идентичной силы. А меня еще удерживала связь с телом и воля могущественных магов, воззавших к родственной крови.

Да они на части меня разорвут! – испугалась не на шутку, когда нас со Славиком потащило к алтарю. – А-а-а, помогите кто-нибудь!

Я бы зажмурилась, чтобы не видеть раззявленной пасти, клубящейся тьмы и мелькающих там, словно в адском котле, поглощенных душ.

– Не хочу, чтобы это было так. Пусти! Славик, отпусти, ты меня убиваешь!

– Не могу, – просипел тот, чье лицо виделось наполовину нормальным, а на другую половину – оскаленным черепом. – Ты...

моя...

– Нет! Не хочу! Отпусти! Не надо! – Сопротивлялась, как только могла, и уже отчаялась справиться, как вдруг меня окутало светлым облаком. – Вы?! Но как? – Нет, это было не облако, а энергетическая сущность великого князя, сумевшего покинуть тело.

– Я же видел, как ты это делаешь, – раздался голос Алима, проникающий в каждую клеточку.

– Снова ты? Убирайся! – Славик исполнился злобной ярости. – Ася останется со мной.

– И не подумаю! – рыкнул князь. – Послушай, Константин или Вячеслав, не знаю, как теперь тебя называть, – обратился он к светлой части Зорина. – Ты ведь хотел спасти Настю. Так, почему убиваешь? Если любишь, отпусти. Она уже пострадала из-за тебя, и сейчас ты лишаешь ее последнего шанса. Ты ведь пожертвовал собой, чтобы указать нам путь. Для чего? Чтобы обречь Асю на вечные страдания? Если не отпустишь, твоя жертва будет напрасной.

– Но я всего лишь хочу быть рядом!

– Оглянись! Посмотри, куда ты ее тянешь, – не отступался Алим. – Ты же на самом деле любишь, теперь я это вижу. Любовь к Насте все эти годы позволяла тебе оставаться человеком. Это ведь ты вынес ее из пожара? Ты однажды уже спас ей жизнь, зачем губишь теперь?

– Я не могу... не хочу оставаться один.

– Можешь! – Алим мягко расцепил пальцы на той руке, что составляла светлую часть Зорина. – Ради нее. Ася будет жить благодаря тебе! – С силой перехватил черную клешню и рванул, высвобождая меня из плена.

Уродливое лицо исказилось ужасом, когда осознало, что нас разделили. Темный источник почувствовал слабость и, как ненасытная утроба, тут же потянул к себе давно поработанную душу. Барахтаясь из последних сил, Славик цеплялся за темную часть меня, впивался когтями и тянул так сильно, что моя энергетическая оболочка «трещала по швам». В какой-то момент она не выдержала и лопнула в точке натяжения, и Зорина вместе с оторвавшейся частицей моей души тут же затянуло в ненасытную пасть оскверненного источника. Я закричала, забилась в припадке, испытывая непостижимую боль потери.

Меня снова потянуло вниз, к телу, и на этот раз ничего не помешало вернуться. Только очнувшись, я зашлась криком от непрекращающейся боли, в физическом теле усилившейся стократно.

– Что с ней? Не понимаю! – донесся голос матери Славика. – Она вернулась, угрозы жизни больше нет.

Меня пытались удержать, целители волну за волной вливали энергию, от Нины шел мощный поток магии, но ничего не могло заполнить пустоты, откуда вырвали кусочек души.

– Нина, перенеси нас в Венскую купель, – за гранью сознания услышала просьбу князя.

– Алим, ты уверен? Быть может, родовой источник поможет?

– Он не хотел ее отпускать, тащил за собой, – пояснил канцлер. – Мне пришлось разорвать связь, что успела между ними образоваться там. Славик унес ее темную часть с собой. Я никогда прежде не сталкивался с подобным, но, чувствую, если немедленно не помочь, она сойдет с ума от боли.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Алим, – ответила императрица, прежде чем нас окружил серебристый вихрь.

Светлый портал я перенесла легче. Даже биться и хрипеть перестала, потому что это не приносило облегчения. Князь оказался прав, тянущее ощущение в области сердца сводило с ума. Я не могла сосредоточиться на чем-то, кроме этого жуткого чувства потери, по капле высасывающего жизнь. Завихрения порталного перехода сменились приглушенным отблеском горящих свечей неизвестного храма. В нос ударил запах жженого воска. Я удивиться этому не успела, как меня с головой погрузили в воду. Сил, чтобы барахтаться или сопротивляться, не осталось. С первым же вздохом внутрь хлынула... нет, не вода, чего я инстинктивно испугалась, а энергия, заполнившая изнутри и соединившая с купелью.

Только и эта мера не принесла облегчения! Вырванный осколок души не заменить и не заполнить магией.

Но вот я снова ощутила присутствие князя. Он и был той энергией, что текла по венам. Он стал силой, рисующей невидимые защитные знаки на теле. Он снова обернулся сияющим облаком, заключая меня в кольцо надежных объятий.

– Что вы делаете? – поразилась, ощутив, как он отрывает часть себя и заполняет недостающий кусочек моей души. – Зачем? Это же

так опасно. Вы сейчас должны испытывать невероятную боль!

– Но боли нет, я ведь сам пожелал этого. Меня окрыляет чувство радости, что сумел тебя спасти, – возник ответ Алима у меня в голове.

– Я снова должна вам жизнь? Так нечестно. Мне нечего предложить взамен. – Я исполнилась грусти и сожаления.

– Ошибаешься! У тебя есть то, чего мне так недоставало эти долгие годы. – В интонациях князя я уловила волнение и робкую надежду на что-то, чего он ожидал от меня.

– Что же это? Вы столько раз спасали мою жизнь, что она и так принадлежит вам. Теперь понимаю, отчего вы предложили сестре клятву служения и тем самым уменьшили груз неподъемного долга. А моих жалких способностей не хватит, чтобы отработать и тысячной доли.

– Нет, Настя, я хочу попросить кое-что другое. Что не имеет цены и не отдается по приказу.

– Не понимаю, о чем вы говорите, князь.

– Настя, я прошу тебя стать моей женой и позволить тем росткам любви, что уже посеяны в твоём сердце, прорасти и подарить нам обоим капельку счастья.

– О-о-о! – поразились, не в силах поверить, что князь действительно сделал мне предложение. – Вы не шутите? Невероятно! Вам известно то, о чем я сама только догадываюсь и не позволяю себе даже думать об этом? А как же сестра и ваша беззаветная любовь к ней? Вы ведь уже пытались полюбить другую и...

– И теперь у меня есть дочь, глядя на которую я понимаю, что попытка не была напрасной. Но с тобой все иначе. С первой минуты, как увидел, я сразу понял, что ты особенная. Загадочная, хрупкая, смелая, отважная, с чистым и благородным сердцем, способным полюбить один раз и на всю жизнь. Если не веришь, смотри!

Алим открылся, обнажая одинокую душу человека, истосковавшегося по ласке и человеческому теплу. Желавшего встретить чуткую половинку, который примет его со всеми талантами, достоинствами и недостатками, и полюбит так сильно, чтобы согреться пламенем взаимной любви и уважения до глубокой старости.

– Так, что же ты ответишь? – спросил князь, выказывая несвойственное ему нетерпение.

– А разве вам не известен ответ? У меня ведь не осталось секретов.

– Известен, но я хочу услышать его от тебя. И еще попрошу об одолжении: не обращай ко мне на «вы», пожалуйста. Каждый раз чувствую себя стариком, соблазняющим невинную девочку.

– Старик? Как вам, то есть, тебе не стыдно! Да у меня мысли в голове смешались, когда впервые ты оказался рядом. Помнишь, в подземелье, когда я по незнанию коснулась алтаря? Тогда, очнувшись у тебя на руках, я впервые подумала... Кстати, я нашла обладателя тех сапог. – Невольно опечалилась от грустных воспоминаний, а сердце отозвалось фантомной болью невосполнимой потери.

– Ш-ш-ш! – Меня окутало волной согревающей нежности. – Не думай о грустном. Теперь я всегда буду рядом, если ты только позволишь.

– Позволю? Да я мечтать не смела, что ты обратишь на меня внимание. Кто я, такая? Всего лишь безвестная гимназистка и недомаг. А ты – великий канцлер, наводящий ужас могущественный маг разума, талантливый, умный и невероятно заботливый мужчина, любящий отец. Мне нечем заинтересовать такого мужчину, как ты. Моя душа, мысли и тайны доступны тебе, как открытая книга. Даже сейчас, когда вижу и чувствую тебя настоящего, до ужаса боюсь проснуться и осознать, что это был сон.

– Настя – ты самая удивительная девушка из всех, кого я встречал в жизни. Тебе удалось заинтересовать меня, удивить и даже бросить вызов, умудряясь скрывать мысли, когда я так хотел узнать, что же творится в твоей хорошенькой головке. И я ничуть не разочаровался, обнаружив за умопомрачительной внешностью острый ум и удивительный внутренний мир. Ммм, знаешь, а еще я жуткий собственник! – Алим добавил голосу лукавства. – Теперь ты владеешь частичкой моей души, поэтому взамен я желаю заполучить тебя целиком. От корней волос до кончиков пальцев на ногах. Уверен, у тебя полно еще скрытых талантов, которым попросту не хватило времени раскрыться. Настенька, позволь же, наконец, услышать твое искреннее, незамутненное и восхитительно желанное...

– Да! – ринулась навстречу мужчине, окрыленная радостным предвкушением, что незачем больше обманывать себя и прятать чувства в глубины подсознания.

Наши губы встретились, сливаясь в первом трепетном поцелуе, которого я сама желала так сильно, как никогда прежде. А еще, как никогда прежде так волнительно не кружилась голова, не замирало сердце от восторга, не сбивалось с ритма дыхание и не улетучивались мысли, кроме одной – чтобы этот поцелуй длился вечно. Время замерло в тот счастливый миг, когда Алим открылся и заполнил собой отчаявщуюся пустоту моей души, а затем подарил всего себя.

Возможно, кому-то покажется странным, как быстро случилось наше сближение. Но это и не удивительно. Редко кому выпадает шанс заглянуть в душу избранника и осознать, что он твоя единственная половинка. Дополняющая тебя, беззаветно любящая, понимающая с полуслова и наполняющая жизнь смыслом.

Глава 24

Нашего появления из купели ожидали. Первой подалась навстречу Нина, которая хотела что-то сказать и осеклась, увидев, как крепко Алим обнимает меня и каким счастьем светятся его удивительные глаза. А еще сестре открылись те изменения, о которых я сама еще не догадывалась.

– Настя? Алим? Вы теперь вместе? – Императрица растерянно переводила взгляд с меня на канцлера и обратно, не скрывая удивления. – Все настолько серьезно? Уверены? Хотя, о чем я спрашиваю?

Я невольно насторожилась, доподлинно зная об особенном отношении сестры к канцлеру. Неужели, она ревнует?

– Да, Нина. – А вот Алим быстрее разобрался в причинах замешательства женщины, которую любил прежде. – Я обрел свою единственную половинку. Настенька – мое долгожданное счастье, и я прошу благословения на наш союз.

– Алим... – Нина хлюпнула носом и часто заморгала, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. – Я так рада за вас! Так счастлива, что не нахожу нужных слов. Настя, а ты?..

– Я люблю Алима. Всем сердцем, душой, и не представляю жизни без него. – В ответ на признание князь так крепко прижал меня к груди, что я невольно расслышала, как сильнее забилося его сердце.

– А ведь действительно любишь! – растроганно прошептала Нина и бросилась к нам, распахнув объятия. – Простите мои сомнения. Вы оба мне бесконечно дороги и... я не ожидала, что этот момент наступит так скоро. И что твоей избранницей окажется Настя.

– Ты видела будущее? – догадался канцлер. – И что еще показал вещий ворон?

– Что ты обретешь любовь и проживешь долгую счастливую жизнь... вдали от столицы, государственных дел и забот. – Сестра наигранно тяжело вздохнула. – Скоро империя лишится лучшего канцлера, который когда-либо занимал этот пост.

– Нина, ты же знаешь, что я никогда... – запротестовал Алим.

– Не переживай, в запасе еще есть время, пока ты подготовишь смену. – Императрица хитро подмигнула. – Ладно, я и так вас уже задержала. Не представляете, сколько народу собралось на площади, чтобы поздравить вас со знаменательным событием.

– Каким? – Спросила машинально, невольно выдыхая, что сестра не возражает против нашего союза и у нее нет даже толики ревности, которую я заподозрила поначалу.

– Как это с каким? Не каждый день великий князь ашкеназского народа женится. Людям хочется увидеть избранницу, похитившую сердце их сурового и неприступного правителя.

– Но я... – растерялась, лихорадочно осматривая потрепанное свадебное платье. – Ужасно выгляжу, наверное.

– Вовсе нет! – С жаром возразил Алим. – Ты выглядишь изумительно. К тому же нам хватит пары минут, чтобы показаться на публику. Официальное представление состоится позже. А платье спрячем под плащом.

– Постойте, ты сказала, женится? А откуда они узнали? Мы ведь еще ничего не обговорили?

– Али-им! – Нина цокнула языком и покачала головой. – Как не стыдно? Ты ничего не рассказал?

– О чем не рассказал, любимый? – Чуть отстранилась и доверчиво заглянула в глаза князю, который вдруг разволновался, как мальчишка.

– Настенька, понимаешь, я безумно боялся тебя потерять. Только я видел, как Зорин вырвал часть души, и чувствовал, что нельзя медлить. На объяснения времени не было, поэтому я попросил Нину переправить нас в Вену, в этот храм. Я думал только, как тебя спасти. Эта купель – достояние ашкеназского народа. Вода наделена особыми свойствами и заряжена магической энергией. В купели мы накладываем печати, что по воздействию сродни первой инициации в магическом источнике, принимаем в род новых членов, избавляем от болезней и влияния темных сил. Ты по праву рождения принадлежишь роду Забелиных. Значит, и роду Леви не чужая, я бы с радостью принял тебя в нашу семью. Но там... – Обернулся и с благоговением посмотрел на безмятежную водную поверхность. – Мы обрели друг друга, и наше искреннее желание быть вместе закрепилось священными брачными узами. Я планировал обсудить это позже, когда

окажемся дома, в спокойной обстановке. Но, стоило нам выбраться из купели, как я ощутил присутствие моего народа. Ну а первоначальное замешательство Нины только подтвердило, что наш союз уже не является секретом. Любимая, что скажешь? Мы можем не торопиться и перенести официальную церемонию, устроить пышное торжество или тихий семейный праздник, когда ты будешь готова.

– Выходит, я все-таки вышла замуж. – Я закусила губу, окидывая взглядом величественное убранство храма с витражами и фресками, пожилого служку, почтительно ожидающего неподалеку, сестру, без помощи и участия которой я бы не оказалась здесь. Затем посмотрела на мужчину, в одночасье ставшего центром моей вселенной, и улыбнулась. – И ничуть не жалею об этом. Мне нужен только ты, а пышная свадьба ни к чему.

– Вот и славно! – Нина с облегчением выдохнула и заулыбалась. – Представляю, как удивится Ваня, и остальные. Вот только насчет скромной свадьбы советую не обольщаться. Если Мусечка узнает...

– И о чем таком важном я узнаю, дочка? – В храм стремительно влетела женщина степенного возраста и пышных форм. – Алимчик, представляешь, охрана не хотела меня пускать! – всплеснув руками, пожаловалась она. – Как это возможно? Меня? Родную маму, которая души в тебе не чаёт и ночей не спит, радея за твоё благополучие. Непорядок! Обязательно разберись и накажи виновных. Сыночек, а кто эта очаровательная барышня, чью красоту не портит даже безвкусное платье? Почему она так крепко к тебе прижимается, будто упасть боится? Ниночка, что происходит?

– Настенька, – Алим ободряюще погладил меня по плечу, – познакомься, пожалуйста, это моя мама, княгиня Мирьям Нава Юсуф-Сииновна Леви Зельман Полозьева. Мама, счастлив представить тебе мою жену, княжну Анастасию Константиновну Леви, в девичестве – Забелину.

– Ах! – У женщины глаза округлились, и она схватилась за сердце. – Сыночек, разве ж можно столько счастья разом на бедную маму вываливать? Я ж теперь не знаю, чему в первую очередь радоваться. Это же та пропавшая Настя, которую столько лет искали? Где же она так долго пряталась? А как с Алимашкой познакомилась? А пожениться, когда успели? Ох, что же это делается? – схватившись за голову, запричитала Мирьям. – Маме отлучиться нельзя, чтобы дети не

взялись счастье без меня устраивать! Безобразие! Как не стыдно? Идите же скорее, родные мои, я хоть обниму вас напоследок, пока разрыв сердечный не случился.

– Мама, мы не допустим, чтобы ты захворала. Нина ведь за тобой присматривает, и целители тоже, – Алим подался навстречу матери и крепко ее обнял.

– Сыночек, ты же знаешь, возраст берет свое. Здоровье подводит, сердечко пошаливает, – с выражением величайшей трагедии на лице и голосом умирающего лебедя пожаловалась Мирьям.

– Мда? Значит, снова отправим тебя на лечебный курорт, чтобы поправила драгоценное здоровье. Жаль, конечно, что некому будет приготовлениями к свадебному торжеству заняться, – князь наигранно тяжело вздохнул. – Кроме тебя, никого ведь лучше нет. Но что тут поделывать? Ты всем нам дорога. Знаю, Настенька меня во всем поддержит, и мы вместо свадьбы организуем скромный семейный ужин.

– Что значит, ужин? – возмутилась Мирьям, с которой слетела маска тяжело больной дамы. – Я тебе покажу, скромный! – кулаком пригрозила. – Где это видано, чтобы великий князь Леви каким-то ужином обошелся? Не дождетесь! Все самой! Все самой приходится делать! – закатила глаза кверху.

– Мы будем рады, если вы поможете нам, – поддержала мужа, заметив, с какой хитрой улыбкой наблюдает за разговором Нина. – Если это не затруднит вас, и не пойдет во вред здоровью, конечно.

– Что ты, деточка! – Княгиня встрепенулась, будто бы только и ждала этих слов. – Разумеется, мама поможет! Мама организует свадьбу в лучшем виде, даже не сомневайся.

У меня даже мысли не возникло сомневаться, наблюдая деятельную натуру мамы Мирьям. Она ошеломляла с первых же секунд общения и не оставляла собеседнику шанса на сопротивление. А как тут сопротивляться, если даже великий и ужасный канцлер, перед которым трепетали матерые преступники, для княгини был Алимужкой – любимым сыночком? Императрицу она дочкой считала, а императора называла дорогой зятек Ванюша. Невольно задумаешься, а кто же у нас главный в империи? Отдать должное, в механизмы управления страной или народом княгиня не вмешивалась. Ей хватало обязанностей по организации торжеств, праздников и официальных

мероприятий. И вот тут она проявляла волевой и где-то даже тиранический характер в стремлении довести каждую деталь до совершенства.

Вот и сейчас мама Мирьям настояла, чтобы Нина перенесла нас в венскую резиденцию князей Леви, где меня спешно переодели и привели в порядок. Образ барышни из высшего общества, созданный Мусечкой, пришелся мне по душе. Я рассыпалась в благодарностях, а в ответ меня крепко обняли, как родную и прошептали на ушко:

– Добро пожаловать в семью, дочка. Ты вернула улыбку моему сыну. Когда он на тебя смотрит, то светится от счастья. Я уж и не надеялась, что этот момент наступит. Теперь мое материнское сердце спокойно.

Алим тоже успел сменить наряд и освежиться. В петличке его камзола торчал краешек платочка, совпадающий по цвету с моим платьем, а шею украшал шарф того же оттенка. Вместе наши наряды гармонировали и составляли цельный образ.

– Сынок, а ты не забыл об одной маленькой детали? – Довольная собой, мама Мирьям все же нашла, к чему придраться.

– Нет. Я планировал сделать это в более подходящий момент. – Князь обменялся с матерью понимающими взглядами, смысл которых раскрылся мгновением позже.

– А чем этот плох? Мама тут, Ниночка, как родственница со стороны невесты, тоже. Ну же, порадуй девочку!

Я вопросительно посмотрела на Нину, но та пожала плечами, устранившись от ответа. А Алим ободряюще улыбнулся и вдруг опустился передо мной на одной колено.

– Анастасия Константиновна, окажете ли вы мне великую честь и согласитесь ли стать моей женой?

– А разве мы уже не?.. – Растерялась на мгновение и огляделась в поисках поддержки. Однако Нина и мама Мирьям только загадочно улыбались, а служанки тихими мышками притихли в сторонке и таращились во все глаза.

– Я согласна! – Улыбнулась мужу, радостно замечая, как и он расцветает счастливой улыбкой.

– Тогда позволь в знак нашего союза подарить семейное кольцо рода Леви? – Достал из внутреннего кармана сверкающее бриллиантами украшение и надел на мой безымянный пальчик.

Затем поднялся и приник к моим губам поцелуем, смущая и вгоняя в краску тем, что это происходило на глазах у родственников и слуг. Я прижалась к мужу и уткнулась ему в грудь, робея от пристального внимания.

– Ох, совсем девочку засмущали! – Мирьям цокнула языком, а сама украдкой смахнула слезинку с уголка глаза. – Ну, ничего! Ничего страшного, привыкнет со временем. Идемте к храму, а то нас там уже заждались.

Представление народу запомнилось слабо. Я крепко вцепилась в Алима и улыбалась, не замечая незнакомых лиц, сливающихся в одно пестрое пятно. Хорошо, что большего не требовалось. Князь сам сказал приветственную речь и поделился радостной новостью о заключенном браке.

– Ну что, вроде формальности соблюдены, народ готовится к официальной церемонии и гуляньям, – подвела итоги Нина. – Пора возвращаться? Дома нас тоже заждались. И еще не подозревают, какой их ждет сюрприз.

– Подождите! А что с графом Зориным? С моими подругами? Они ведь в деревне остались. Я хотела узнать, Костю..., то есть, Славика спасли?

– Не переживай, графа уничтожили и сообщников – тоже, – успокоила сестра. – Девушек доставили в гимназию, а перед этим всех участниц ритуала очистил от скверны светоч. А что касается Вячеслава Беркутова, который выдавал себя за сына графа Константина Зорина, то его спасти не удалось... – печально вздохнув, Нина добавила, – к сожалению.

– Но как же? Ведь с вами прибыл маг Жизни? Слава называл ее мамой. Неужели она не вытащила Костю? Выходит, меня спасла, а родного сына... – я расстроилась.

– Мне жаль, что так вышло. – Императрица подошла и сочувствием пожала мою руку. – У нас хватало сил и ресурсов, чтобы удержать парня и залечить раны. Но тьма слишком глубоко проникла в его сердце. Ничего нельзя было с этим поделать. Тамаре об этом известно, что не умаляет ее горя.

– Я бы хотела поговорить с ней, поблагодарить за спасение и рассказать о Славике. Он вырос бы замечательным парнем, если бы не проклятая тьма.

– Может, сделаем это позже? – уточнила сестра. – Тамаре потребуется время, чтобы прийти в себя.

– Нет, Нина, думаю, не стоит откладывать, – вмешался в разговор Алим. – Для Насти важно поставить точку в этом вопросе и отпустить прошлое. Да и для Тамары будет полезно узнать о сыне что-то хорошее.

– Как скажете, – не стала спорить императрица. – Тогда идемте во дворец, полагаю все участники давно собрались там и ожидают нашего возвращения.

Переход длился пару минут, за которые я лишь восхитилась мастерством и невероятной силой, какой природа наделила Нину. Из специальной комнаты для перемещений, откуда Мусечка и императрица упорхнули по своим делам, мы с Алимом отправились напрямик к Тамаре Беркутовой – магу Жизни. Ее покои размещались в отдельном крыле здания и представляли собой классический набор жилых помещений из гостиной, спальни и ванной комнаты, с примыкающей к ним приемной для посетителей. В комнатах суетились слуги, собирая вещи и пакуя чемоданы. Очевидно, женщина собиралась покинуть дворец. Сама она в траурном платье стояла у окна гостиной и расфокусированным взглядом смотрела в пустоту.

Навстречу нам поднялся мужчина преклонного возраста с белыми как снег волосами и удивительно яркими голубыми глазами.

– Доброго дня, Семен Павлович, – поздоровался Алим. – Как она? Вижу, съезжаете? Решили в Тобольске пожить?

– И тебе доброго здравия, Алим Осипович, – ответил на приветствие мужчина. – И супруге твоей новоиспеченной. Ну, ты и жук, князь! Скрывал, значит, что нашел младшую сестру Нины, чтобы никто перспективную невесту не увел? Неужели так хороша?

– Сокровище! – не без гордости похвалился канцлер. – Настенька, позволь представить бывшего главу Тайной канцелярии великого князя Стужева Семена Павловича. Ты не обижайся на его слова. Это он из зависти, что сыну не успел тебя сосватать. Будто бы ледышка сам не справится с этим вопросом. Вон, княжна Демидова как раз подросла. Так, чего медлит? Она ему в невесты лет с десяти напрашивается.

– Рада знакомству, – пролепетала, тушуясь от пристального внимания ледяного князя.

– Значит, не по сердцу невеста пришлась! – буркнул мужчина, не переставая буравить меня взглядом. – Тебе ли не знать, что насильно мил не будешь?

– То-то и оно, Семен Павлович! – поддакнул Алим и кивнул в сторону мага Жизни. – Сильно горюет?

– А ты не видишь, будто? Тамара насовсем уходит собралась, вот ждем только, когда Нина вернется, чтобы сообщить новость. Не бредили бы вы рану, и так кровоточит уже столько лет.

– Простите, что беспокоим в неурочный час. Но я думаю, ей будет важно узнать кое-что о Славе. О том, что он сделал для меня, вопреки влиянию тьмы.

– Ох, сомневаюсь я... – Стужев покачал головой, но тут внезапно ожила Тамара.

– Подойди! Я хочу услышать то, что ты пришла рассказать.

Мы расположились тут же, у окна, за круглым столиком для рукоделия. Мой рассказ длился не меньше часа и за это время женщина не произнесла ни слова. Только в конце сухо поблагодарила и сказала, что ни в чем не винит меня.

– Не думай, что, вытаскивая тебя из-за грани, я упустила шанс помочь Славе. Я упустила его гораздо раньше, когда полюбила не того человека. Спасибо, что пришла. Мне важна каждая деталь жизни сына. Надеюсь, Алим Осипович не откажет в просьбе и сделает слепок твоих воспоминаний о нем?

– Уже, Тамара Васильевна! – Князь подошел и положил на стол кристалл, отливающий желтым сиянием. – Я подумал об этом сразу, как Настя попросила о встрече с вами. И, пока вы беседовали, создал слепок.

– Благодарю! – Женщина накрыла рукой подарок, но не сразу решилась забрать. – Пожалуй, прощаться и портить праздник не буду. Передайте Нине и Ивану, что я рада была служить им, но больше не чувствую в себе способности исцелять. Простите, если не оправдала ожиданий, но всему есть предел. – Тамара поднялась и, прихватив камень, подошла к Стужеву. – Сенечка, я готова. Идем!

– Князь! – Легким наклоном головы попрощался Семен Павлович. – Княгиня! Вынужден откланяться. Счастливо оставаться. – Подхватив под руку спутницу, мужчина открыл портал, обдавший нас

морозным холодом и веером снежинок, и исчез в нем вместе с магом Жизни.

– Мы вовремя успели. – Я тяжело вздохнула, сочувствуя чужому горю. – Ее можно понять. Обладать талантом к спасению жизни, воскрешать людей из мертвых и не суметь спасти собственного сына. Это, должно быть, безумно тяжело. Но за что Тамара извинялась?

– Согласен с тобой, любимая! Тьма и ее последователи искалечили много судеб, и с этим ничего уже не поделаешь. А извинялась Беркутова за дело. Елизавета Гавриловна, жена Игната Александровича Забелина, вашего с Ниной троюродного брата, двенадцать лет прожила усилиями Тамары Васильевны. Для семьи новость, что больше некому поддерживать ее жизнь, станет большим ударом. Двенадцать лет назад из-за предательства Вячеслава темники похитили Лизу вместе с дочкой. Эта отважная женщина, не обладая магическим даром, защищала новорожденное дитя, расходуя жизненную силу собственной души. По роковому совпадению на этот раз тоже не обошлось без участия Вячеслава Беркутова.

– Выходит, я виновата, что маг Жизни лишилась силы?

– Ну, что ты, Настенька? Как ты могла такое подумать? Ты помогла обнаружить темное логово и уничтожить, спасая тем самым сотни жизней. Вина лежит на темниках, чью гниль мы без устали выкорчевываем все эти годы. И, вообще, нельзя сдаваться раньше времени. Мы обязательно найдем выход и что-нибудь придумаем.

Эпилог

Свадьба, как обещала Мирьям, прогремела на всю империю и за ее пределами. Случилось это событие в первый день Нового года, что стало уже своеобразной традицией в семье Забелиных. Да и затягивать с торжеством, откладывая его на поздний срок, мы сами не захотели. К этому времени я как раз сдала экстерном экзамены в гимназии и завершила практику в Московском департаменте полиции. Воронежское княжество еще лихорадило от новости, что у них окопался последователь темного Ордена. За двенадцать с лишним лет граф обзавелся многочисленными связями и состоял в деловых отношениях с многими влиятельными семьями империи. Одни закрывали глаза на темные дела Зорина ради прибылей, другие сами продались тьме, а третьих использовали втемную. Все это кропотливо расследовали и выясняли столичные дознаватели при непосредственном участии великого князя Артемия Стужева, действующего главы Тайной канцелярии. С его дедом я познакомилась в день отъезда Тамары Беркутовой.

В гимназии новость, что я прихожусь родной сестрой Ее величеству, вызвала натуральный шок. А уж свадьба самого загадочного и могущественного холостяка империи, вообще, взорвала общественность. О нас писали газеты и журналы, наши магоснимки печатали на первых полосах, нас обсуждали в модных салонах, на чаепитиях и приемах. За нас радовались, нам завидовали, о нас сплетничали! Циля, как и грозились Нина, выпустила слезливую историю, как суровый канцлер искал любовь всей жизни и сколько преград преодолел на этом пути. Журналы с сериями рассказов раскупались мгновенно, радиопостановки крутились чуть ли не каждый день. В театрах даже пьесы поставили, обыгрывая моменты нашей долгожданной встречи.

А девчонки мои как загордились! Вмиг стали местными знаменитостями, общества которых искали молодые люди, жаждали подробностей местные сплетники и преследовали газетчики. А что

творилось в городе, когда на вручение диплома прибыла сестра с мужем? Впервые за историю существования на Большой Дворянской случилась пробка из колясок, паромобилей и карет, запрудивших улицу в желании увидеть императорскую чету. Престиж нашей гимназии взлетел так, что господина Савушкина местное дворянство завалило просьбами принять отпрысков на обучение. Не каждому смертному посчастливится побывать на императорском балу в новогоднюю ночь! А моим подругам и всему третьему курсу пришли именнные приглашения на праздник. И преподавателей я пригласила, конечно же, и парней из Управы. Ведь все они долгие годы были моей семьей.

Кстати, на свадебном пиру ко мне подошла Зоя Матвеевна и, жутко смущаясь, спросила о планах насчет Демьяново. Если честно, то никаких планов не было, о чем я и рассказала. Управляющего Алим туда поставил толкового, не пропадет хозяйство. А как приспособить к делу валун и место силы, мы еще не задумывались. Слишком много других дел навалилось. Так вот, Панфилова попросила разрешения поселиться в Демьяново и обучать крестьянских детей грамоте. Понравилось ей там, места красивые, с чем сложно не согласиться. Разрешение воспитательница тут же получила, тем более, что и господин Савушкин находился неподалеку и ничуть не возражал против увольнения сотрудницы. В гимназии планировалось постройка нового корпуса и расширение кадров, в связи с этим уже дали объявление о наборе воспитателей и учителей, на которое откликнулись десятки желающих.

К слову, впоследствии я ничуть не пожалела, что разрешила Зое Матвеевне заняться преподаванием. Из крестьянского класса с пятью детишками постепенно выросла и образовалась школа травников, куда съезжались ребята с окрестных земель. Поначалу Панфилова с учениками для себя травы собирала, настойки из них готовила, притирки, сборы от хворей. Нас, разумеется, снабжала, когда мы в гости наведывались. А после народ и сам стал интересоваться, где приобрести чудодейственные настойки, аптечные лавки с удовольствием закупают составы. Так что со временем спрос только повышался, а рабочих рук и знающих мастериц не хватало. От меня, как от хозяйки земель, требовалось только разрешение и средства на строительство. Так, на месте бывшего Зимовья деревянным теремом выросла новая светлая школа с учебными классами и комнатами для

проживания. Тарас Григорьевич там теперь за безопасностью следит. Сам приехал в деревню, когда его оправдали и выпустили из тюрьмы. А Зоя Матвеевна удочерила Меланью и еще двух сироток из городского приюта, да и для остальных учеников стала второй мамой. Так что я могла только порадоваться за них и за то, как преобразилась деревня, и какое полезное нашлось применение моим землям.

Спустя суматошных пять лет после замужества, когда я закончила Московскую академию магии, а Алим подготовил себе преемницу, мы осели в Ирбисово. От общения с внешним миром никто не отказывался, не нужно считать нас отшельниками. Просто мы ожидали первенца, а он уже всю проявлял чувствительность к тому, что творилось вокруг. Больше всех радовалась появлению братика Ингерда, смышленная не по годам девчушка, которую я приняла как родную и полюбила. Теперь она умело скрывала способности от окружающих и посещала школу для одаренных детишек. Только с нами Инни шалила и неожиданно врывается в мысли с каким-нибудь вопросом. А мы больше не ругали ее, понимая, как важно иногда быть собой и не задумываться над каждым шагом или словом.

Пожалуй, еще двое пользовались подобным доверием дочери, это Абигель – родная сестренка Алима, обладающая тяжелым характером, несмотря на юный возраст. И Осип – младший брат, появление которого стало большим сюрпризом для мамы Мирьям и ее второго мужа Саввы Никитича Полозьева. Учитывая, какие гены соединились в этом худеньком и тщедушном на вид мальчонке, думаю, он еще всех удивит. Как Аби, например, которая в двадцать три года стала самым молодым канцлером империи. И мне жаль того бедолагу, который обманется милым личиком и задорными кудряшками. По ментальным способностям девушка превосходила старшего брата вдвое, а уж Алим научил сестру всем премудростям. В особенности тому, как размазывать противника одним взглядом.

Нина, которая сама уже родила четверых детей, следила за моим здоровьем и рекомендовала почаще гулять, разговаривать с малышом и читать сказки. Я ведь не сразу поняла, что происходит. В какой-то момент люди рядом со мной стали вести себя странно. Завистников и злопыхателей при дворе хватало, и в академии я обзавелась друзьями и недругами. Так вот, стоило последним приблизиться, как они начинали дергаться, озираться по сторонам и убегать в страхе. Каюсь, проучила

так одного заносчивого мага, что вечно кичился способностями и норовил поддеть, что я недомаг. Но я не ожидала, что Озеров водное шоу устроит, хлестая струями как хлыстами. Хорошо, что никто не пострадал, а у меня слишком крутая защита, чтобы бояться промокнуть под дождиком. Однако разобраться в этом вопросе пришлось, и вызвали для этого Аби, которую поставили курировать академию.

Сестра мужа и для меня давно стала родной, так что я приветливо помахала, обрадовавшись встрече. А вот она хитро так прищурилась, оглядела присутствующих и выдала вердикт:

– С Его светлости штраф за оскорбление Ее сиятельства с занесением в личное дело. С такими предрассудками против немагов нечего делать в магическом департаменте. Хм, и в департаменте имперской безопасности тоже.

– Но как же?.. – попытался взбрыкнуть граф Озеров.

– Мне вслух озвучить, какими словами вы оскорбили княгиню Леви? – Аби повела бровью, и молодой человек сдулся.

На этом разбирательство закончилось. Абигель мило улыбнулась мне и подошла, целуя в щечку, а затем озадачила фразой.

– Настюш, а ты бы кого хотела, мальчика или девочку?

– В каком смысле? – Иной раз мне требовалось время, чтобы провести логическую цепочку и понять суть вопроса слишком умной сестренки.

– В таком, что вы с Алимом разве не думали о детях?

– Думали, конечно. – Я засмузилась. Последнее время нас с мужем одолевали родственники по этому поводу. – Дочка уже есть. Было бы здорово, чтобы и мальчик появился. Но мы одинаково будем любить и мальчиков, и девочек, так что неважно.

– Но мальчик был бы лучше, да?

– Верно! А к чему ты спрашиваешь?

– К тому, что кое-кто крохотный, – Аби стрельнула глазками вниз, – но уже до ужаса любопытный, слушает нас и переживает, когда же непутевые родители догадаются о его существовании и начнут уже любить?

– Ты серьезно? – Невольно схватилась руками за слегка выпирающий животик, лихорадочно сопоставляя в уме факты и косвенные признаки. – Значит, поправились я не от сладкого, которым

злоупотребляла последние пару месяцев? Ох! – Почувствовала легкий толчок изнутри. – Mamочки! – Испытала натуральный шок.

К слову, мы с Алимом чувствовали друг друга на расстоянии. Минуты не прошло, как муж уже примчался порталом.

– Что случилось? Настя, на тебе лица нет! Аби, в чем дело? – переполошился он.

– Будет лучше, если Настя сама расскажет, а я в сторонке постою и полюбуюсь, – устранилась сестра.

– Настя, ну же, не заставляй лезть в твою голову. Я ведь чувствую, что ты напугана. Тебе плохо? Может, целитель нужен?

– Нет! То есть, да! Не знаю, – выпалила в волнении. – Алим, у меня хорошая новость, только слегка неожиданная. У нас скоро будет ребенок!

Откинувшись на спинку садовых качелей, я с улыбкой погладила выпуклый живот. В ответ меня изнутри пнули ножкой. Сыну нравилось, когда я вспоминала этот момент, потому что я редко видела Алима, впавшего в ступор и глупо хлопающего глазами как девчонка. Но это длилось секунды, после чего меня подхватили на руки, крепко прижав к себе, и закружили в воздухе. Пожалуй, это самое запоминающееся событие за последние годы. Хотя, отмечу еще одно, запавшее в душу. Еще до торжественной свадебной церемонии, когда состоялось представление семье и запоздалое принятие в род.

В Каменной пади – родовом имении Забелиных собрались многочисленные родственники. Вместе с самыми близкими мы спустились к источнику, возле которого я обнаружила сотни призраков – духов рода. Тогда я впервые увидела отца, тенью следовавшего за мамой, с которой мы давно помирились. Еще обратила внимание, что духи держатся парами, не желая расставаться после смерти. И узнала подробности трагедии с Лизой и артефактом «сосуд души», благодаря которому она спасла дочку Дашу, но пожертвовала собой.

Мне прежде не доводилось бывать в источнике. Он наполнял каждую клеточку силой и не убивал, благодаря защите Нины. Именно там я увидела, что люди состоят из энергетической оболочки, взаимодействующей с тонким миром, и привязанную к физическому телу. А у Лизы душа была разорвана на кусочки и постепенно распадалась, не имея подпитки извне. Прежде маг Жизни ее

восстанавливала, но теперь этого никто не делал, из-за чего женщина угасала.

– А почему не поделишься частью души, если так сильно любишь? – не удержалась и спросила троюродного брата.

– О чем ты? – не понял меня Игнат.

– Ну, как же? Когда Славик едва не утянул меня в темный источник, то вырвал кусок души. И Алим поделился, заполнив собой недостающую часть. Ты бы тоже так смог.

– Алим, о чем она говорит? – бросился к мужу Игнат. – Что ты сделал? Вдруг, это поможет Лизе? Я согласен!

– Дорогая, покажи, что ты увидела? – мягко попросил муж, которому я без сомнений открыла мысли. – Это может сработать! Свадебный обряд единения в купели храма! Но я действовал по наитию. Не уверен, что получится повторить.

– Мы должны попробовать! – Нина схватила обоих братьев за руки. – Я верю, у вас обоих получится.

И ведь не ошиблась! Алим провел для Игната и Лизы свадебный обряд единения, после чего беда отступила, а у поженившихся во второй раз новобрачных наступил медовый месяц, последствиям которого пошел уже четвертый годик. Дочку назвали в мою честь Настей. Скоро и мой черед наступит стать мамой, осталось подождать три месяца.

От приятных воспоминаний отвлек странный писк в траве. Я поднялась, чтобы посмотреть, кто это там барахтается, и обнаружила маленького вороненка с топорщащимися в разные стороны перышками.

– Малыш, ты как сюда попал? Из гнезда вывалился? – Я огляделась, выискивая, откуда он упал, и заметила удивительную пернатую парочку на дереве. – Гектор! – Узнала счастливого папашу, с которым познакомилась во дворце у Нины.

– Помнишь его? – спросила сестра. – Ты еще выхаживала ворона, когда жила в приюте?

– Да, я помню, что заботилась о птице, но точно не об этой! Сейчас не уверена даже, что это был ворон. Скорее, ворона!

Как же Гектор тогда всполошился! Сам подлетел, клюнул в руку, забирая капельку крови, а после взмахнул крыльями и исчез. Как раз пять лет прошло с тех пор. И вот он объявился в Ирбисово!

– Выходит, и ты искал свою половинку? – Я улыбнулась и подошла к птицам.

Ворона мало походила на жертву приютских мальчишек, хотя лет с тех пор прошло немало, я могла ошибаться. А вот пара у Гектора молодая. Может, потомство во втором или третьем поколении?

– Это не ваше чудо? – Показала нахохлившегося птенца в ладонях, который еще и больно клюнуть меня умудрился.

– Настюша, кто это тут с тобой? – Муж неслышно подошел сзади и обнял, с удивлением рассматривая незваных гостей. – О, да это же старый знакомый! Гектор? Неужели ты остепенился? И что же, своего наглого вороненка нам подкинул? Мне уже поздновато обзаводиться вещуном, Насте ни к чему. Да ладно? Мой сын еще не родился, а ему уже питомец нашелся? Может, намекнешь хотя бы, какая судьба его ждет?

– Кар! – оглушающе выдал ворон, после чего обе птицы вспорхнули и улетели.

– Знаешь, любовь моя! – Я развернулась к мужу, баюкая в ладони птенца. – Думаю, ни к чему нам знать будущее. Сколько бы лет судьба не отмеряла, мы проведем их вместе. А у наших детей будет счастливое детство в окружении друзей, родителей и близких родственников. В наших силах заложить в них лучшее, что есть в нас, на собственном примере показать, ради чего стоит жить. И, если все сделать правильно, то в дальнейшем не придется за них переживать. Ведь они будут чтить память предков, ценить семью и горой стоять друг за друга.

– Настенька! – Алим заключил в ладони мое лицо и крепко поцеловал. – Душа моя, как же я рад, что обрел тебя после стольких лет одиночества!